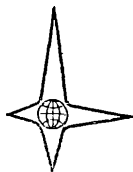

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

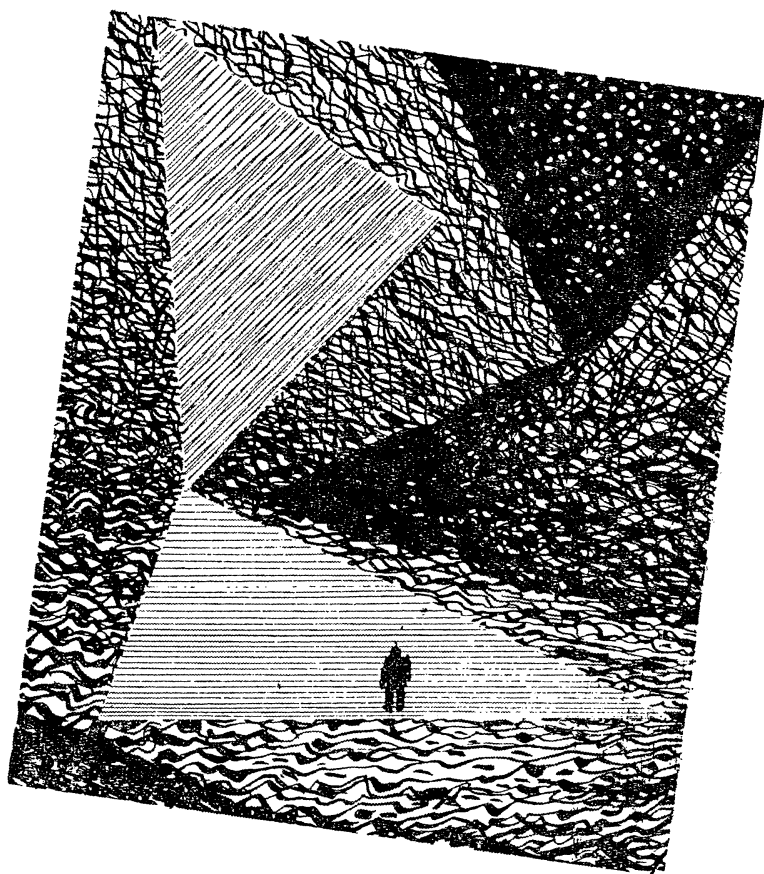
Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ...

**Сборник
научно-фантастических
рассказов
о
космосе**

Составитель Б. К л ю е в а

Предисловие Г. Г у р е в и ч а

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1969

Редактор Е. В а н с л о в а

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

НАСЕЛЕННЫЙ ВООБРАЖЕНИЕМ

Лет десять назад у нас был опубликован рассказ американского писателя Гамильтона «Невероятный мир».

Прибывшие на Марс космонавты, к своему удивлению, встречают на этой пустынной планете многочисленное и странное население. Монстры, один другого страшнее и несообразнее: многоголовые, многоногие, злющие и беспомощные, все вооруженные нестреляющим оружием; почему-то здесь есть и красотики. Откуда этот сброд? Оказывается, из фантастики. На Марсе материализуются бредовые измышления безответственных фантастов. Но теперь, раскрыв тайну человеческого воображения, обиженные марсиане садятся за пишущие машинки, и вот уже по Нью-Йорку шагает уродливый великан — отныне марсианский бред материализуется на Земле.

Рассказ этот пародийный — он высмеивает бытовавшую на Западе авантюрную фантастику, «космическую оперу». Но сейчас я хотел бы обратить внимание на другое: рассказ этот не только пародиен, но и символичен.

Да, действительно, нашу Землю окружает некий невероятный мир, который называется космосом, невообразимо обширный, необыкновенно пустой, с миллиардами километров «ничего», пронизанного только лучами, простреливаемого метеоритной пылью. Быть может, — ручаться нельзя — сотни и тысячи лет люди будут рыскать в этой пустоте между мерзлыми глыбами и раскаленными сгустками газа, прежде чем найдут какое-то подобие жизни,

не говоря уже о разуме. Но и сейчас, помимо этого подлинного космоса, мерзло-пустого, создан в читательских головах еще один космос, воображаемый, где носятся взад и вперед ракетные корабли, пороховые, водородные, атомные, мезонные, анамезонные, фотонные, внепространственные, ноль-пространственные,— необозримый мир, густо населенный героями, космос литературный, придуманный писателями в соответствии с их симпатиями, личными, классовыми, историческими, национальными, профессиональными. И население получилось до того пестрое, что разобраться в нем нелегко — нужно сопоставлять вкусы и взгляды писателей разных стран и разных времен. Нельзя, свалив два десятка рассказов в одну кучу, сказать: вот литературные герои космоса. Нужны еще примечания — что за герои, откуда, требуется этаким адрес-календарь — «кто есть кто» в литературном космосе, что за герой, кто послал его, куда и с какой целью.

Почему именно космос?

Это первый вопрос, предварительный. Почему именно в космос командируют фантасты большую часть своих героев?

А вы, читатель, попробуйте поставить себя на место автора. Вот вы рассказываете о чем-то необыкновенном: об одной стране, где люди не стареют и не умирают, о другой, где живут лишь дураки безголовые, о третьей, где нет мужчин, одни женщины, или о необыкновенном герое, способном поразить даже дракона. Зачем рассказываете? Хотите показать на наглядном примере, каково будет женщинам без мужчин, каково жить без старости и смерти? И что важнее в схватке с опасным хищником — смелость, сила или умение?

— Но драконов не бывает, — говорит скептик слушатель.

А вам хочется, чтобы воспринимали всерьез, слушали внимательно, суть впитывали, а не форму. Вы о героизме говорите, дракон только гипербола литературная.

— Да, у нас драконов не бывает, — отвечает вы. — Дело было за морем, в тридесятom государстве.

Тридесятое государство, — такое место действия придумали фантасты-фольклористы, сказочники древности.

Но шли века, появились начатки географических знаний, и въедливые скептики стали допытываться:

— Где это тридесятое государство, как оно называется — Мизия, Мидия, Лидия?

И сказочник выбирал самое отдаленное, на краю света, известное только по имени. А не веришь — попробуй доберись, проверь.

Древнегреческие аргонавты сражаются с драконом в Колхиде. Другой дракон проглатывает спутников Одиссея в Мессинском проливе. Для греков героического периода Италия и Кавказ были на краю света.

Аладдин — тот, что завладел волшебной лампой, — живет в Китае. Волшебник приезжает за этой лампой из Марокко. Мир арабов распространился уже на три материка — от океана до океана.

А когда Колумб пересекает один из этих океанов, за море устремляется и фантазия. Америка открыта в 1492 году, в 1516 году Томас Мор открывает остров Утопию. В том же столетии целый фантастический архипелаг описывает Рабле... и так вплоть до XVIII века, когда Свифт наносит на карту Лилипутию — где-то близ Австралии — и материк для великанов между Японией и Северной Америкой... куда корабли не заплывали.

Но к концу XVIII века все океаны прочесаны вдоль и поперек, а в середине XIX века пересечены централь-

ные области Африки и Азии. Не остается на глобусе места для солидного фантастического государства. Куда его поместить? У полюсов? Но там холодно. Под землю? Тесно и темно. На дно морское? Жители захлебнутся.

Настоящим спасением для фантастики стало открытие каналов на Марсе. Казалось, сама наука подтвердила, что в космосе имеются другие цивилизации. Марсианин — нечто достоверное, хотя ничего достоверного о нем не известно. Полнейший простор для фантазии: пиши, что вздумается.

Тогда-то и началось массовое переселение фантастики в космос (отдельные пионеры побывали там раньше, например Кеплер и Сирано де Бержерак). Сначала литераторы устремились на Луну и на Марс, потом на Венеру, а затем к звездам. Звезд хватает. В одной нашей Галактике больше сотни миллиардов солнц, не исключено, что у многих есть планеты. Любой писатель имеет возможность, выбрав на небе созвездие и в нем звездочку, красненькую или голубенькую, заселить ее планеты драконами или вечно юными бессмертными. Космос оказался самой обширной и самой достоверной ареной для вымысла. И писатели стали ставить на этой арене драмы, или комедии, романтические, авантюрные, психологические, сатирические, или утопии — мечты о совершенном обществе будущего, или антиутопии — предостережения об опасных и гибельных вариантах развития.

Можете вы предложить фантастам другую арену действия, столь же обширную и достоверную? Четвертое измерение, антимир? То ли есть они, то ли их нет. Атомы? Как влезть в мир атомов? Будущее? А в будущем что? Все равно — Земля и космос.

Но тут произошло некоторое превращение.

В отличие от тридесятого государства, от острова Утопии, которому нет места на картах («Утопия» перево-

дится как «неместо»), в отличие от выдуманного материка Бробдингаг космос существует в подлинной действительности, может описываться не только как арена, но и сам по себе, как объект, как литературная тема. Объектом может быть космос ныне существующий и космос будущий. Соответствующие произведения имеются: фантастические путешествия с научно-популярным уклоном для описания планеты и звезд у Жюль Верна, Фламариона, Циолковского, а также рассказы о будущем изучении, освоении и даже реконструкции небесных тел. В результате к пестрому населению воображаемого космоса прибавляются еще исследователи астрографы, поселенцы — астропахары, астроветеринары и другие, а также астроархитекторы — проектировщики небесных тел.

КОСМИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

КОСМОС — ОБЪЕКТ

КОСМОС — АРЕНА ДЕЙСТВИЯ

Но называется все это одинаково — «космическая фантастика», включается в общие сборники, в том числе и наш, а читателю приходится разбираться «кто есть кто», откуда герой попал в космос и зачем.

Для облегчения разбора мы расставили рассказы в соответствии с приведенной схемой. В каждой группе тем предоставим первое слово романтикам мечтателям, потом искателям приключений и т. д.

Зов горизонта

Представьте себе, что планета наша была бы на самом деле плоской, как считали в средневековье. Тогда в очень ясные дни или на вечерней заре за океаном виднелась бы Америка. И люди знали бы о ней задолго до того, как научились мореплаванию, видели бы недоступную, населяли бы воображаемыми драконами и основывали бы там идеальные государства, гадали бы об этой синей стране у горизонта и мечтали бы о ней, бродя у кромки моря.

В таком положении оказались мы по отношению к космосу. Живем на берегу межпланетного океана, а переплыть пока, увы, не в силах. Видим космические «америки», но причалить к ним не можем. И фантазеры сочиняют сказки о космосе, ученые строят теории, хапуги подсчитывают возможные прибыли, а романтики ходят по берегу в ясные ночи, вздыхают и мечтают: «Эх, поплыть бы!..»

Все начинается с мечты.

Рассказом о мечтателе открываем мы наш сборник, об ученике пекаря Жюле, который у топки хлебопекарной печи услышал зов горизонта и ушел к звездам, дав обещание, что за него никому не будет стыдно. И сдержал обещание.

Я думаю, не случайно автор рассказа «Небо, небо...» американский писатель Эрик Фрэнк Рассел выбрал своим героем французского юношу. Видимо, слишком мало чистых романтиков, рыцарей без страха и упрека, встречал он в американской действительности. И решил, что, может быть, лишь там, в романтическом Старом Свете, еще не перевелись мечтатели.

Романтики прокладывают трассы, потом по трассам курсируют пассажирские поезда. Но даже и на обкатанных железных дорогах бывают аварии. О приключении пассажира на одной из космических трасс повествует Артур Кларк, английский фантаст и ученый, автор энциклопедической книги «Черты будущего», научно-фантастического романа «Большая глубина», повести «Лунная пыль» и множества переведенных у нас рассказов.

Кларк — известный писатель и известный ученый, а по складу ума — в большей мере ученый, чем писатель. И к фантастике он относится всерьез, не как к условной декорации. Его роман о будущем океана — не только роман, это как бы пояснительная записка к проекту использования водных ресурсов. А полет потерпевшего аварию человека рассчитан по законам небесной механики, описан в соответствии с правилами движения искусственных спутников. И нам приятно отметить, что

Кларк с уважением упоминает о достижениях советской космонавтики, увязывает место действия с открытым нашей «Луной-3» хребтом Советского Союза.

Кларк — ученый; впрочем не следует относиться с молниеносным благоговением к фантазиям ученого, поскольку всякие фантазии основаны на гипотезах, не только на фактах. Так, опираясь на распространенную гипотезу о многометровых толщах пыли на Луне, Кларк написал свою повесть о приключениях вездехода, утонувшего в лунной пыли. Но в феврале 1966 года наша ракета

«Луна-9» прилунилась в Океане Бурь и оказалось, что грунт там твердый, никаких пылевых трясин. Есть неточности и в рассказе «Второй Мальмстрем». Например, герой летит в пространстве, делает за десять секунд один оборот и при этом рассматривает созвездия. Он даже не сразу замечает, что вращается. Попробуйте покрутиться на каблуках в таком темпе; вы поймете, много ли звезд мог рассмотреть герой Кларка.

Это не упрек Кларку. Трудно рисовать по памяти, а не видя натуры, еще труднее. Что-нибудь выйдет не так.

Тему дальних космических полетов продолжает Артур Сэллингс в рассказе «Вступление в жизнь». Тема та же, что и у Рассела, подход иной. Там — романтическая розовая мечта, здесь — грустный скепсис, горькое раздумье. Рейс на полтора века, несчастные дети, обреченные расти, жить, жениться, состариться и умереть в камерах и коридорах ракеты, в космической тюрьме. Кто предначертал им такую судьбу? Во имя чего лишены они нормальной жизни? Стоит ли цель таких жертв? — как бы вопрошает автор.

Ответить сами мы не можем, потому что не знаем, для чего ракета послана в такую даль. И не знаем, почему не применялись излюбленные фантастикой средства — многолетний анабиоз или сокращение времени в соответствии с теорией относительности.

Юмореской венгерского писателя Дьюла Хернади, посвященной относительности времени, его "растягиванию», завершаем мы раздел космических полетов, озаглавленный «Зов горизонта». В рассказе Хернади — он пожилой, она — юная. Но в космосе время относительно. Он летит в космос, чтобы уравнять возраст. Для него годы съежаты, она тем временем «подрастет». К сожалению, техника проклятая подвела, перебор получился на двести лет.

Ау, братья, где вы?

Возвращаемся к мечтателям. Из всех космических грез самая распространенная и самая заманчивая — мечта о встрече с братьями по разуму, с иными цивилизациями, желательно — с более развитыми, определившими нас, способными передать нам секреты еще не сделанных открытий, осыпать волшебными дарами.

На астероиде — осколке разорвавшейся планеты — герой румынского писателя Владимира Колина находит парчовую скалу и под ней в подземелье — некую красную жидкость, изготовляющую все, что придет в голову в буквальном смысле слова. Подумал о павиане — явился павиан, подумал о человеке — явился человек. Не жидкость, а скатерть самобранка. Наполни один бассейн — и не нужны поля и огороды. Подумал об обеде — явился обед. К сожалению, астероид вскоре взорвался сам собой, тайна парчовой скалы так и осталась неразгаданной.

Открытие потеряно для людей. Конечно, дело не в том, что автор мечтает о гибели открытий. Просто взрыв — распространенный в фантастике литературный прием, позволяющий автору уклониться от изображения последствий, к которым приводит применение открытия, снимающий недоумение читателя: почему о таком замечательном событии никто не слышал? И вот извержение губит Таинственный остров Жюль Верна вместе с подводной лодкой капитана Немо, другое извержение уничтожает Землю Санникова у Обручева, гибнет человек-невидимка, унося в могилу секрет невидимости, и Кэвор не возвращается с Луны, и путешественник во времени теряется во времени. И взрывается астероид с парчовой скалой. А в рассказе «Мишура» сгорают на елке нити с записями всех достижений некой неведомой цивилизации

(и с чего бы это ее послам понадобилось писать свою энциклопедию на легковоспламеняющихся нитях?). Сохранились только самые важные слова: Будьте осторожны! Если эти знания использовать в целях уничтожения...

Рассказ этот написал Петер Куцка, венгерский поэт, лауреат премии имени Кошута, активный сторонник социализма с первых дней создания Венгерской Народной Республики, автор фантастических рассказов и многих литературоведческих статей о фантастике, советской и мировой. В данном случае Куцка пишет рассказ, напоминающий об осторожности, о том, что научные знания могут быть использованы и для уничтожения.

Вообще в космической теме межзвездных контактов все время отражается земная тема сосуществования. Масштаб космический, а мотивы земные, знакомые: мир или война, возможность взаимопонимания, коммуникабельность. Мир жаждет большинство людей, не только на Востоке, но и на Западе. И западные фантасты все снова и снова пишут о контактах (космических), предлагают все новые и новые методы, чтобы достичь взаимопонимания (фантастические). Взаимопонимание представляется им делом очень трудным. Тут сказалось воздействие западной пропаганды, долгие годы твердившей, что сосуществование невозможно, потому что люди вообще некоммуникабельны, не способны сговориться, договориться, понять друг друга. И прогрессивные фантасты приняли участие в этой дискуссии, показывая, что договориться можно даже в космосе, не только с инакомыслящими, но и с инакоустроенными, с чуждыми существами из других миров.

О разнообразных контактах с иными мирами написал много рассказов Клиффорд Саймак. У нас издан его сборник «Прелесть» и роман «Все живое...», где люди до-

говариваются даже с разумными цветами. Сложностям первого контакта с иными существами посвящены и многие рассказы Мюррея Лейнстера, в том числе опубликованные в нашей прессе.

Один из них так и называется — «Первый контакт». Встретившись в космосе, люди и пришельцы ведут долгие переговоры, опасаясь внезапного удара и предательства. Наконец находят решение — анекдотическое... в прямом смысле слова. Оказывается, те и другие любят пикантные анекдоты — найдена почва для взаимопонимания.

Собака служит посредником между цивилизациями в рассказе «Парламентер». И люди и пришельцы ласковы к ней, с помощью собаки выясняется, что обе стороны настроены доброжелательно. Новый вариант той же проблемы дан в рассказе «Этические уравнения», входящем в наш сборник. Пришельцам надо помочь в беде, тогда они поймут, что мы существа не злонамеренные, хотим дружить, а не воевать — такова, по Лейнстеру, этика, человеческая и вселенская. Суть во взаимопомощи. И не придавайте особого значения научному антуражу рассказа, написанного давно. С изотопами там неточно. У легких металлов действительно есть радиоактивные изотопы, их неоднократно получали в лабораториях, и никаких катастроф при этом не происходило.

Пришельцы — гигантские и микроскопические, милые и зловредные, ракетоподобные и травянистые. Столько уже нафантазировано, все варианты перебраны. А если представить себе встречу всерьез? И развенчивая набивший оскомину сюжет, сниженно, буднично рисует столкновение с чужим кораблем знаменитый польский фантаст Станислав Лем.

Лем щедро поработал для заселения воображаемого космоса, отправил туда целые толпы — образы серьез-

ные, карикатурные, необычайные, люди, курдли, роботы, копии. На этот раз для встречи с пришельцами он командирует самого уравновешенного и здравомыслящего из своих героев — Пиркса, в прошлом наивного курсанта, а ныне практичного космического капитана, занятого будничным каботажом, буксированием ракетного лома. И надо же — именно на его долю выпадает открытие, какие бывают раз в тысячу лет. Но пленка засвечена, доказательств нет, и нарушена инструкция, не стоит подводить себя под взыскание. Мелкие практические соображения — и диковинный корабль уплывает в космические бездны. Открытие отодвинуто еще на тысячу лет.

И веселой юмореской заканчиваем мы раздел. Молодой японский писатель Синити Хоси уже не впервые высмеивает надежды коммерсантов на прибыльные обороты в космосе. Публиковался у нас рассказ «Когда придет весна». В нем предприимчивые торговцы продали товары в кредит до весны, но выяснилось, что зима на той планете продолжается пять тысяч лет. На этот раз космические коммерсанты зарятся на драгоценные камни, а между тем аборигены их собственную ракету растащили по винтику.

Вот тебе и контакты! И стоило мечтать?!

Еще один вариант контакта: аборигены не только растащили, но и съели груз ракеты, потому что легкие металлы, видите ли, нужны были им для пищеварения.

Казалось бы, тема у Фудзио Исихара такая же, как у Синити Хоси. Но написан рассказ в другом ключе: это научный детектив, где сюжет связан с деталями теории относительности. Лоренцево сокращение размеров при субсветовых скоростях не может наблюдаться и фотографироваться, отсюда все недоразумения. Только предупреждаем читателя, что и здесь нельзя принимать все обстоятельства без критики. Облететь вокруг планеты

на субсветовой скорости, да еще с резкими поворотами — вряд ли у кого выйдет.

А обратили вы внимание, что автор ссылается на русского исследователя по имени Владимир Савченко? В данном случае имеется в виду молодой советский фантаст Савченко. Его перу принадлежит, в частности, рассказ «Второе путешествие на странную планету, переведенный на японский язык. В том рассказе действительно говорится о ракетоподобных разумных жителях странной планеты. Любопытный пример взаимодействия фантастики разных стран.

Космическая Оклахома

Ну, а если никаких контактов так и не будет? Если космос — мертвая пустыня, мерзлая или горячая, каменная или газовая? Тогда, видимо, люди — земляне — станут единственными обитателями планет, обживутся там, устроятся по своему вкусу.

Пока что в космосе воображаемом герои вынуждены жить в соответствии с вкусом их создателей.

У авторов советских заметна тенденция к реконструкции космоса. Впитав идеи переделки природы в масштабе страны, привыкнув к поворотам рек, рождению морей, оживлению пустынь, мы и космос начинаем перекраивать: перемещаем планеты, отепляем их, снабжаем воздухом, склеиваем или дробим...

В свое время при массовом заселении космоса придется этим заняться. Ведь в солнечной системе нет планеты, где человек остался бы в живых, сняв скафандр.

Но западные фантасты обычно обходят проблему приспособления. Чаще изображают не реконструкцию, а колонизацию космоса и примерно так, как проходила колонизация американского континента.

Как известно, сразу же за Колумбом в Америку ринулись шайки конкистадоров, проще говоря, разбойников, вырезавших тысячи индейцев ради золота, золота, золота.

Воображаемый космос тоже пережил стадию грабежа, когда в поисках сокровищ по планетам носились шайки авантюристов, давя и рубя толпы аборигенов, всяких десятиногих уродцев с глазами, как у насекомых. За условность, не правдоподобие и театральность обстановки фантастика этого типа и получила ироническое наименование "космической оперы". Бэрроуз — автор "Тарзана", был одним из первых оперных «либреттистов»: лихо писал оперы Гамильтон, недаром и пародия у него получилась удачная. Но, пошумев, «космическая опера сошла со сцены и сейчас доживает век в комиксах, стала развлечением двенадцатилетних мальчишек. Не было оснований включать ее в наш сборник.

В истории подлинной Америки грабители пограбили и удалились, а затем их сменили переселенцы. И в космос воображаемый после оперных авантюристов были отправлены переселенцы — фермеры, торговцы, врачи, обыкновенные люди. И герои американского происхождения устроились по-американски. Создалось космическое продолжение Америки, присоединенные планетные штаты, не Марс, а космический Техас, не Венера — космическая Оклахома. Салуны с игроками, шерифы, гангстеры, мелкие бизнесмены, огородники — американский обыватель со своей психологией.

Получилась фантастика с психологическим уклоном, изображающая типичного американца в необычной космической обстановке, а подчас даже не очень космической.

И этот раздел мы начинаем с романтиков. "Звезды зовут, Мистер Китс", рассказ Роберта Янга. Этого аме-

риканского писателя наш читатель знает как автора лирических, даже несколько сентиментальных рассказов «Срубить дерево» и «Девушка-одуванчик». Первый — о призрачной дриаде, которая гибнет вместе с деревом, второй — о девушке из будущего, полюбившей нашего современника и перекочевавшей на машине времени в его молодость, чтобы стать женой этого человека.

На этот раз Роберт Янг как бы завершает историю пекаря из рассказа Рассела «Небо, небо!..» Космонавт уже стар, получает мизерную пенсию, его третировал пошлый и самодовольный зять. Утешительный хэппи-энд не убеждает нас. Космонавт возвращается в космос, но ведь старость не отменяется. Через год-два он снова вернется на ту же мизерную пенсию, с которой можно жить только в Зброшенных домах.

О рядовом марсианском (читай: техасском) враче рассказывает нам Уильям Моррисон — ученый-биохи́мик, доктор наук, переводчик, автор книг о балете и археологии и по совместительству — писатель-фантаст. Сюжет он придумал фантастический, ничего не скажешь. И не упустил реалистические детали космического Техаса. Герой в желудке у коровы, в смертельной опасности, не известно, выберется ли, а вокруг спуют репортеры, детей вовлекают в радиоигру, уже создается реклама... и светит богатство, если врач выберется из пасти живым.

Где деньги — все, там и преступления — из-за денег.

О преступлении в космическом Техасе рассказывает Артур Кларк, вводя в сюжет с присущей ему научной обстоятельностью астрономическое обоснование — границу часового пояса, рассказ "Преступление на Марсе". Конечно, если на Земле есть такая граница, она понадобится и на Марсе.

Гораздо глубже раскрывает эту тему Артур Порджес. "Ценный товар" — рассказ о том, как жадная ме-

что о миллионе толкает людей на убийство и преступление против науки и человечества. Ведь это у всего человечества отнята возможность познакомиться с неизвестными разумными существами — Солнечными Странниками.

«Аламагуса» написана Э. Расселом — его романтическим рассказом мы открыли наш сборник. На этот раз автор развенчивает туманные грезы. Ведь столько американских юнцов мечтают о море, надевают морскую форму ради романтики и попадают на какой-нибудь авианосец «Оклахома», к боцманам и бюрократам в подчинение. Романтики ради юнцы будущего наденут космическую форму, и вот результат: ревизии, смотры, инвентаризация, как на американском авианосце.

Космос бюрократический!

«Аламагуса» — точная и едкая сатира на американскую военщину, в долгих разъяснениях она не нуждается. Но подробного разбора требует короткий, емкий и сложный рассказ Рэя Бредбери «Уснувший в Армагеддоне».

Прежде всего, надо напомнить, что рассказ этот — единственный в нашем сборнике пример «чистой фантазии», ненаучной. «Ненаучная» в данном случае просто эпитет, литературоведческий термин, а не упрек. Это разновидность фантастики, где обстановка явно условна, космос только для видимости. Чистая фантазия — это откровенная сказка, но для взрослых, рассказ-басня, рассказ-притча с аллегорическим смыслом.

Бредбери, как и Лем, не нуждается в рекомендациях. Он хорошо известен любителям фантастики. Мы читали его лирическую повесть «Вино из одуванчиков» и роман «451° по Фаренгейту» — книгу о мрачном обществе, где чтение считается преступлением. Это протест против реакционных тенденций в США, против дешевой массовой

псевдокультуры, против серой стандартизации мышления, против культа пустых развлечений, забивающих время.

«Марсианские хроники» Бредбери — серия рассказов глубоко психологических и символических. Марс только условное название сказочно преображенного Техаса (или Оклахомы, или Калифорнии), а каждый рассказ — задумчивое повествование о человеке.

Рассказ «Уснувший в Армагеддоне» написан в ключе «Марсианских хроник». Как и Марс в хрониках, астероид здесь условен: не бывает же астероидов с воздухом, пригодным для дыхания. Деталь эта как бы напоминает, что и прочие подробности надо понимать в переносном смысле.

Слово «Армагеддон» — библейского происхождения. Считается, что это Хар Мегиддо — название горы в Палестине, по Библии место сражения войск бога с антихристом. В переносном смысле употребляется в значении «кровопролитие», «жестокая битва», «последнее сражение».

Итак, уснувший в жестокой сече... где-то на астероиде.

Я понимаю рассказ так: вот носится по миру (условно — по космосу) занятый своими делами самоуверенный американец, думает только о себе, о еде, воздухе, сне, о спасении собственной жизни. И воображает, что, кроме него, и нет ничего. Чужая земля только стоянка, место для ночевки: просидел несколько дней, дождался помощи и уехал. Но не проходит даром вторжение в чужой край, прикосновение к чужой жизни. Незаметно, невидимо накладывает она на него свой отпечаток. Так ли безопасно трогать чужие миры? — как бы вопрошает Бредбери. — Не наивно ли воображать себя полновластным хозяином Вселенной? Писатель полемизирует со

всеми предыдущими рассказами об американцах, хозяевах в космосе, обо всех этих ветеринарах, уголовниках, охотниках за парусами и инвентаризаторах казенных псов. Вы думаете, что космос — ваша вотчина? Как бы эта вотчина не отомстила, не подмяла вас...

Что имеет в виду Бредбери: космос?.. Или Окиनावу?.. Или Корею... Вьетнам, быть может?

Из будущего в настоящее

Вероятно, вы заметили, что во всех разделах рассказы расположены в том же порядке, как и на схеме: первое слово предоставляется романтикам, затем дается авантюрное произведение, психологическое, сатирическое, далее — предостережение. «Аламагуса» — сатира, «Армагеддон» — предостережение; эту разновидность фантастики иначе называют антиутопией.

«Отверженные» Джорджа Смита тоже антиутопия, но достаточно ясная, прямолинейная, не завуалированная, как у Бредбери. Это предостережение против расового высокомерия, против мифа о прирожденном превосходстве, о собственной исключительности, неизбежно ведущего к войнам.

Хорошо бы и на нашей Земле всех фашиствующих посадить на корабли и отправить в плавание по океану без права заходить в порты до скончания веков!

А вот с утопиями, с рассказом о светлом обществе будущего, на Западе бедновато. Есть великое множество романов и рассказов, выражающих тревогу за завтрашний день, выражающих опасения насчет засилья машин, ненужных открытий, перенаселения, вырождения. Есть множество произведений, ратующих за сохранение человечества, и очень мало — об улучшении человеческого общества.

«Полет «Утренней звезды» — пример немногочисленных западных утопий. Роберт Мур Уильямс видит счастье в упрощении. Покинув пышные города и сбросив одежды, люди будущего у него развлекаются играми, а наскучив играть, начинают думать неизвестно о чем... едва ли о науке. Ведь машиной-справочником не пользовались уже несколько тысяч лет. Игры — задумчивость, игры — задумчивость... худосочный получается рай у Р. М. Уильямса. И не случайно главные герои его норовят удрать домой — в грешное прошлое. Но увы, возврата нет, и приходится им со вздохом сбрасывать одежды.

Патриархальное простодушное счастье — и в рассказе Теодора Старджона «Искусники планеты Ксанаду». Рассказ начинается мрачным событием — Земля гибнет от вспышки Сверхновой, человечество рассеивается по космосу. Но это только литературный прием, позволяющий рассказать об одном из многих путей развития, о милитаристской планете Кит Карсон, повторяющей воинственную историю колонизаторов, и об идеальном мире Ксанаду.

Старджон — один из наиболее популярных фантастов Америки. Критик Бестер относит его к семерке наилучших, тех, что всемером составили бы безукоризненного писателя. При этом Старджон назван «наиболее тонким психологом и самым человечным из семерых». Человечные простакки мудрее бессердечных умников — это любимый мотив Старджона. У нас переведен его рассказ «Особая способность»; там, попав на Венеру, смешноватый простак оказался умнее умников, именно он разгадал психологию венериан, только он сумел вступить с ними в контакт.

Жители Ксанаду тоже мудрые простакки, близкие к природе, сочетающие патриархальную невинность с не-

обыкновенным искусством, знаниями и мастерством. И все это им дают чудесные пояса, связывающие воедино мышление всего народа.

Слово «утопический» с годами приобрело два значения: «утопическое произведение» — это термин, название разновидности жанра. «Утопические» мечты означает «нереальные, неосуществимые». Рассказ Старджона утопичен в обоих смыслах. Он рисует некий авторский идеал и сверхнаивные пути его воплощения. Так просто получается всеобщее умиротворение: полтора миллиарда воинственных жителей надели пояса, прозрели и стали сразу ягнятками.

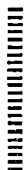
Впрочем, упование на некое чудесное прозрение — давнишний мотив западной фантастики. Вспомните хотя бы Г. Уэллса «В дни кометы». Прошла мимо Земли особенная комета — все внезапно прозрели, сделались добрыми, разумными и хорошими.

И заключает наш сборник «Звездолет на Галахор» — рассказ прогрессивного итальянского писателя Микеле Лалли. Он был напечатан в газете «Унита» 1 мая 1961 года, меньше чем через месяц после того исторического дня, когда первый человек, отчалив от земной тверди, сделал первый стремительный круг в космическом океане. Тогда же произошел переворот и в литературе: наряду с космической фантастикой, рисующей воображаемый космос, появилась космическая реальность — очерк, литература факта, основанная на впечатлениях очевидца. Очевидцы стали отныне самыми интересными жителями космоса.

И написан этот рассказ о том еще, что спустя века и века на самых далеких звездах люди будут вспоминать первого очевидца, первого героя космоса, советского человека по имени Юрий Гагарин.

Г. Гуреев

ЭРИК
ФРЭНК
РАССЕЛ

НЕБО,
НЕБО...

Он широко распахнул литые чугунные дверцы, всмотрелся в открывшееся огнеупорное чрево печи и вздохнул полной грудью. словно глядишь в машинный отсек космического корабля. Тут, за дверцами, должны быть пламя и грохот, и по ту сторону огня — звезды. Пол под ногами сотрясается. На куртке у него серебряные пуговицы, на воротнике и погонах — маленькие серебряные кометы.

— Ну вот, — рявкнуло над ухом. — Опять ты как открыл дверцы, так сразу и остолбенел. Что уж такого необыкновенного в этой печи?

Куртка с серебряными пуговицами и кометами исчезла, остался лишь замасленный белый халат. Пол под ногами больше не сотрясается, только скрипели половицы. Звезды погасли, точно их никогда и не было.

— Ничего, мсье Трабо.

— Тогда внимание! Разведи огонь, как тебя учили.

— Сейчас, мсье Трабо.

Он взял охапку душистых сосновых веток, сунул их в печь и длинной железной кочергой затолкал поглубже. Потом вторую охапку, третью. Потом подобрал с пола десяток маленьких, клейких от смолы сосновых шишек и по одной закинул туда же, в самую середину. И задумчиво оглядел дело рук своих. Ракета, заряженная сосновыми иголками и шишками. Вот глупость-то!

— Жюль!

— Сейчас, мсье Трабо.

Он стал поспешно хватать сосновые ветки, сучки и крохотные поленца и засовывать их в печь, пока она не наполнилась до отказа. Ну вот, все готово.

Теперь, чтобы взлететь, кораблю нужна одна только искра. Кто-то на самом верху должен зорко следить, разбежалась ли вся наземная команда, не попадет ли кто под пламя, которое сейчас вырвется из дюз. Вот искусная многоопытная рука чуть тронула пурпурную кнопку. И сразу где-то под ногами рев, яростное содрогание и подъем, сначала медленный, потом быстрее, быстрее, быстрее...

— Вот горе-то! Опять он словно окаменел! И за что только судьба послала мне такого разиню!

Трабо рванулся мимо него к печи, сунул в нее пылающий бумажный жгут и захлопнул дверцы. Потом обернулся к своему помощнику, грозно сдвинул косматые черные брови.

— Жюль Риу, тебе уже шестнадцать. Так?

— Да, мсье Трабо.

— Значит, ты уже достаточно взрослый и должен понимать: для того чтобы хлеб испекся, в этом пекле должно быть по-настоящему жарко. А для этого нужен огонь. А для того, чтобы был огонь, его нужно зажечь. Верно я говорю?

— Да, мсье Трабо,— пристыженно согласился он.

— Так почему же ты заставляешь меня повторять тебе все это тысячу раз подряд?

— Я болван, мсье Трабо.

— Если бы ты был просто болван, все было бы понятно и я бы тебя простил. Господь бог для того и создает дураков, чтобы людям было кого жалеть.

Трабо уселся на доверху набитый, припорошенный мукой мешок, волосатой рукой притянул к себе мальчика и доверительно продолжал:

— Твои мысли блуждают, как отвергнутый влюбленный где-то в чужой стороне. Скажи мне, дружок, кто она?

— Она?

— Ну да, эта девушка, это божественное создание, которое тебе заморочило голову.

— Никакой девушки нет.

— Нет?— Трабо искренне изумился.— Ты томишься, страдаешь, и здесь не замешана девушка?

— Нет, мсье.

— Так о чем же ты мечтаешь?

— О звездах, мсье.

— Сто тысяч чертей!— Трабо беспомощно развел руками и с немой мольбой уставился в потолок.— Подмастерье пекаря. И о чем же он мечтает? О звездах!

— Я ничего не могу с собой поделывать, мсье.

— Ясно, не можешь. Тебе всего шестнадцать.— Трабо выразительно пожал плечами.— Я задам тебе два вопроса: как жить людям, если никто не станет печь хлеб, и как лететь к звездам, если на свете не станет людей?

— Не знаю, мсье.

— Среди звезд летают космические корабли,— продолжал Трабо.— А почему? Да только потому, что на Земле есть жизнь.— Он наклонился и поднял длинный-предлинный отлично выпеченный хлеб с золотистой корочкой.— А жизнь поддерживает вот это!

— Да, мсье.

— Думаешь, мне бы не хотелось постранствовать среди звезд?— спросил Трабо.

— Вам, мсье?— Жюль вытаращил на него глаза.

— Разумеется. Но я уже старый и седой и по своей части тоже прославился. Много есть такого, чего я делать не умею и никогда уже не научусь. Но я стал мастером: я пеку прекрасный хлеб.

— Да, мсье.

— И не забудь,— Трабо выразительно погрозил пальцем,— это не какая-нибудь размазня машинного замеса в безансонской электрической пекарне. Нет, это самый настоящий хлеб, на совесть приготовленный живыми человеческими руками. И я пеку его старательно, пеку с любовью — вот в чем секрет. В каждую выпечку я вкладываю частицу своей души. Вот потому-то я и мастер. Тебе понятно?

— Понятно, мсье.

— Так вот, Жюль: люди приходят сюда не просто купить хлеба. Конечно, на вывеске над моим окном сказано: «Пьер Трабо, булочник». Но это всего лишь подобающая скромность. Ведь что отличает мастера? Скромность!

— Да, мсье Трабо.

— Только я открою печь, по всей улице пойдет дух горячего хлеба,— и уже со всех сторон ко мне спешат люди со своими корзинками. А знаешь почему, Жюль? Потому, что у них отличный вкус и их просто тошнит от этих сырых кирпичей, которые выдает электрическая пекарня. И они приходят сюда, покупать плоды моего искусства. Верно я говорю?

— Да, мсье.

— Тогда будь доволен: в свой срок и ты станешь мастером. А пока забудем о звездах: они не про нас с тобой.

Тут Трабо поднялся с мешка и стал посыпать цинковый стол тонким слоем муки.

Жюль молча глядел на дверцы печи; там внутри что-то гудело, трещало, шипело. Запах горячей сосны наполнил пекарню и заструился по улице. Через некоторое время Жюль открыл дверцы и в лицо ему пахнуло жаром, яростным и удушающим, как пламя, что вырывается из ракеты.

Небо, небо, я пройду из края в край, я пройду из края в край небо, небо...

Блеснув моноклем, полковник Пине перегнулся через прилавок и ткнул пальцем в наполовину скрытый противень.

— И, пожалуйста, один такой.

— Эти хлебцы не продаются, господин полковник,— объявил Трабо.

— Почему же?

— Это все промахи Жюля: еще минута — и они превратились бы в уголья. Я продаю только настоящий товар. Кому охота есть уголья?

— Мне,— сообщил Пине.— Тут мы с женой никак не сойдемся во вкусах. Вечно у нее все недожарено и недопечено. Хоть бы раз в жизни полакомиться чем-нибудь эдаким, пропеченным до хруста! Так что уж позвольте мне насладиться одним из промахов Жюля.

— Но, мсье...

— И не спорьте!

— Мадам ни за что не примет такой ужасный хлеб.

— У мадам свидание с парикмахером, и она доверила мне все покупки,— объяснил полковник.— И уж тут я распоряжусь, как мне хочется. Поймите же, дорогой Трабо, не могу я упустить такой случай! Так что же, будете ли вы так любезны и продадите мне этот аппетитный уголек, или мне придется пойти в электрическую пекарню?

Трабо вздрогнул, как от боли, насупился, выбрал на противне наименее подгоревший хлеб, старательно завернул его, чтобы спрятать от нескромных взоров, и неловко подал полковнику.

— Помилуй бог, этот Жюль добыл мне одного покупателя, но сто других я наверняка из-за него потеряю.

— Он вас огорчает?— осведомился Пине.

— С ним одно мучение, господин полковник. Ни на минуту нельзя спускать с него глаз. Только повернусь к нему спиной, вот так,— Трабо показал, как именно,— и на тебе! Он уже забыл про свою работу и витает где-то среди звезд, как сорвавшийся с нитки воздушный шарик.

— Среди звезд, говорите?

— Да, господин полковник. Мой Жюль — покоритель космоса и прикован к Земле одним лишь неблагоприятным стечением обстоятельств. И из такого теста я должен сделать пекаря!

— Какие же это обстоятельства?

— Мать ему сказала: «В пекарню Трабо нужен подмастерье. Лучшего случая у тебя не будет. Бросай школу, станешь пекарем». И он пришел ко мне. Понимаете, мальчик-то он послушный, только редкий час не витает в облаках.

— Ох, уж эти матери...— сказал Пине. Он протер свой монокль и опять вставил его в глаз.— Моя матушка желала, чтобы я стал собачьим парикмахером. Она говорила, что это очень благородное занятие и к тому же доходное. У ее светских приятельниц с пуделями да болонками я, конечно, буду нарасхват!— Его длинные гибкие пальцы словно стригли и завивали воображаемую шерсть, а на лице выразилось отвращение.— И я спросил себя: что же я такое, если соглашусь делать педикюр собакам? Завербовался в Космический корпус, и меня послали служить на Марс. Когда моя матушка об этом узнала, ее чуть не хватил удар.

— Еще бы,— сочувственно вставил Трабо.

— А сегодня она гордится, что ее сын офицер и на погонах у него четыре кометы. Матери все таковы. Полное отсутствие логики.

— Пожалуй, это даже к лучшему,— заметил Трабо.—

А иначе некоторые из нас бы никогда и не родились на свет.

— Покажите-ка мне этого звездного мечтателя, — приказал Пине.

— Жюль! — завопил Трабо, обернувшись к пекарне и приставив ладони рупором ко рту. — Жюль, поди сюда! Никакого ответа.

— Видите? — Трабо беспомощно развел руками. — Просто не знаю, что и делать. — Он пошел в пекарню, и оттуда донесся его громкий, нетерпеливый голос: — Я тебя звал. Почему ты не откликаешься? Господин полковник желает сейчас же тебя видеть. Пригладь волосы да поторапливайся.

Появился Жюль, шел он нехотя, нога за ногу, волосы и руки в муке. Ясные серые глаза его смотрели прямо и открыто и не опустились под испытующим взглядом полковника.

— Итак, ты тоскуешь по звездам, — сказал Пине, с интересом разглядывая юношу. — Почему бы это?

— Почему человеку чего-нибудь хочется? — отвечал Жюль и недоуменно пожал плечами. — Наверно, так уж я создан.

— Прекрасный ответ, — одобрил Пине. — Так уж человек создан. Тысячи людей ежечасно вверяют свою жизнь одному-единственному пилоту. И ничего плохого с ними не случается. А почему? Да потому, что так уж он создан — пилотом. — Полковник медленно оглядел Жюля с ног до головы. — И однако ты печешь хлеб.

— Должен же кто-то и хлеб печь, — вмешался Трабо. — Не всем же летать к звездам.

— Молчать! — приказал Пине. — Вы вступаете в разговор с женщиной, чтобы убить душу живую, — значит, вы убийца. Впрочем этого следовало ожидать. Ведь вы уроженец берегов Роны, а там убийц полным-полно.

— Господин полковник, я оскорблен...

— Хочешь ты и впредь служить этому убийце?— спросил полковник, обращаясь к Жюлю.

— Мсье Трабо был так добр ко мне. Вы меня простите...

— Еще бы ему не быть добрым,— прервал Пине.— Он хитрец. Все Трабо всегда были хитрые.— Он весело подмигнул пекарю, Жюль это заметил, и у него сразу стало легче на душе.— Но от всех новобранцев непременно требуется одно,— продолжал полковник уже более серьезным тоном.— Попробуй догадаться, что именно.

— Сообразительность, господин полковник?— рискнул Жюль.

— Да, конечно, но одной сообразительности мало. Требуется, чтобы новобранец всем своим существом рвался в космос.

— Да ведь так и во всем,— опять вмешался Трабо.— Еслилюбишь свое дело, работаешь старательнее и лучше. Вот взять хоть меня: если бы мне было все едино, что хлеб, что не хлеб, я бы, верно, жевал сейчас табак в электрической пекарне и рук бы никогда не мыл.

— Каждый год в Космический колледж поступают десять тысяч юношей,— сказал Пине Жюлю.— И более восьми тысяч его не заканчивают. У них не хватает пороку выдержать четыре года упорного труда и сосредоточить все помыслы и все силы души на одном. Так что многие бросают на полпути. Стыд и срам! Ты согласен?

— Да, господин полковник, стыд и срам,— подтвердил Жюль, сдвинув брови.

— Ха!— сказал Пине, очень довольный.— В таком случае давай лишим этого кровопийцу Трабо его добычи. Мы найдем ему другого парня, созданного для того, чтобы стать пекарем.

— Но, мсье...

— Я дам тебе рекомендацию в Космический колледж и взамен прошу тебя только об одном.

У Жюля перехватило дыхание.

— О, господин полковник! О чем же?

— Всегда будь таким, чтобы мне не было за тебя стыдно!

Он сидел у себя в кабине, глаза его ввалились и покраснели от усталости, а «Призрак» стремительно прорезал пространство. За двадцать напряженных, мучительных лет он выстроил целую лестницу и ступень за ступенью поднялся до чина капитана. Теперь он славился как один из самых знающих и добросовестных командиров космической службы. И все это незыблемо покоилось на одной заповеди, которая поддерживала его в самые тяжкие минуты: **«ВСЕГДА БУДЬ ТАКИМ, ЧТОБЫ МНЕ НЕ БЫЛО ЗА ТЕБЯ СТЫДНО!»**

Его мать и полковник Пине давно умерли, но до последнего своего часа они им гордились: ведь он стал капитаном.

Он был штурманом, вторым пилотом, потом первым, и место его было на носу корабля, как он всегда мечтал, и он действительно погружался в необъятный звездный мир, который так любил. Размеренно чередовались часы, отведенные на сон, отдых и работу, и, когда он работал, его постоянно переполнял неослабевающий восторг перед тем, что ему доводилось видеть, наблюдать, изучать.

А теперь он променял все это на добровольное заключение в недрах корабля и вокруг уже ничего не было — одни лишь тусклые стены из сплава титана да стол, заваленный бумагами.

Всякую минуту бодрствования, всякую минуту отдыха, а нередко и отрываясь от сна, он отвечал на вопросы, принимал решения, делал записи в специальных книгах, заполнял тысячи деловых бланков. Как говорится, одна сплошная писанина...

Через час после ужина:

— Прошу прощения, капитан. Этот толстяк из Дюсельдорфа опять напился до зеленых чертиков. Ударил стюарда, который попытался его урезонить. Прошу разрешения запереть его на гауптвахте.

— Разрешаю.

Или среди беспокойного, чуткого сна кто-то решительно трясет его за плечо:

— Прошу прощения, капитан. У десятой и одиннадцатой дюз треснула прокладка. Прошу разрешения отключить энергию на два часа, пока будет производиться ремонт.

— Разрешаю. Пускай дежурный штурман сообщит мне о координатах, как только вы сможете продолжать полет.

Два часа спустя снова трясут за плечо:

— Прошу извинить за беспокойство, капитан. Ремонт окончен. Вот наши координаты.

Вопросы.

Заполнение бланков.

Просьбы, доклады, требования, происшествия, решения, ответы, распоряжения, приказы. Ни минуты покоя.

И опять бумаги.

— Прошу прощения, капитан. Двое пассажиров, Уильям Арчер и Мэрион Уайт, желают вступить в брак. Когда вам будет удобно совершить обряд?

— Медицинское освидетельствование прошли?

— Да, капитан.

— Кольцо у жениха есть?

— Нет, капитан.

— Выясните точный размер и выдайте ему кольцо из корабельных запасов по обычной цене — двадцать долларов.

— А когда будет обряд, капитан?

— В четыре склянки. Сообщите мне, подходит ли им это время.

И опять бумаги. Два свидетельства о рождении и их копии, два удостоверения об эмиграции, два медицинских свидетельства, два разрешения на въезд. Свидетельства о браке в трех экземплярах — для правительства Земли, для правительства Сириуса и для Учетного отдела Управления космической службы. И один оригинальный экземпляр для новобрачной.

И так без конца, все дела, какие только можно вообразить, крупные и мелкие, в любое время дня и ночи, без всякой передышки. Когда корабль после долгого полета наконец приземлялся, один лишь капитан спускался вниз по трапу неверными шагами, голова у него кружилась от постоянного нервного напряжения и недосыпания, и это никого не удивляло, словно так и надо. Временами его одолевало искушение подать рапорт с просьбой понизить его в чине, но ведь

«ВСЕГДА БУДЬ ТАКИМ, ЧТОБЫ МНЕ НЕ БЫЛО ЗА ТЕБЯ СТЫДНО!»

«Призрак» совершил посадку в Баталбаре, на планете Дейсед системы Сириуса. Полет продолжался двести восемьдесят пять земных суток.

Когда были закончены все формальности, связанные с посадкой, капитан Жюль Риу сошел с корабля и как в тумане побрел к гостинице мамыши Кречмер. Так было заведено, и так советовали поступать самые лучшие психологи.

Командиру корабля необходим глубокий освежающий

сон, притом сон долгий и непрерывный. Но прежде всего ему нужно начисто избавиться от всяких мыслей о корабле, о полете и обо всем, что с этим связано. Он должен настроиться так, чтобы уснуть безмятежным младенческим сном и проспать по крайней мере сутки. Для этого надо первым делом выкинуть из головы все недавние заботы и укрыться в своем собственном уголке рая небесного.

Мамаша Кречмер, полногрудая хозяйка гостиницы родом из Баварии, дружески ему кивнула.

— Герр капитан Риу. Я ошшен рат. Подать фам фсе, как обышно?

— Да, пожалуйста, мадам Кречмер.

Он прошел в комнату за баром. В ресторане, большом, многолюдном и шумном, сидели командиры кораблей, которые приземлились уже несколько дней назад и успели совсем оправиться от полета. А комнатка позади была звуконепроницаемой, в заваленных подушками шезлонгах распростерлись в полузабытьи еще трое таких же, как он, капитанов. Он с ними не заговорил. И они с ним не поздоровались, видно, даже не заметили его прихода. Они уже стучались в двери рая.

Скоро мамаша Кречмер принесла ему стакан чистого крепкого рома, слегка подогретого и сдобренного несколькими каплями коричневого масла. Жюль Риу откинулся в шезлонге, устроился поудобнее и предался долгожданному покою.

От приправленного пряностями рома внутри разливалось тепло и чуть кружилась голова. Тишина сомкнула ему веки. Медленно, очень медленно он отдалился от своей непомерной усталости и вступил в тот, другой мир.

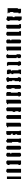
Широколицые румяные крестьянки в кружевных чепцах, в руках корзинки. Длинные железные противни сколь-

зят по душистой сосновой золе и выплывают из печи, нагруженные хлебами — длинными, плоскими, фигурными, плетеными.

Звонкое щебетание женских голосов, перебирающих все деревенские новости, и непередаваемый аромат догорающих смолистых ветвей и свежее испеченного хлеба.

Небо, небо!

АРТУР
КЛАРК

ВТОРОЙ
МАЛЬМСТРЕМ

Он не был первым человеком, которому довелось с точностью до секунды знать момент своей смерти, а также какой она будет, с горечью подумал Клифф Лейлэнд; бесчисленное количество преступников, приговоренных к смертной казни, ждали своего последнего рассвета. Однако до последнего смертного часа они все-таки могли надеяться на помилование; от людей можно было ждать милосердия, однако ничто не могло изменить непоколебимых законов природы.

А ведь всего шесть часов назад он, весело насвистывая, упаковывал десять килограммов своего багажа, готовясь в далекий путь. Даже сейчас, после всего происшедшего, он все еще помнил о том, как мечтал обнять Майру, отправиться с Брайаном и Сюю в путешествие по Нилу, которое он обещал им уже давно. Через несколько минут, когда Земля поднимется из-за горизонта, ему, возможно, удастся снова увидеть Нил; но лица жены и детей он сможет увидеть только в своем воображении. И все потому, что он попытался сэкономить девятьсот пятьдесят долларов, отправившись домой в грузовой капсуле, вместо того чтобы вернуться на пассажирской ракете.

Он знал, что первые двенадцать секунд, когда электрическая катапульта промчит его по десятимильной эстакаде и вырвет капсулу из сферы лунного притяжения,

будут невероятно трудными. Даже принимая во внимание, что во время старта он находился в ванне, наполненной специальной жидкостью, он не мог представить себе, что такое перегрузка в двадцать *g*. Но, когда капсула оказалась во власти огромного ускорения, он едва ли осознал, какие чудовищные силы ополчились на него. Он слышал только легкое потрескивание металлических стенок капсулы; тому, кто привык к грохоту стартовых двигателей ракетного корабля, эта тишина казалась злоеющей. Когда громкоговоритель объявил: «Время полета *t* плюс пять секунд — скорость две тысячи миль в час», Клифф едва поверил своим ушам.

За пять секунд две тысячи миль в час — и впереди еще семь секунд такого ускорения под воздействием колоссальных магнитов катапульты. Он мчался в своей капсуле над поверхностью Луны, подобно молнии, и... ровно через семь секунд после старта океан электрической энергии иссяк.

Даже погруженный в жидкость противоперегрузочной ванны, Лейлэнд почувствовал что-то неладное. Жидкость в ванне, которая казалась окаменевшей под воздействием чудовищного ускорения, внезапно ожила. И, хотя капсула продолжала стремительно мчаться по эстакаде, ускорение исчезло и теперь она двигалась вперед только по инерции.

Клифф не успел почувствовать страха или осмыслить то, что произошло, — в следующее мгновение поток электричества снова ринулся по проводам суперэлектромагнитов. Вдруг капсулу встряхнуло, стенки ее злоеюще затрещали, и она устремилась вперед с головокружительной скоростью.

Когда ускорение опять исчезло, внутри капсулы воцарилась невесомость. Клифф и без приборов понял, что капсула покинула эстакаду и вышла в космос, — его же-

лудок безошибочно свидетельствовал об этом. Клифф с нетерпением ждал, пока автоматические помпы выкачают жидкость и вентиляторы потоками горячего воздуха осушат помещение; затем он подплыл к пульту управления и, пристегнувшись к сиденью, вызвал Контроль запуска на лунной поверхности.

— Контроль, — торопливо произнес Лейлэнд, завязывая ремешок у себя на запястье, — что там у вас происходит, черт побери?

Ему немедленно ответил быстрый взволнованный голос:

— Проверка еще не закончена, вызовем вас через тридцать секунд. Рад, что с вами ничего не произошло, — добавил голос после небольшой паузы.

Ожидая вызова, Клифф включил станцию переднего обзора. Впереди виднелись одни звезды. Ну что ж, по крайней мере он стартовал с почти заданной скоростью и мог не опасаться, что тотчас же упадет обратно на поверхность Луны. Впрочем, так или иначе капсула неминуемо разобьется о лунную поверхность, потому что она не смогла вырваться за пределы лунного притяжения. Он мчится сейчас в пространство по гигантскому эллипсу — и через несколько часов окажется на поверхности земного спутника.

— Алло, Клифф, — внезапно послышался голос из громкоговорителя, — мы выяснили, в чем дело. Переключатели пятой секции катапульты не сработали, и твоя скорость меньше заданной на семьсот миль в час. Таким образом, ты вернешься к поверхности Луны часов через пять. Но не тревожься, твои верньерные двигатели выведут капсулу на постоянную орбиту вокруг Луны. Мы сообщим тебе, когда нужно включить зажигание; ты должен только набраться терпения и ждать, когда тебя снимет посланный корабль.

Медленно разряжалось нервное напряжение. Клифф совсем забыл о корректировочных верньерных двигателях: хоть они и были маломощными, но вполне могли вывести его на орбиту вокруг Луны. И, хотя в перигее эта орбита пройдет всего в нескольких милях от лунной поверхности и капсула будет проноситься над горными хребтами и равнинами Луны с головокружительной быстротой, его жизнь будет уже вне опасности.

Затем он вспомнил о треске в контрольном отсеке, и все его надежды вновь угасли, ибо почти всякая поломка в космосе неизбежно ведет к печальным последствиям.

Через несколько минут, проверив цепь зажигания верньерных ракет, Клифф убедился, что ему не удалось избежать этих последствий. Ракеты не включались ни вручную, ни с помощью автоматического зажигания; те скромные запасы топлива, которые могли бы спасти его, оказались совершенно бесполезными. Через пять часов он завершит виток орбиты и вернется к стартовой точке.

«Интересно, назовут ли они в мою честь новый кратер, — подумал Лейлэнд. — Кратер Лейлэнда, диаметр... Каким будет его диаметр? Лучше не преувеличивать — вряд ли он будет больше двухсот ярдов. Слишком маленький, чтобы его нанесли на карту.»

Контроль запуска все еще молчал, но это и не удивительно — что можно сказать человеку, который, в сущности, уже мертв. И все-таки даже сейчас, когда он знал, что никакие силы не могут изменить траекторию его полета, он не верил в то, что скоро его останки будут рассеяны на много миль по лунной поверхности. Капсула продолжала свой путь, удаляясь от Луны, и он сидел в металлической кабине, уютной и теплой. Сама мысль о смерти казалась ему совершенно невероятной — впрочем, так бывает у всех людей до самой последней секунды жизни.

И тут на мгновение Клифф забыл об опасности. Горизонт перед ним больше не казался плоским; между звездами появилось что-то гораздо более яркое, чем сверкающая лунная поверхность. Капсула, огибая край лунной поверхности, создавала незабываемое, единственное в своем роде зрелище — искусственный восход Земли. Но скорость у капсулы была огромная, и через минуту все кончилось. За это время Земля оторвалась от горизонта и начала свой стремительный подъем в небо.

Она была почти полной, в три четверти, и такой яркой, что просто ослепляла. Перед Клиффом расстиралось космическое зеркало, состоящее не из серых скал и пыльных равнин, а из снега, моря и облаков. Почти все оно было образовано морем, потому что Земля была повернута к Клиффу сверкающим Тихим океаном и ослепительное отражение Солнца поглотило Гавайские острова. Легкая дымка атмосферы — спасительное одеяло, которое через несколько часов смягчило бы его падение, — застирала географические детали; возможно, что вон то темное пятнышко, появившееся из тени, было Новой Гвинеей, но Клифф не был в этом уверен.

Горькая ирония заключалась в том, что он мчался прямо по направлению к этой прелестной сверкающей жемчужине. Еще семьсот миль в час — и он бы долетел. Всего семьсот миль — вот и все... С таким же успехом он мог бы мечтать о семи миллионах...

При виде поднимающейся Земли его неудержимо потянуло домой и он вспомнил о своем страшном долге. Но больше откладывать было нельзя. — Контроль запуска, — произнес Клифф, ценой величайших усилий стараясь говорить твердым голосом, — соедините меня с Землей.

Это была одна из самых странных минут в жизни Клиффа: он, лунный пленник, сидел в капсуле и слышал,

как у него дома, где-то за четверть миллиона миль отсюда, звонит телефон. Там, внизу, в Африке, сейчас полночь и пройдет некоторое время, прежде чем кто-то откликнется на его звонок. Он представил себе, как Майра пошевелится во сне, — но ведь она привыкла к тревоге и просыпается мгновенно. Они оба не хотели, чтобы телефон стоял в спальне, и ей потребуется по крайней мере пятнадцать секунд, чтобы встать, включить свет, закрыть дверь в детскую, чтобы не разбудить детей, спуститься по лестнице и...

Ее голос донесся до него через неизмеримое пространство и был так отчетлив и громок, как будто они были совсем рядом. Он узнал бы этот голос в любом уголке Вселенной и сейчас сразу различил в нем нотку тревоги.

— Миссис Лейлэнд? — спросил телефонист на Земле. — Я соединяю вас с мужем. И не забудьте о двухсекундном запаздывании звука.

Интересно, сколько людей слушает наш разговор на Земле, на Луне, на спутниках связи, подумал Клифф. Трудно в последний раз говорить со своими родными, не зная, сколько людей слушает этот разговор.

Но, как только он произнес первое слово, для него в мире больше не существовало ни одного человека, кроме Майры.

— Родная, — начал он, — это я, Клифф. Боюсь, что я не смогу прибыть домой, как обещал. Произошла... техническая неисправность. Пока у меня все в порядке, но мне угрожает большая опасность.

Он с трудом проглотил сухой ком в горле, а потом поспешно продолжал, не давая ей заговорить. В нескольких словах он объяснил создавшееся положение. Но, чтобы успокоить себя, да и ее, он добавил, что не теряет надежды.

— На Луне делают все возможное, — сказал он. — Может быть, им удастся вовремя выслать за мной корабль, но на всякий случай я хотел поговорить с тобой и детьми.

Майра стойко вынесла удар, как он и ожидал. Слушая ее ответные слова, доносящиеся к нему с темной стороны Земли, Клифф чувствовал, как сильно он любит жену и в то же время гордится ею.

— Не беспокойся, Клифф, я уверена, что все будет в порядке. Они успеют снять тебя, и мы проведем отпуск так, как и собирались.

— Я тоже так думаю, — солгал он. — Но на всякий случай разбуди ребят. И не говори им, что мне угрожает опасность.

Через полминуты, которая показалась Клиффу вечно-стью, он услышал сонные, но уже взволнованные голоса детей. Клифф готов был отдать оставшиеся несколько часов жизни за то, чтобы в последний раз взглянуть на них, однако грузовая капсула не была оборудована такой роскошью, как фоновизор. Может быть, это и к лучшему, потому что он не смог бы скрыть правду, глядя им прямо в глаза. Скоро они узнают о случившемся, но не от него. В эти последние мгновения ему хотелось только одного — чтобы его дети были счастливы.

Но как трудно было отвечать на их вопросы, говорить, что он скоро увидит их, давать обещания, которые он не сможет выполнить. Только огромным усилием воли Клиффу удалось сохранить самообладание, когда Брайан напомнил ему о лунной пыли, которую он уже однажды забыл привезти. На этот раз он не забыл о ней.

— Да, Брайан, я везу для тебя банку с лунной пылью — вот она, рядом со мной. Скоро ты сможешь показать ее своим друзьям (скоро она вернется в тот мир, откуда я взял ее несколько часов назад). А ты, Сузи, будь

хорошей девочкой и слушайся маму. Твой последний отчет о школьных делах мне не очень понравился, особенно замечания по поведению... Да, Брайан, я захватил эти фотографии и кусок породы из кратера Аристарха...

Нелегко умирать в тридцать пять лет; но нелегко и мальчику в десять лет потерять отца. Что Брайан будет помнить об отце через несколько лет? Может быть, только отдаленный голос из космоса, потому что Клифф провел на Земле так мало времени... В последние минуты, когда он мчится в космическом пространстве, а затем повернет обратно к Луне, ему оставалось только передать Земле свою любовь и надежды. В остальном приходилось полагаться на Майру.

Когда дети, озадаченные, но счастливые, отошли от телефона, оставалось только поговорить о делах. Теперь нужно было не терять самообладания и быть практичным. Майре придется жить без него, но он может по крайней мере облегчить ее участь. Что бы ни случилось с каждым, жизнь продолжается; для современного человека жизнь означает закладные и взносы, страховку и совместные банковские счета. Почти бесстрастно, как будто они говорили о ком-то другом, — вскоре это будет действительно так — Клифф начал рассказывать о своих делах. Время для сердца и время для ума. Время для сердца придет через три часа, когда он в последний раз приблизится к поверхности Луны.

Их не прерывали, молчаливые связисты поддерживали разговор между двумя мирами — казалось, в мире остались одни они. Время от времени взгляд Клиффа обращался к перископу, и блеск Земли ослеплял его — теперь родная планета поднялась в небе более чем наполовину. Невозможно было поверить в то, что это дом для семи миллиардов людей. Сейчас для Клиффа имели значение только трое,

На самом деле их четверо, но Клифф, несмотря на все усилия, не мог поставить своего младшего сына в один ряд с первыми тремя: Клифф ни разу не видел его — и теперь не увидит.

Наконец Клиффу стало не о чем говорить. Для некоторых вещей всей жизни недостаточно — но одного часа может быть слишком много. Он был измучен морально и физически, и Майра тоже, наверно, смертельно устала. Он хотел остаться наедине со своими мыслями — наедине со звездами; ему хотелось сосредоточиться и примириться со всей Вселенной.

Внезапно помимо его воли глаза у него наполнились слезами и он расплакался как ребенок. Он плакал по своим любимым и по себе самому, оплакивал свое будущее, которое могло бы быть, но которого не будет, надежды, которые обратятся в химеры, блуждающие между звездами, он плакал потому, что ничего больше ему не оставалось.

Через несколько минут Клифф почувствовал себя гораздо лучше. У него вдруг пробудился зверский аппетит, и, решив, что нет смысла умирать на голодный желудок, он протянул руку к шкафчику с космическим рационом. Когда он начал выдавливать в рот пасту из тюбика, ожил громкоговоритель. Голос был незнакомый — медленный, спокойный и уверенный голос человека, привыкшего, чтобы его слушали и повиновались.

— Говорит Ван-Кессел, начальник Управления эксплуатации космических транспортных средств. Слушайте внимательно, Лейлэнд — кажется, мы нашли выход. Шансы на успех невелики, но это единственная возможность.

Нелегкая нагрузка для нервов — внезапный переход от отчаяния к надежде. У Клиффа закружилась голова, и он упал бы, если б было куда падать.

— Я слушаю, — прошептал он, придя в себя. Затем он выслушал объяснения Ван-Кессела, впитывая в себя каждое слово, и надежда снова сменилась отчаянием.

— Я не верю этому, — наконец проговорил он. — Это совершенно невероятно!

— Не будете же вы оспаривать показания компьютеров, — ответил Ван-Кессел. — Мы проверили результаты вычисления двадцатью разными способами, и все говорят об одном: в апогее капсула снизит скорость и простого толчка будет достаточно, чтобы изменить вашу орбиту. Я полагаю, что вам никогда не приходилось надевать костюм для глубокого космоса?

— Конечно, нет.

— Жаль, но ничего не поделаешь. Если вы будете точно следовать инструкциям, ничего страшного не случится. Космический костюм находится в шкафчике. Сорвите печать и откройте шкафчик.

Клифф проплыл шесть футов от пульта управления до стенки кабины и потянул за рычаг с надписью «ТОЛЬКО В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ — КОСТЮМ ДЛЯ ГЛУБОКОГО КОСМОСА, МОДЕЛЬ 17». Дверца открылась, и Клифф увидел сверкающую серебряную ткань космического костюма.

— Влезайте в костюм в нижнем белье, — раздался голос Ван-Кессела. — И не трогайте пока биоранец — пристегнете его потом.

— Готово, — сообщил Клифф через несколько минут. — Что делать дальше?

— Теперь ждите двадцать минут, а затем, как только я дам сигнал, открывайте воздушный шлюз и прыгайте!

Внезапно до Клиффа дошло все значение слова «прыгайте». Он оглядел свою крохотную, уютную, такую знакомую теперь кабину и потом подумал об одиночестве

и пустоте между звездами — всепоглощающей пропасти, в которую человек может падать бесконечно.

Он еще никогда не бывал в космосе, да в этом раньше и не было нужды. Клифф был агрономом, на Луну он попал после освоения Сахары, пытался выращивать урожай на безжизненной лунной поверхности. Космическое пространство было не для него; его интересовал мир почв и скал, лунной пыли и пемзы, образовавшейся в условиях вакуума.

— Я не смогу, — еле слышно прошептал Клифф. — Нет ли другого выхода?

— Нет! — рявкнул Ван-Кессел. — Послушайте, Лейлэнд, мы лезем из кожи вон, чтобы спасти вас, и сейчас не время впадать в истерику. Десятки людей были в гораздо более трудном положении, те, кто получили увечья, те, кто оказались заключенными в космолеты, кто потерпели аварию в миллионах миль от людей. А на вас нет ни единой царапины, и вы уже стонете! Возьмите себя в руки, иначе мы отключимся и сами ищите выход.

Клифф покраснел, и прошло несколько секунд, прежде чем он ответил.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Повторите-ка еще раз, что мне нужно делать.

— Вот это другое дело, — одобрительно отозвался Ван-Кессел. — Итак, через двадцать минут, когда ваша капсула будет в апогее, перейдите в шлюз. С этого момента связь прервется, потому что радио в вашем космическом костюме имеет дальность действия всего десять миль. Но мы будем постоянно держать вас в поле радара и, как только вы окажетесь над нами, снова установим связь. А теперь о вашем космическом костюме...

Двадцать минут прошли очень быстро, и у Клиффа даже появилась надежда на успех. Теперь он точно знал, что ему нужно делать.

— Время прыгать! — раздался голос Ван-Кессела. — Капсула сейчас правильно ориентирована — дверь шлюза открывается как раз в ту сторону, куда вам придется прыгать. Но помните, что направление не так уж важно, главное — скорость. Отталкивайтесь от капсулы как можно сильнее — и желаю успеха!

— Спасибо, — запоздало поблагодарил Клифф, — и извините меня за...

— Забудьте про это, — прервал его Ван-Кессел, — и поторапливайтесь!

В последний раз Клифф окинул взглядом крохотную кабину, выясняя, не забыл ли он чего-нибудь. Ему придется оставить все свои личные вещи, но это неважно. Затем его взгляд упал на маленькую банку с лунной пылью — он обещал привезти ее для Брайана, на этот раз он не подведет мальчика. Крохотная масса банки — всего несколько унций — не может иметь решающего значения; Клифф обвязал банку бечевкой и прикрепил ее к наплечным ремням.

Воздушный шлюз был настолько мал, что Клифф едва протиснулся внутрь. Он стоял зажатый между внутренней и внешней дверями, пока насосы не выкачали воздух. Затем внешняя дверь шлюза плавно скользнула в сторону, и Клифф вдруг увидел звезды.

Схватившись неуклюжими пальцами в перчатках за края шлюза, Клифф вылез на поверхность капсулы и замер на крутом изгибе корпуса, держась за трос. Великолепие бескрайнего звездного пространства ошеломило его, он забыл про свои страхи и неуверенность, изумленно озираясь, он увидел — не в узком поле перископа, а воочию — весь необозримый небосклон.

Четверть неба занимал гигантский полумесяц Луны; на ней отчетливо виднелась причудливо извивающаяся линия, отделявшая день от ночи. Там, на Луне, заходило

Солнце, возвещая конец лунного дня и начало долгой ночи, но вершины отдельных пиков все еще сверкали, подобно бесценным бриллиантам, отражая последние лучи дневного света и бросая вызов окружающему их морю мрака.

Но этот мрак не был абсолютным. Хотя Солнце больше не освещало поверхность Луны, почти полная Земля заливала лунную равнину своим мягким светом. Клифф мог разглядеть скрытые дымкой, но все-таки достаточно отчетливо видимые в отраженном свете Земли очертания морей и гор, мерцающие звездочки отдельных вершин, темные круги кратеров. Он пролетал над призрачным спящим шаром, который стремился притянуть его к себе и лишить жизни. Сейчас он находился в высшей точке своего полета, на прямой, соединяющей Луну и Землю. Пора прыгать.

Клифф согнул ноги, уперся в металлический корпус капсулы и, собрав все силы, оттолкнулся и стремительно полетел туда, к звездам, а за ним тянулся предохранительный трос.

Капсула начала удаляться с ошеломляющей быстротой, и Клиффом овладело совершенно необычное чувство. Он ожидал страха, головокружения, но не этого непонятного ощущения того, что такое с ним уже бывало когда-то. Нет, не с ним, конечно, а с кем-то другим. Клифф никак не мог точно вспомнить все, да сейчас и не было времени вспоминать.

Он взглянул на Землю, Луну, быстро уменьшающуюся капсулу — и принял решение. Быстрым движением он нажал на кнопку и в ту же секунду увидел, как исчез вдаль, извиваясь, конец троса. Теперь Клифф остался совсем один в космическом пространстве: до Луны было две тысячи миль, до Земли — четверть миллиона. Теперь ему оставалось только ждать; через два с половиной часа он

узнает, суждено ли ему жить, сумели ли его мускулы справиться с заданием, которое не удалось выполнить ракетам капсулы.

И в это мгновение, когда звезды начали медленно вращаться вокруг него, Клифф внезапно понял, откуда взялось это преследовавшее его воспоминание. С тех пор как он читал рассказы Эдгара По, прошло немало лет. Но кто может, раз прочитав, забыть их?

Он тоже оказался захваченным и втянутым в гигантский водоворот Мальмстрема. Он тоже пытается избежать смерти, покинув свой корабль. И хотя его связывают по рукам и ногам совершенно иные силы, сходство ситуаций разительное. Рыбак в рассказе По привязался к бочонку потому, что цилиндрические предметы втягивались в водоворот медленнее, чем само судно. Это было блестящим применением на практике законов гидродинамики; Клиффу оставалось только надеяться, что его попытка использовать силы небесной механики окажется такой же успешной.

Какую скорость он приобрел, оттолкнувшись от капсулы? Добрых пять миль в час, не меньше. И, какой бы ничтожной она ни казалась по космическим стандартам, ее должно хватить, чтобы вывести Клиффа на новую орбиту, которая, как обещал Ван-Кессел, будет в своем перигее отстоять от поверхности Луны на несколько миль. Не так уж много, но более чем достаточно для планеты, где нет атмосферы и ничто не гасит скорости.

Внезапно Клифф вспомнил о своей вине — он так и не успел позвонить во второй раз Майре. Это все произошло из-за Ван-Кессела — тот не дал ему времени поразмыслить о доме, постоянно подгонял его. И Ван-Кессел был прав: в такой ситуации человек должен полностью сосредоточить свое внимание и все силы, думать только о спасении. У него не должно оставаться времени на вос-

поминания о семье, отвлекающие и расслабляющие волю.

Сейчас Клифф мчался, приближаясь к ночной стороне Луны, и полумесяц дневного света уменьшался у него на глазах. Невыносимо яркий диск Солнца, на который он старался не смотреть, быстро опускался по направлению к дуге горизонта. Скоро светящийся полумесяц сузился до тонкой полоски света — словно огненный лук нацелился в звезды. Затем этот лук распался на множество сверкающих блесток, а потом они одна за другой погасли — Клифф влетел в тень Луны.

С заходом Солнца земной свет стал еще ярче, и в его лучах космический костюм Клиффа засверкал серебряным светом. Его тело медленно — один оборот за десять секунд — вращалось в полете. Клифф не мог остановить этого вращения, но ему доставляло удовольствие видеть постоянно меняющуюся панораму звездного неба. Теперь, когда его глаз больше не ослепляли редкие солнечные отблески, Клифф различал тысячи звезд там, где раньше мог видеть только сотни. Знакомые очертания созвездий исчезли, и даже самые яркие планеты потонули в этом огненном океане.

Темный край ночной половины Луны вырисовывался на фоне сверкающей панорамы звезд, подобно тени при затмении, и, по мере того как Клифф падал, черная тень непрерывно росла. Каждое мгновение звезды, большие и малые, мигнув в последний раз, одна за другой исчезали за темным краем. Казалось, что в небе разверзлась огромная дыра, пожирающая звезды.

Больше ничто не напоминало Клиффу об огромной скорости, с которой он мчался в пространстве, или о течении времени, — ничто, кроме регулярных десятисекундных оборотов вокруг своей оси. Когда Клифф взглянул наконец на часы, он с изумлением увидел, что прошло

уже полчаса с того момента, как он покинул капсулу. Клифф попытался было разглядеть ее, но безуспешно. Теперь он должен опережать капсулу уже на несколько миль, однако постепенно капсула обгонит его благодаря своей более низкой орбите и первой достигнет поверхности Луны.

Клифф все еще раздумывал над этим парадоксом, когда напряжение последних часов и упоение чувством невесомости привели к результату, которого он никак не ожидал. Убаюканный ритмичным шипением воздушных клапанов, паря легче перышка среди звезд, Клифф погрузился в сон.

Когда он, повинаясь некоему подсознательному сигналу, проснулся, Земля приближалась к краю Луны. Это зрелище вызвало у Клиффа новую волну жалости к самому себе, и ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы сдержать себя. Возможно, он в последний раз видит родную планету, так как через несколько мгновений орбита увлечет его к обратной стороне Луны, к тому миру, что никогда не освещается земным светом. Ослепительные ледяные шапки у полюсов, облака, поясом охватывающие экватор, солнечные отблески на поверхности Тихого океана — все это быстро ускользало за лунными горами. Затем и они погрузились во тьму; теперь Клиффа не освещала ни Земля, ни Солнце, под ним распростерлась такая беспросветная чернота, что больно было смотреть вниз.

Вдруг на поверхности черного диска появилось созвездие — в том месте, где не могло быть ни единой звезды! Несколько секунд Клифф с изумлением смотрел на невиданное зрелище и только затем понял, что пролетает над одним из поселений на обратной стороне Луны. Далеко-далеко внизу, под куполом своего города, в лунной ночи жили люди — спали, работали, отдыхали, люби-

ли, ссорились... Известно ли им, что он, подобно невидимому метеору, мчится сейчас над их головами со скоростью четыре тысячи миль в час? Надо думать, потому что сейчас не только Луна, но и все население Земли знают о его положении. Может быть, они пытаются найти его в темном небе с помощью телескопов и радаров, но для этого у них слишком мало времени. Через несколько секунд неизвестный город исчез за горизонтом и Клифф снова остался один на один с черной бездной.

Клифф был не в состоянии определить свою высоту над лунной поверхностью, потому что бездонная пустота, разверзшаяся внизу, лишала его всякого чувства масштаба и перспективы. Однако он знал, что продолжает опускаться и что в любой момент стена кратера или лунный пик, которые тянутся к нему, могут схватить его своими невидимыми когтями.

Ибо где-то под ним, в черном безмолвии, скрывалось то, чего он боялся больше всего. Там, впереди, через лунный экватор с юга на север протянулась тысячемильная стена хребта Советского Союза. Клифф был еще мальчиком, когда в 1959 году советские исследователи открыли этот колоссальный хребет. Он все еще помнил свое волнение при виде первых фотографий, переданных на Землю «Луной-3». Тогда он не мог даже подумать о том, что много лет спустя будет мчаться над поверхностью Луны, приближаясь к этому хребту и ожидая от него решения своей участи.

Первые лучи утренней зари застали Клиффа врасплох. Свет был точно взрыв, и яркие блики начали перескакивать с вершины на вершину до тех пор, пока вся дуга горизонта не оказалась охваченной серебром рассвета. Ну что ж, по крайней мере он не погибнет в темноте. Но самая главная опасность была еще впереди.

Сейчас он почти вернулся на то место, откуда стартовал, приближаясь к перигею орбиты. Клифф взглянул на часы: почти пять часов миновало с момента старта. Через несколько минут он или врежется в Луну, или промчится над ее поверхностью и вылетит в космическое пространство.

Теперь он летел по касательной над поверхностью планеты на высоте около двадцати миль — и продолжал опускаться, хотя и очень медленно. Внизу длинные тени, которые заря отбрасывала от горной гряды, походили на острые кинжалы темноты, вонзающиеся в тело дня. Наклонные лучи солнца подчеркивали неровность лунного рельефа, превращая каждый холмик в горный пик. И теперь Клифф отчетливо различал прямо перед собой предгорья хребта Советского Союза. Еще когда до хребта оставалось более ста миль и он приближался к нему со скоростью мили в секунду, ему казалось, что каменная волна взмывает к самому небу. Теперь он был бессилен изменить траекторию своего полета, его путь был предопределен: все, что можно, было уже сделано два с половиной часа назад.

Но этого было недостаточно.

Ему не пролететь над горами — вершины хребта преграждали путь.

Как жалел теперь Клифф о том, что он не успел поговорить с женщиной, которая все еще ждет его звонка в четверти миллиона миль отсюда. Впрочем, может быть, это и к лучшему — что он мог сказать ей?

В его наушниках снова раздались голоса. Они то угасали, когда Клифф попадал в радиотень вершин, отделяющих его от Контроля запуска, то снова усиливались. Голоса говорили о нем, но Клифф едва замечал их. Он слушал с безразличным интересом стороннего наблюдателя, словно голоса долетали откуда-то издалека, с дру-

гого края Вселенной, и не имели к нему никакого отношения. Один раз Клифф совершенно отчетливо различил голос Ван-Кессела: «Сообщите капитану «Каллисто», что мы передадим ему данные орбиты пересечения, как только Лейлэнд минует свой перигей. Время встречи — через один час четыре минуты, считая с настоящего момента.» «Мне очень жаль разочаровывать вас, — подумал Клифф, — но я не прибуду на это рандеву».

Теперь каменная стенка была уже в пятидесяти милях, и каждый раз, когда Клифф беспомощно поворачивался в воздухе, она приближалась на десять миль. Надеяться было совершенно не на что, да и о какой надежде может идти речь, когда мчишься прямо на скалы быстрее пули, выпущенной из винтовки. Конец приближался неотвратно, и внезапно один вопрос заслонил для Клиффа все остальные — разобьется ли он о скалы грудью, встретив смерть с открытыми глазами, или врежется в стену спиной, подобно трусу.

Шла последняя минута жизни, но в уме Клиффа не проносились воспоминания о прошлом. Под ним стремительно развевался лунный ландшафт, каждая мельчайшая деталь ясно просматривалась в резких лучах зари. Теперь он снова повернулся спиной к хребту и стал глядеть на пройденный им путь, путь, который должен был привести его на Землю. Должен был, но не привел. До смерти ему оставалось не больше трех «десятисекундных суток» — не больше трех раз повернуться вокруг своей оси.

Внезапно лунный ландшафт озарился молчаливым ослепительным пламенем. Свет намного ярче солнечного на какую-то долю секунды погасил тени от лунных пиков и кратеров и исчез еще до того, как Клифф успел повернуться лицом по направлению движения.

Перед ним, всего в двадцати милях, вверх поднималось гигантское облако пыли. Казалось, что на хребте Советского Союза произошло мощное извержение вулкана — но, конечно, это было невозможно. Так же невозможно представить, — мелькнуло в голове Клиффа, — что Инженерная служба Луны совершила некий фантастический подвиг в области организации и инженерного искусства и успела при помощи атомного взрыва удалить препятствие с его пути.

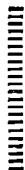
Ибо теперь препятствие исчезло. Гигантский кусок скалы был вырван из линии приближающейся горной гряды, осколки все еще выбрасывало из кратера, возникшего лишь пять секунд назад. Только могучая энергия атомного взрыва, произведенного в решающее мгновение в нужной точке, могла совершить такое чудо. А Клифф не верил в чудеса. Когда, сделав еще один оборот, Клифф подлетал к хребту, он вспомнил, что все это время по траектории его полета в нескольких милях впереди двигалась его капсула — гигантский космический бульдозер. Кинетическая энергия этой капсулы, мчащейся со скоростью мили в секунду и весящей более тысячи тонн, была вполне достаточна, чтобы пробить в скалах огромную брешь, через которую Клифф теперь мчался. Волна от удара искусственного метеора, должно быть, прокатилась по всей Луне.

Удача не изменила Клиффу до самого конца. Во время полета через расщелину на его костюме осела пыль от взорванной породы; он успел мельком увидеть расплывчатые очертания разбитых скал и быстро расходящиеся облака дыма. Затем он миновал расщелину. Впереди было благословенное чистое небо.

Где-то впереди через час он встретится с «Каллисто». Но теперь Клифф не торопился — он вырвался из космического Мальмстрема. Ему дарована жизнь.

В нескольких милях от его курса тоненькой ниточкой на поверхности Луны виднелась эстакада запуска. Через несколько секунд он окажется в пределах радиосвязи, и тогда он, преисполненный радости и благодарности, сможет позвонить на Землю женщине, которая все еще ждет его звонка во мраке африканской ночи.

АРТУР
СЭЛЛИНГС

**ВСТУПЛЕНИЕ
В ЖИЗНЬ**

— Кош-ка читается Кошка, — сказала Эм.

— А что это — кошка? — спросил Пол.

— Да вот же она. Посмотри, какой у нее длинный полосатый хвост.

Но Пол обиженно оттолкнул книгу.

— Хочу кошку, живую кошку, хочу таскать ее за хвост.

— Кошки существуют не для того, чтобы их таскали за хвост, — сказала Эм. — Ну давай, ко-шка читается...

— Кошка, кошка, КОШКА! — завопил он и затопал ногами.

Эм замолчала было, потом снова принялась за дело.

— Так вот. Кошка сидит на ковре. КО-ВЕР, ковер. Вот тебе ковер, — Она протянула мальчику коврик. — Настоящий ковер.

Пол презрительно фыркнул и, следуя непостижимой ребячьей логике, сказал:

— А почему ты знаешь, для чего кошка, ведь у нас кошки нет?

Будь Эм человеком, она бы тяжело вздохнула. Но она лишь подумала, хорошо ли, что малыш задал такой вопрос. С одной стороны, хорошо — это показывает, что он способен рассуждать; с другой стороны, плохо — это может помешать его занятиям. Вот Элен совсем другая. Она просто слушает и повторяет слова, только никогда не известно, понимает ли она значение этих слов.

— Ну, почему у меня нет настоящей кошки, Эм? — спросил Пол. — В книжке у мальчика есть кошка. А у меня почему нет? Почему у меня нет настоящей живой кошки? Хочу живую кошку, не в книге, а живую. Как мы.

В мозгу Эм пронесся целый рой мыслей. Прежде всего, сама она ведь не живая, не по-настоящему живая. И от этой мысли возникло нечто такое, что человек назвал бы болью. Однако это было что-то другое, хуже, — ведь робот не может испытывать боль. И еще Эм подумала, как трудно и плохо учить малышей по книжкам, где рассказывается о детях, которые живут совсем по-другому, как трудно избегать их вопросов и все время уводить их в сторону...

— Джей перед сном читал мне рассказик, там кошку взяли и купили в магазине. А мы почему не купим кошку в магазине? — Пол наморщил лоб и жалобно прибавил: — А как это — купить?

Надо поговорить с Джейм, подумала Эм, пусть не читает им все подряд. Он слишком благодушный, слишком беспечный.

— Как это купить? — твердил свое Пол и тянул ее за металлическую коленку.

— Ну, это значит отдать что-нибудь в обмен на что-нибудь другое. Например... — Она запнулась: что же дальше? Но ведь она правильно сказала. Она слышала это от взрослых... в пору, когда здесь еще были взрослые. Они шутили над этим, люди ведь всегда шутили, потому что здесь у них слово покупать и другое... как же это... а, продавать... не имели смысла.

— Это не важно, — сказала она.

— А что важно?

— Учить уроки.

— Нет, а что это — важно?

— Если будешь учиться, узнаешь, что значит важно.— Едва договорив, Эм поняла, что объяснение ее не слишком убедительно, тем более для шестилетнего ребенка. И поспешно прибавила: — Вот выучишь, что означают все трудные слова, и тогда сможешь читать все книги. Все толстые книжки, в которых полным-полно трудных слов.

Странно, но, услышав про толстые книжки, он ничуть не обрадовался, как бывало прежде.

— Они все врут! — выпалил он. — Не хочу ничего учить. В книжках все врут... про всяких кошек, и про деревья, и... А их вовсе и нету... — И Пол горько разрыдался.

— Не нету, а нет, — поправила Эм и тут же с досадой спохватилась. Как будто это имеет значение, когда их всего-то осталось четверо. Она протянула руку, желая утешить мальчика, но он увернулся.

— Ну, полно, — сказала она, стараясь, чтобы голос ее звучал по-человечески мягко, ласково, утешительно и зная, что ей это не дано. — Во всяком случае, деревья у нас есть.

Он поднял на нее глаза — лицо его вспыхнуло от негодования.

— Это не деревья! — сердито крикнул он. — Это какие-то противные сорняки. На настоящее дерево можно влезать.

— А мне казалось, ты говорил, что в книжках про деревья пишут неправду, — сказала Эм. На этот раз ей удалось понизить голос почти до шепота: может быть, Пол поймет, что она просто шутит.

Но он в ответ снова расплакался.

— У нас есть деревья, — повторила она. — Во всяком случае, они у нас были. И опять будут. — Будут ли? Надежды мало, но думать об этом не хочется, и Эм не стала

думать. — Я видела их собственными глазами. Ведь ты веришь своей Эм, правда? — Она снова протянула руку, и теперь он не стал увертываться. Он уткнулся в ее жесткие, холодные металлические колени.

— Ой, Эм, — всхлипывал он. — Ой, Эм!

Но теперь это уже не были слезы гнева и отчужденности, малыш был с ней, он плакал об общей потере, так что, будь Эм человеком, она бы, наверное, тоже заплакала. Но она лишь погладила его влажные светлые волосы своими неуклюжими, не приспособленными для этого пальцами и сказала:

— Ну, тише, тише, — но слова эти прозвучали чересчур громко, механически, и она не стала больше ничего говорить, взяла мальчика на руки и принялась покачивать, и он успокоился.

Когда Джей и Элен вернулись с огорода, Эм все еще держала Пола на руках и тихонько его покачивала.

Элен ворвалась в комнату с криком:

— Смотри, что у меня есть! Цветок! Настоящий цветок!

— Ш-ш, — прошептала Эм (звук был такой, словно выпустили пар из клапана).

— Ой, можно, я его разбужу и покажу мой цветочек? — Она высоко подняла чахлый бледно-желтый цветок.

— Нельзя, — сказала Эм. — Он устал. Не надо мне было заниматься с ним лишний час. — Она обернулась к Джей. — Откуда взялся цветок?

— Он просто вырос, Эм, — ответил Джей. — Я нашел его на грядке среди овощей.

— Это правда, Джей?

Джей помотал головой, не потому, что в нем заговорила совесть, нет, просто он знал, что Эм все равно знает правду.

— Я... посадил несколько семян. Один мешок с семенами прохудился, и я нашел семена на полу. От этого не будет никакого вреда, Эм.

— Но мы ведь уговорились, что не будем ничего такого трогать. Мы ведь не знаем, к чему это может привести.

— Ты напрасно волнуешься, Эм. Прежде чем их посеять, я прочел целую книгу. Мне казалось, наших малышей надо чем-нибудь порадовать. У них так всего мало...

— А тебе не кажется, что их пора укладывать спать? — предостерегающе сказала Эм. Она заметила, что Элен спрятала свой жалкий цветочек за спину.

— Конечно, конечно, — согласился Джей. — Но на счет этих семян, Эм. Мне казалось, может, нам стоило бы...

Он запнулся. У обоих роботов не было ничего похожего на лицевые мускулы, которые помогли бы им выразить что-то без слов. Но по тому, как смотрела на него сейчас Эм — набычившись, в упор, блестящими глазами, он понял, что лучше не продолжать.

— Ладно, Эм. Давай я возьму мальчика. Идем, Элен. Пора спать.

Но Элен не двинулась с места. Она смотрела на Эм.

— Можно я оставлю себе цветок, можно, Эм, да?

— Конечно, можно, Элен, — после минутного колебания ответила Эм. Если от этого и будет вред, теперь уже ничего не поделаешь. — Я налью в стакан воды, и ты поставишь его около своей кровати. Согласна?

— Ой, спасибо, Эм, спасибо тебе!

Девочка кинулась к Эм, обхватила ее за ноги. Эм осторожно приподняла ее и подержала на вытянутых руках. Не то Элен непременно станет ее целовать, она проявляет свои чувства с большим жаром, чем Пол. И при

мысли, что дети вместо матери только и могут целовать ее — холодную, жесткую, металлическую, — Эм особенно остро почувствовала свою несостоятельность. Полагалось ей это чувствовать, нет ли, кто знает, но она чувствовала это, и не в первый раз.

Она поставила Элен на пол — и увидела по ее лицу, что девочка разочарована. Так случалось всякий раз, как Эм охлаждала ее детски непосредственные порывы. Но взгляд, каким Элен посмотрела на нее, уходя за Джейм, был для Эм совершенной неожиданностью.

Эм долго смотрела ей вслед. И когда вернулся Джейм, она все еще стояла в той же неудобной позе, совсем не так, как стоял бы человек. Джейм сел, и она тоже села — напротив него. Привычку сидеть они тоже переняли у людей и не отказались от нее, когда людей не стало.

Джейм беспокойно пошевелился.

— Элен не захотела, чтобы я читал ей перед сном сказку, — сказал он.

— Вот как? — отозвалась Эм. И оба надолго замолчали.

— Эм, — заговорил наконец Джейм, — ты очень на меня сердисься? Из-за этих цветов?

— Просто я считаю, что ты дурак, — ответила она. — Нам нельзя идти на такой риск. Микробы, споры... все это новое, мы понятия не имеем, чем оно грозит.

— Но ведь мы от всего сделали им прививки. Неужели ты не помнишь, Эм? Помнишь, я их держал, а ты колола?

— Да замолчи ты, — сердито оборвала Эм. Конечно, она помнит. Разве это можно забыть? В те первые годы надо было запомнить столько прощальных, торопливых наставлений. Как пеленать и купать младенцев руками, которые совсем не предназначались для такой работы. Как нянчить их, когда они хворают, несмотря на все при-

вивки. Как учить тому, чему никогда не учился сам, потому что тебе эти знания либо вовсе не были нужны, либо их запрограммировали с самого начала.

У робота не может быть нервного расстройства, ведь робот устроен иначе, чем человек. Но роботу вряд ли по силам воспитать человеческого детеныша, думала Эм. Перед ее мысленным взором снова и снова возникала одна и та же страшная фантастическая картина: она не выдерживает напряжения и взрывается, и во все стороны летят винтики, пружины, синтетические клетки ее искусственного мозга.

Именно эта картина привиделась ей сейчас и смутила ее и напугала.

Джей совсем другой. После того как она его выбрала, он сидит и молчит, как деревяшка. Ей вспомнились первые дни, самые первые дни, еще до того, как на их плечи лег тяжкий груз ответственности.

Как тогда было беззаботно! Люди, например, обращались с ними, будто они мужчина и женщина. А ведь это простая случайность, что Джею выпало мужское имя, а ей — женское. Он модель более ранняя, оттого и получился более громоздкий, неуклюжий, топорный; она же складненькая, меньше ростом, проворнее и вообще сделана куда изящнее. И голос у нее не такой грубый. И, главное, чутье тоньше, вся повадка, и она гораздо больше склонна тревожиться. Это он, а не она пытался подражать людям в их шутках, пытался уразуметь, что же их смешит, неуклюже танцевал, стараясь всех развеселить, когда все они приуныли. А она тем временем научилась стряпать, хотя это вовсе не входило в ее обязанности, так же как танцы — в обязанности Джея.

Находясь среди людей, они мало-помалу научились держаться как супружеская пара: он нет-нет да принимался хвастать, что он старше и опытнее, она же лукаво

намекала, что это ему не прибавило мудрости. А с тех пор, как на корабле не осталось ни одного взрослого, он заботился о том, чтобы детям жилось повеселее, она же пеклась о их безопасности.

И, как всякая жена, которая знает, что она умнее мужа, она давала это ему понять не слишком часто. Но сегодня разговора не миновать.

— Если с ними что-нибудь случится, мы останемся в одиночестве. Ты, я думаю, просто не понимаешь, какой у человека хрупкий организм.

— Да нет, Эм, я понимаю.

— И речь идет не только о их теле,— продолжала она, не слушая.— Книжки для чтения тоже надо выбирать с умом.

— Ну что я такого сделал?

— Не надо читать им рассказы про детей, у которых есть что-то, чего мы им дать не можем. Лучше читай сказки.

— Но сказок ведь не так уж много. Они уже все их знают наизусть. И вообще, раз люди держали эти книжки, значит, они для детей не вредные. Разве я не прав?

— О-хо-хо! Хотела бы я знать, что творится в твоей квадратной башке. Неужели ты не понимаешь, что, если бы их родители были живы и могли сами им все растолковать, это было бы совсем другое дело?

— Ну да, конечно. Просто я не подумал, что...

— А ты думай,— резко оборвала Эм.

Джей опустил глаза.

— А я думаю,— сказал он, помолчав. Потом поглядел на нее и сказал: — Я, например, думаю, что скоро нам придется им сказать. Сказать правду.

Эм вдруг испугалась.

— Почему ты заговорил об этом сейчас? — спросила она.

— Да просто они иногда говорят не так, как раньше. И спрашивают про большую дверь, и так по-особенному на нее смотрят. Вот я и подумал...

— Да, верно,— сказала наконец Эм.— Но мне страшно. Как-то они это примут, вдруг это знание им повредит?

Долгие минуты прошли в молчании. Потом Джей предложил:

— А может, нам придумать сказку? Длинную сказку про все про это. И тогда не надо будет рассказывать им правду.

Эм положила металлическую руку ему на плечо.

— Милый мой Джей, да разве ты можешь придумать хотя бы самую короткую сказку?

Он молча покачал головой.

— И я тоже не могу,— сказала Эм.— И, даже если бы мы могли, этой сказки хватило бы ненадолго. Просто вместо наших теперешних мелких уверток появилась бы одна крупная. Но все равно, через два-три года у них будет достаточно сил, и они сами растворят большие двери. Нам их не удержать. К тому времени они уже должны знать. Они должны постепенно узнавать правду про разные мелочи, тогда правда про самое главное не будет для них слишком большим ударом.

— Прямо сказать, я не понимаю, зачем мы их учим, что кошка читается как кошка, а два плюс два будет четыре,— заметил Джей.— Чем это им поможет?

— Где уж тебе понять? — сказала Эм, снова довольно резко. Не вдаваясь в особые сложности, он со своим прямолинейным, более примитивным умом был куда ближе к истине, чем ей хотелось бы признать,— оттого она так резко ему и ответила.— Это развивает их ум. Дисциплинирует. Готовит к будущему.

— Просто я так подумал,— поспешно сказал Джей.— Тебе лучше знать, Эм. Ты всегда все лучше знаешь.

Но очень скоро Эм поняла, что невозможно говорить правду о пустяках, если умалчиваешь о самой главной правде. Ибо растущее день ото дня недоумение лишало детей охоты учиться.

Они так и не могли сдвинуться с уроков первого года обучения для пятилетних. Долгие часы, пока дети спали, Эм вчитывалась в методические указания, совершенствуя свое искусство учить, стараясь понять, в чем же она ошиблась.

У обоих детей достаточно острый ум. Пытаясь выбраться из сети недомолвок, которая затягивается все туже, они по-прежнему задают множество вопросов; они становятся все проницательнее, все чаще застают свою учительницу врасплох. И чем дальше, тем яснее она понимала, что каждая новая увертка — это шаг назад. Когда дети просили и требовали объяснений, она пыталась отвечать учеными, незнакомыми им словами и говорила при этом, что проще не объяснишь; когда-нибудь они все поймут, только надо прилежно учиться. Но скоро и это перестало помогать, дети разгадали ее хитрость. Она читала это по их лицам, по тому, как все чаще они смотрели на нее обиженно и недоверчиво.

Самое трудное пришло, когда Пол однажды задал вопрос, от которого она просто не могла отмахнуться. Эм не знала, что рано или поздно каждый ребенок непременно задает матери этот вопрос.

— А откуда мы взялись, Эм? — вдруг спросил он посреди скучного урока арифметики, и она растерялась, правда по-иному, чем растерялась бы застигнутая врасплох мать. Но все равно растерялась.

В первую минуту ей захотелось увильнуть, сказать, что во время урока нельзя задавать посторонние вопросы. Но по лицу малыша она поняла, как нетерпеливо и напряженно он ждет ответа, и осеклась. Она поймала на

себе взгляд Элен: девочка чуть усмехалась, а лицо упрямое, отчужденное и... да, обвиняющее.

— Ну, как тебе объяснить,— сказала Эм,— понимаешь...

Джей был тут же, и она взглядом просила у него помощи, хоть и знала, что это не в его власти. И вовсе не-зачем было ему беспомощно разводить руками.

— Элен говорит,— сказал Пол,— нас сделала большая машина. Она говорит, она сама слыхала, как машина пыхтит. Она говорит, когда машина пыхтит, она делает маленьких детей.

Ох, нет, подумала Эм, только не это! Это совсем никуда не годится. Нельзя, чтобы они так думали. Машины не главное. Их делают люди. А машине ни за что не сделать человека. Но как иначе могут думать эти дети? Ведь они не видят других людей, и вся их жизнь зависит от двух машин.

— Ты в самом деле так думаешь, Элен?

Но Элен только опустила глаза.

— Ну, а ты, Пол, ты тоже так думаешь?

— Сам не знаю.

— Ты когда-нибудь слышал машины, Пол?

И тут Элен заговорила:

— Я их не слышу, я чувствую. Я чувствую, они пых-пых-пыхтят.— Она вдруг замолчала и опять опустила глаза.

— Но ведь вы оба знаете, что это самые обыкновенные машины, они дают нам воздух, свет и все остальное. И они работают, как и положено хорошим машинам.

— А тогда откуда мы взялись? — спросил Пол.— Должны же мы откуда-нибудь взяться. Оттуда, где есть деревья, кошки и... и другие мальчики и девочки.— Его тонкий голосок звучал пронзительно: — Зачем вы нас запираете от них?

— Что? — испуганно воскликнула Эм. Как начать рассказывать им правду, если у них такие странные мысли?

— Почему вы не пускаете нас играть с ними, бегать под деревьями? Почему вы всегда запираете большую дверь? — В глазах Пола стояли слезы, но он не расплакался в голос. Вот эти молчаливые слезы и убедили Эм, заставили ее решиться.

— Я расскажу вам, — сказала она. И взглянула на Джея. Он медленно кивнул. Даже он понимал, что на этот раз от разговора не уйти.

Широко раскрытыми глазами дети посмотрели сперва друг на друга, потом на Эм.

— Прежде чем я начну свой рассказ, вы должны пообещать мне, что будете храбрыми. Вы услышите сейчас совсем не то, чего ждете. Каждого из вас произвели на свет отец и мать. Мы с Джеем здесь только для того, чтобы воспитывать вас, заботиться, чтобы вы росли умные и здоровые. Твои родители, Пол, умерли, и твои тоже, Элен. Когда-то тут жили двадцать человек, но теперь все они мертвые.

— Мы понимаем, — сказала Элен. — Это значит — неживые. Как коврик и стул. Но где же они? Пускай они мертвые, но почему их здесь нет?

С некоторым даже облегчением Эм поняла: дети не представляют, что такое смерть. Тогда, может, все будет не так уж трудно? А про смерть она объяснит им позднее, когда они осознают, почему так важно быть живым. А вдруг после того, как она скажет им то, что должна сказать, они решат, что это совсем не важно?

— Потому что мертвым нет места среди живых. Они могут существовать лишь в мыслях живых. Мы с Джеем часто думаем о ваших родителях и о других людях тоже. Ведь правда, Джей?

— Что? А, да, да.

— Потому что они и нас тоже произвели на свет,— продолжала Эм.— Не ваши родители, но другие такие же умные люди. Мы рады, что появились на свет и благодарны им за это. Вот почему мы с радостью заботимся о вас. Вот почему вы должны стараться вырасти такими же умными, как они.

Дети были явно озадачены.

— Значит, мы можем производить на свет людей, таких, как вы? — пропищал Пол.

— Нет,— ответила Эм.— Не таких, как мы, а таких, как ты и Элен.

— Но мы не умеем,— с ужасом вымолвила Элен.— Мы не такие умные.

— Я не думаю, что для этого надо быть умными,— сказала Эм.— Придет время — сумеете. Умными надо быть совсем для другого.— Она встала и пошла к большой двери.— Пойдемте,— позвала она.

Какое-то мгновение они глядели на нее, не веря своим глазам. Потом с радостными криками кинулись за ней.

— Нас выпустят, выпустят!

— А на деревья нам можно залезть, Эм?

— А магазины там есть?

Взявшись за ручку двери, Эм остановилась, поглядела, как они скачут у ее ног.

— Деревьев там нет. И магазинов тоже.

Они застыли на месте, с обидой и недоумением подняли на нее глаза.

— Значит, книжки и правда все врут, да? — медленно выговорил Пол.

— Нет, не врут. Но только теперь у нас ничего этого нет. Все это было прежде.

— Значит, это как в сказке? Давным-давно? Все было давным-давно?

— А теперь совсем-совсем ничего нет? — сказала Элен.

— Я ведь вам говорила, что вы услышите не то, чего ждете, — медленно сказала Эм, глядя на Джея. — Вы все равно хотите идти со мной?

Она переводила взгляд с Пола на Элен и обратно. Может быть, они испугаются? Но она недооценила их любопытство, их жажду вырваться наконец на волю — ведь они всю жизнь провели взаперти.

— Да, Эм. Пожалуйста! — ответила Элен.

— Да, — сказал Пол. — Пожалуйста, Эм!

Она отпирала дверь, и чувство у нее было такое же, как и в час, когда умерли последние люди. Она чувствовала свое бессилие. С тревогой сознавала она, что, когда имеешь дело с неодушевленными предметами, дважды два всегда четыре, а вот с людьми, даже с малышами... особенно с малышами... тут ответ может быть совсем другой, самый неожиданный.

Она раздвинула наконец двери. И перед ними открылись тускло освещенные переходы.

— Ой! — разочарованно воскликнули дети.

— Идемте, — поспешно сказала Эм. И взяла их за руки. Но тут же заметила, что Джея нет рядом, Джей пятился в глубину комнаты. — А ты разве не идешь?

— Конечно, иду, конечно, — ответил он и неуклюже затопал следом.

— Только чтоб без всяких шалостей, — сказала Эм детям. — Держитесь за мои руки.

Они прошли немного по коридору, и вдруг Элен сказала:

— Я ее чувствую.

— И я тоже, — сказал Пол.

Легкая дрожь моторов стала ощутимее. Все спустились на несколько ступеней вниз.

— А теперь мне их слышно,— сказала Элен.

— Сейчас вы их увидите,— сказала Эм, поворачивая за угол.

И вот наконец перед ними машины, огромные машины, они урчат и урчат, и на приборных досках мигают огоньки.

— Уу-ух! — выдохнул мальчик.— Смотрите, колесо крутится! Большущее!

— Эта машина дает нам воздух,— объяснила Эм.

Пол сделал глубокий вдох и сказал:

— Как чудно пахнет...

— Это озон,— объяснила Эм.

— А что это — озон?

— Я точно не знаю,— сказала Эм,— это какой-то особенный воздух. Про все про это написано в книгах. Как останавливать машины, и как приводить их в действие, и как пускать быстрее. Поглядели бы вы, что делается, когда они работают в полную силу. Сейчас они просто мерно постукивают. А вот когда они по-настоящему разойдутся, это да!

— А почему, Эм? Что они тогда делают?

Все идет как надо, подумала Эм. Они поймут, потому что им теперь интересно.

— Пойдемте,— позвала она,— я вам покажу.— Она повела их в рубку. И вдруг на нее снова нахлынули сомнения. Рука, протянутая было к кнопке, замерла. Но пути назад не было, она знала это — и нажала на кнопку.

Дети ахнули и, ошеломленные, боясь упасть, подались назад. Эм положила руки им на плечи.

— Ну, ну,— сказала она,— все в порядке.

Экран, казалось, был над головой, под ногами, с боков, окружал со всех сторон. Они словно вдруг очутились

в пульсирующем сердце Вселенной. Но дети ведь не знали, что такое Вселенная, они впервые в жизни увидели звезды, и для них это было как сон — прекрасный и величественный.

Долгое молчание первым нарушил Пол. Он прошептал одно лишь слово — звезды, и сказал он это не Элен, не Эм и не Джею, даже не самому себе. Он обращался к ним, к звездам.

— Это алмазы, — сказала Элен. — Как в той сказке. Алмазы, и рубины, и изумруды. Достань мне одну звездочку, Эм, я подержу ее в руках.

— Не могу, — сказала Эм. — Знаешь, как они далеко? — И тут же поняла, что слова ее лишены сейчас для них всякого смысла.

Элен была слишком взбудоражена, она уже думала совсем о другом.

— Смотрите! — воскликнула она. — Смотрите, облако! Большое-большое!

В ничем не замутненных глубинах космоса это и вправду было похоже на облако. Чем еще это могло показаться ребенку, который никогда не видел земных небес? Но Эм ведь была учительница, и она не могла не поправить:

— Это туманность.

Элен не слышала. Она подпрыгивала на одном месте и хлопала в ладоши.

— Мое облако, мое! Я назову его самым распрекрасным именем. А ты, Пол? Хочешь вон ту голубую звездочку, и красненькую тоже?

Но Пол отвернулся от экрана, на лице его было недоумение.

— Ты что, Пол? — спросила Эм.

— Я не понимаю, — ответил он.

— Чего не понимаешь?

— Почему вы все время прятали это от нас?

— Потому что... — Эм запнулась. — Потому что я не знала, готовы ли вы к этому.

— Готовы? — повторил мальчик, и, хотя в голосе его звучал вопрос, в нем в то же время чувствовалась непостижимая уверенность.

— А почему нет? — Элен тоже отвернулась от экрана и в недоумении уставилась на Эм.

Господи, подумала Эм, неужели они с Джем зря осторожничали? Ведь они старались как можно точнее следовать инструкциям. И ее собственный разум говорил ей, что это мудрые инструкции. Но так ли это на самом деле? Быть может, и она сама и родители детей преувеличивали опасность? Быть может, именно потому, что сами они когда-то ступали по Земле, они не поняли, что для детей, которые родились в космосе, все будет по-иному. Но нет, просто дети еще не сознают, что все это значит.

И тогда она сказала им правду.

Сказала, что это первый звездный корабль, а другого, быть может, не будет еще очень-очень долго, потому что построить и запустить звездный корабль совсем не просто. И попробуй еще найди охотников отправиться в такое путешествие, ведь оно длится годы, и люди, быть может, не долетят, умрут, так и не достигнув цели. Но до того, как они умрут, у них родятся дети, и дети полетят дальше.

Сказала и о том, как все обернулось на самом деле. Люди умерли слишком рано. Болезнь поразила первое поколение еще до того, как они углубились в межзвездные просторы, но возвращаться на Землю было уже поздно. Неведомая радиация поразила нервную систему, все взрослые заболели. Это случилось незадолго до того, как на свет появились двое детей. И Эм, как умела, помо-

гала при родах, потому что к тому времени в живых осталось всего несколько человек, да и тех уже поразила не поддающийся лечению паралич — предвестник смерти.

А потом умерли матери и все остальные тоже. Но у них уже была кое-какая надежда, что дело их не погибнет, кое-какая надежда появилась.

И вдруг Эм поняла, что для ее питомцев все эти разговоры о звездах и звездных кораблях лишены смысла. Тогда она принялась рассказывать, что знала о Вселенной — про ее неизмеримые просторы и глубины и про то, какой это великий подвиг — отправиться в космос.

Вот почему она и Джей так старательно о них заботятся, вот почему учат их читать и понимать книги — ведь это они, Элен и Пол, должны продолжить великое дело. Ведь в один прекрасный день корабль надо будет посадить на далекую, неведомую планету и ей с Джейм без их помощи никак не справиться.

Джей рассказал им, для чего были созданы он и Эм — чтобы управлять кораблем при перегрузках во время посадки и когда он впервые отрывался от Земли. И еще для того, чтобы исследовать новые миры, — наверно, людям это на первых порах будет слишком трудно. Но без помощи людей они ничего этого делать не могут, люди должны руководить их действиями, направлять их.

Джей замолчал. Молчала и Эм. Слишком много всего они обрушили на детей. Оставалось терпеливо ждать.

Первым заговорил Пол, и, как им показалось, совсем не о том, о чем следовало. Он повернулся к Эм и сказал:

— Значит, вы не умрете — ты и Джей?

— Конечно, нет, — ответила она. — Мы будем и дальше заботиться о вас, а потом о ваших детях. Будем все работать и работать, как и положено исправным маши-

нам.— Теперь самое время объяснить, чем они отличаются от людей. Так будет лучше.

— Вы не машины,— упрямо заявила Элен.— Машины такие умные не бывают.

— Мы как раз и есть умные машины,— возразила Эм и, решив, что они уклонились в сторону, продолжала:— Так что теперь вы понимаете, почему здесь нет деревьев, кошек и других детей. Они очень далеко, как звезды.

— А какая из этих звезд Земля? — спросил Пол. Странно было услышать от него это слово.

— Землю отсюда не видно,— ответила Эм.— Она слишком далеко. И потом, Земля не звезда. Земля — планета, она вращается вокруг звезды.

— Вокруг какой звезды? — спросил Пол, но Эм не могла ему ответить — она не знала.

— Я посмотрю карты,— поспешно сказала она, надеясь, что сумеет в них разобраться,— и тогда покажу вам. Согласны?

— А с Земли это все видно? — спросила Элен.

— Ну нет, совсем не так. Там половину времени вообще никаких звезд не видно, потому что Солнце светит слишком ярко.

— Значит, до Земли просто очень далеко! — воскликнул Пол.— Но там все это есть — и деревья, и кошки, и все остальное! И... дети вроде нас видят все это каждый день! Прямо сейчас...

— Но там было и кое-что другое,— прервала Эм.— Очень скверное. Такое, чего у нас здесь, к счастью, нет.

— А что там скверное? — спросила Элен.— Кружится голова, да? Потому что Земля все время вертится, вертится?

— Нет,— сказала Эм.— От этого голова ни у кого не кружится. Вот мы летим сейчас с огромной скоростью, и ни у кого из вас голова не кружится, правда? Но поверь-

те Эм, там было много скверного, очень скверного. — И тут ее осенило: — Иначе ни ваши родители, ни кто другой не захотели бы покинуть Землю, правда?

— Правда, — согласился Пол, но как-то не очень уверенно.

И вдруг Джей, тот самый Джей, который почти все время молчал, боясь каким-нибудь неосторожным словом испортить дело, сказал порывисто:

— Понимаете, им просто надоело все крутиться и крутиться вокруг одной и той же звездочки. Голова у них не кружилась, но просто им надоело, надоело и наскучило. И они не хотели, чтобы то же случилось и с их детьми. Они хотели, чтобы у детей жизнь была лучше, чтобы они зажили по-новому...

Он замолчал так же внезапно, как заговорил. И отвернулся, словно испугался, что сказал что-то не то.

Эм тронула его квадратное плечо. Одною взглядом на лица детей было довольно, чтобы понять: Джей сказал то, что надо, именно то самое! Он обернулся к ней, и Эм кивнула, и рука ее по-прежнему благодарно покоилась у него на плече.

— А когда мы прилетим в новый мир, деревья и кошки там будут? — спросил Пол.

— Может, и будут, — ответила Эм. — Может, будут и деревья, и кошки. (Когда-то, она слышала, люди разговаривали об этом.) Там все может быть.

И тут она ощутила укол совести. Правильно ли, что она не договаривает? И она заговорила было, но сразу же замолчала. Нет, не надо. Самое трудное позади. Это сейчас главное.

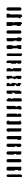
— Все-все? — спросил Пол.

— И великаны? — спросила Элен. Глаза у нее от любопытства стали совсем круглые. — И колдуны? И волшебные замки?

— Да,— ответила Эм.— Там могут быть и великаны, и колдуны, и еще много-много всего. Но только помните: я не обещаю, что все это там есть, я только говорю, что все может быть. Там может быть все что угодно.

Она так и не сказала, что корабль долетит до той планеты лишь через сто двадцать лет. Это они узнают позднее.

ДЬЮЛА
ХЕРНАДИ

ПАРАДОКС

Темноту непроглядной ночи разрывал яркий свет. Они стояли на площадке, поросшей травой; красивая девушка с напряженным лицом молча смотрела на мужчину.

В глазах у Ф. стояли слезы.

— Если бы ты обращала на меня внимание, то знала бы...— вдруг заговорил он.

— А я не обращала, потому что ты стар,— ответила девушка.

— Я сделаю все...

— Не надо. Пойми, ты мне не нужен!

— Мне пятьдесят лет. Неужели это так уж много?

— Через двадцать лет тебе будет семьдесят, а мне — тридцать восемь. Не хочу, уйду!

— Мария, не уходи!

— Пусти меня!

— Не уходи! Прошу тебя, не уходи!

Любовь Ф. не проходила.

13 января 1978 года он посетил профессора ТСВ, который подбирал экипаж для первого в мире суперфотонного космического корабля.

Космический корабль был построен из необычного, доселе неведомого материала, для него изобрели необычное, доселе неведомое топливо, его возможная скорость

неизмеримо превосходила скорость света: профессор ТСВ вместо континуума пространство-время применил фрустративный туннель, и вопрос о скоростном барьере перестал существовать.

Ф. сообщили, что он стар и не выдержит нарастающего ускорения. Но он умолял и упрасивал до тех пор, пока его наконец не приняли.

На тренировках он был старателен и выжил даже после физиологических испытаний.

10 июля 1978 года корабль стартовал.

Ф. не ощутил ничего особенного, его занимала лишь одна мысль: три часа они будут летать среди галактик, а потом вернутся на Землю; ему по-прежнему будет пятьдесят, а Марии — уже шестьдесят четыре. Он найдет ее, посмеется над ней, потом простит, женится на ней, будет ее любить.

Он вытянулся в удобном кресле и погрузился в мечты.

Когда они приземлились, Ф. не стал дожидаться контрольной медицинской проверки в ракетном порту — он ринулся в город.

Была ночь, необычный свет озарял подрагивающий, бледноватый небосвод, над гладко отполированными белыми дисками парили люди.

Он не пытался найти дом Марии, а направился прямо к возвышающейся в центре города шестисотэтажной башне. Долго бродил он по блестящим, сверкающим комнатам, советовался с компьютерами, затем вышел в коридор, попал в тянущееся вдоль стены плотное электромагнитное поле, извлек из кармана опалового цвета ленту, которую получил от компьютера, и принялся читать сухой текст:

«В ответ на ваш запрос сообщаю следующее: Мария Т. умерла в 2049 году, в возрасте 89 лет, в Бек...е, она покончила с собой. До 2150 года она покоилась в мемориальном парке в Бек...е, когда же мемориальный парк освобождали для космоурбанистических целей, обнаруженный там прах подвергся переработке. Детей у нее не было. Сегодня, 3 декабря 2200 года, средняя продолжительность жизни — 320 лет. Что касается Вас, возвращайтесь обратно в порт, Вас разыскивают врачи. Ваш космический корабль опоздал на четыре секунды из-за метеоритного дождя и потому вернулся на Землю в 2200 году вместо 2024.

С уважением
00101001110111
(Ведущий Компьютер)»

Ф. сидел молча, опустив руки. Вокруг него плясали, переливаясь и причудливо журча, разноцветные огни. Он знал, что контрольная медицинская проверка начинается с катетеризации сердца.

ВЛАДИМИР
КОЛИН

ПАРЧОВАЯ
СКАЛА

— Знаю, ты любишь загадки,— сказал мой друг из Первого космического архива.— Просмотри-ка эти записи. Они побывали в руках у пятерых, и каждый добавил к первоначальному тексту что-то свое. Все пятеро давно уже отправились к праотцам...

Я поблагодарил его и, вернувшись домой, начал расшифровывать страницы, исписанные старыми латинскими буквами. Вот что я прочитал:

«И я остался один. Сверкающий корабль еще раз обогнул астероид, затем направился к Сатару U-6, где находится руководство института и лаборатории. Черной пучиной сомкнулось надо мной молчание. Я увидел, как сияет холодным блеском огромный диск Юпитера, подавляя своими гигантскими размерами, и впервые с замиранием сердца осознал всю глубину своего одиночества. Не смог унять зябкой дрожи. Тишина была всепоглощающей, слепой. Я отвернулся от великана, окутанного ядовитым саваном, и взглянул на мерцающие звезды, которые напомнили мне стихи Нар Го:

Испуганные листья звезд
Дрожали на золотых огромных тополях миров
В ночь сотворения Вселенной...

Первый раз в жизни я был действительно одинок. Невольно я воздел руки к небу и закричал так, как, должно

быть, кричал когда-то первый австралопитек, поднявшийся на ноги. Мне казалось, что мой голос летит через пространство, дробясь на мириады звонких струй, а они, ударяясь о звезды, будят эхо в каждом из этих трепетно мерцающих миров. На душе у меня полегчало, и, оторвавшись от созерцания Вселенной, я оглядел крошечный астероид, который был отведен мне для исследования.

Ну, не сущее ли это издевательство? Первая самостоятельная работа выпускника Института космической биологии свелась к исследованию 1967-A1, несчастного астероида диаметром три километра...

Кошда Локар, наш секретарь, объявил выпускникам о назначениях; встретив мой взгляд, он на какое-то мгновение заколебался. Потом оглянулся и счел нужным пояснить доверительным шепотом:

— Комиссия решила распределить большинство выпускников на более крупные астероиды. Они будут вести работу под руководством опытных исследователей, понимаешь? Только самых лучших из вас отобрали для самостоятельного обследования малых астероидов. Это доказательство доверия, Миргх...

Хорошенькое доверие! Валдар, посредственный студент, не обладающий и самой элементарной интуицией, поедет с экспедицией на Цереру. Предполагаемые следы жизни Исчезнувшей планеты куда легче обнаружить на небесном теле диаметром 800 километров, чем на таком захудалом астероиде, как 1967-A1, который даже не удостоился человеческого названия, разве не так? Мне настолько доверяют, что посылают искать то, чего нельзя найти! А Валдар и без этого доверия обнаружит искомые следы, о которых в общих чертах сообщит в академию. И затем кто-то будет вынужден заново проводить все исследования, но Валдар так и войдет в историю как открыватель следов жизни Исчезнувшей планеты...

Разумеется, странная логика комиссии меня не убедила, но обсуждать этот вопрос не с кем. Профессор? Он бы поднял на лоб свои старомодные очки, которые непонятно почему упрямо продолжает носить, и, глядя на меня усталыми глазами, сказал бы, совсем как на лекции: «У нас нет никаких сведений о катаклизме, который уничтожил планету, вращавшуюся некогда между орбитами Марса и Юпитера. Речь идет о взрыве — естественном или искусственно вызванном, не знаю... Где именно, в какой части планеты он произошел? Какова структура обломков, образовавших пояс астероидов? Необходимо исследовать каждый астероид в отдельности. Нам ничего не известно, и мы не имеем права считать, что даже на несчастном обломке скалы диаметром несколько сот метров нельзя обнаружить какие-либо красноречивые следы прошлого, более того, обнаружить их здесь, пожалуй, даже легче, нежели на крупных обломках, претендующих на звание малых планет, таких, как Церера, Веста, Юнона...»

Но, когда я сам говорил ему о теории вероятности, согласно которой эти следы можно отыскать скорее на одной из небольших планет, чем на глыбах, летающих в пространстве, он ограничивался спокойным ответом: «Мы исследователи, Миргх. Работаем не с вероятностями, даже если они и составляют 99 процентов из 100, а с достоверностью. Но если ты отказываешься, тогда конечно...»

Как древний мореплаватель, потерпевший крушение и попавший на необитаемый остров, осматривал я местность, где должен был провести целый месяц. Стоя на скале, я с замиранием сердца разглядывал хаотическое нагромождение белых, черных и красных камней. Если у кого-то еще оставались сомнения, то вполне достаточно было одного взгляда на камни, чтобы убедиться: исчезнувшую планету разломил на куски страшной силы

взрыв. А что, если этот астероид всего лишь глыба, вырванная из самой сердцевины исчезнувшего мира? Тогда, ясно как день, мои исследования безрезультатны. А группа Валдара, быть может, обнаружила то, что мне никогда не найти...

Валдар! Разумеется, мне с ним нечего делить. Я вспомнил его просто для примера и все время вспоминаю, потому что меня ждет целый месяц бесполезных поисков, в то время как Валдару — или не обязательно ему, а другому, вроде него, — стоит только нагнуться, чтобы сделать открытие... Так нет же! Хватит! Я покончил с такими, как Валдар, раз и навсегда. Как звучал девиз французского феодала, о котором нам говорил профессор?.. «J'y suis, j'y reste» («Раз уж я здесь, то я здесь остаюсь».) В конце концов, невелика заслуга открыть то, что само идет в руки. А если я обнаружу что-нибудь на моем несчастном 1967-A1, то никто не скажет, что я потратил время понапрасну или обманул доверие людей, которые сочли меня способным в чем-то разобраться самостоятельно.

Итак, куда ни кинешь взор, одни камни. Только белые, черные и красные. Почему? Некоторые причудливо перевиты, как трос, — будто гигантская рука скрутила их. А если это... Нет, брат, успокойся. Это не колонны. Достаточно взглянуть на их неправильную форму, на множество углов и граней. Дальше зияет пропасть. А за ней снова хаотическое нагромождение белых, черных и красных камней, белых, черных и красных, без конца и края. Кажется, что других красок нет на астероиде. Мертвые гектары, которые можно обойти за три часа. Следовательно, за месяц я исхожу их вдоль и поперек 120 раз, а это все равно что метаться по одиночной камере, только большой и без решеток. Ну и что с того? «J'y suis, j'y reste»...

Перед тем как приступить к исследованиям, я осмотрел скалу у себя под ногами. Она была красного цвета, поразительно гладкая, блестящая, как мраморный цоколь. Странный камень! Как и по мрамору, по нему змеились причудливые прожилки. И прожилки эти казались золотыми, будто вся скала была окаменевшей парчой.

Не странно ли, что я столько времени смотрел по сторонам, не обращая внимания на то место, где стою? Решив обогнуть скалу, я сделал шаг и... медленно поплыл в пустоте, словно несомый невидимым парашютом, а затем ступил на небольшую, прозрачную и блестящую поверхность, похожую на застывшую лужицу. Если весь астероид представлял собой изломанную, перекрученную отчаянными судорогами материю, то эта сверкающая поверхность перед скалой казалась миражем, оазисом в пустыне. Сама скала, высотой около четырех метров, была пирамидальной, почти конической формы: грани ее были скруглены, какие-то вертикальные ребра бороздили ее поверхность.

Я не спеша обошел вокруг нее, не обнаружив ни шероховатости, ни расщелины. Передо мной высилась необычайно, потрясающе гладкая парчовая скала. Загадочная прозрачная дуга описывала перед ней полукруг. «Успокойся,— мысленно твердил я себе,— ты же не знаешь, какой была когда-то Исчезнувшая планета. Не пытайся приписывать мыслящему существу то, что может быть простой игрой природы». Но сердце мое билось учащенно: как видно, неприметный астероид готовил мне сюрпризы. В нетерпении я несколько раз обошел вокруг красной скалы, пытаюсь найти какое-нибудь объяснение. Досада моя улетучилась, я больше не думал о Валдаре и даже почувствовал необыкновенную признательность к профессору за решение, которое сперва показалось мне обидным.

Перед моими глазами маячила только парчовая скала. Я следил глазами за золотистыми прожилками, стараясь расшифровать неизвестные знаки, обнаружить в рисунке какой-то смысл.

То я убеждал себя, что это случайные изгибы, то вздрагивал, воображая, что вижу какие-то неясные обозначения. Не знаю, сколько раз обогнул я таким образом скалу, пока, разочарованный, не сел на полупрозрачное кольцо, рядом с которым загадочно возвышалась скала.

Сосредоточив внимание на этом странном явлении, я задал себе вопрос: может ли природный кристалл быть таким большим и иметь поверхность гладкую, как матовое зеркало? Упорно вглядываясь в его мутные глубины, я стал как будто различать в них какие-то темные формы и уже не мог понять, где кончается игра воображения и начинается реальность.

— Нет, так не пойдет! — вскрикнул я, вскочив на ноги. Звезды освещали груды белых, черных и красных камней. И снова с необычайной остротой я ощутил свое одиночество.

— Я сюда еще вернусь, — быстро и очень громко сказал я вслух, радуясь, что слышу человеческий голос, пусть даже свой собственный. — А сначала обследую астероид, выясню, на что здесь нужно обратить особое внимание.

И растерянно улыбнулся, поняв, что поступаю, как ребенок, который, чтобы подбодрить себя, разговаривает сам с собой в темном помещении. Пожав плечами, я отправился знакомиться с астероидом, решив пока ограничиться общим осмотром, наладить первую связь с миниатюрным миром. И я стал перепрыгивать с камня на камень.

Только сейчас я заметил, что здешний рельеф нельзя назвать гористым. Не было видно даже холмов. Повсюду

вокруг в беспорядке громоздились камни, как чудовища в предсмертных судорогах, пораженные молнией. Легко, будто мои кости были заполнены воздухом, прыгал я с камня на камень. Это ощущение свободного парения, почти полета, пьянило меня, я наслаждался фантастическими прыжками.

Вскоре я достиг пропасти, которую увидел еще с красной скалы. Заглянул в темную бездну — и увиденное там показалось мне настолько невероятным, что я тотчас же начал спускаться, держась за выступы белых, черных и красных камней, устилавших ее обрывистые края.

Ни цветок, ни колосок, ни травинка не веселили здесь взор, не оживляли беспорядочного нагромождения каменных глыб, образующих стены пропасти; а на дне ее, таком же гладком, как прозрачное кольцо у подножия парчовой скалы, виднелся белый равнобедренный треугольник, настолько точно вписанный в шероховатую плотную массу черного камня, что его нельзя было принять за простую игру природы.

Не отводя взгляда от этой строгой геометрической фигуры, я спускался, скользя с камня на камень. Я думал о профессоре, который послал меня на небольшой 1967-A1, о коллегах, которые, может быть, в этот момент тоже обнаруживают (в чем я теперь был убежден) следы жизни Исчезнувшей планеты, и спрашивал себя, что означает белый треугольник — орнамент или символический, культовый знак. В лихорадочном состоянии — мою радость отравляло беспокойство, опасение, что белое изображение окажется оптической иллюзией, простым световым пятном, — я соскочил на черный камень на дне пропасти.

Безупречно чистый. треугольник упирался острым углом в каменную стену. Но на какой-то миг я забыл о нем, потому что передо мной, на неровной стене, где раз

и навсегда застыли угловатые выступы разбитых камней, виднелся другой треугольник, на этот раз красный, перевернутый основанием кверху и стоявший торчком, будто белый треугольник был всего-навсего его отражением в невидимом зеркале.

Эти два треугольника, вершины которых соприкасались, были строго одинаковых размеров, поверхность красного — такая же блестящая и гладкая, как и белого. Я не мог понять, каким материалом они были облицованы или из чего сделаны, но не оставалось ни малейшего сомнения в том, что их творцом было мыслящее существо. Я стоял на пороге открытия, которое не могли умалить успехи групп, посланных на другие астероиды. Осторожно ступил я на белую поверхность, пробуя, прочна ли она. Затем постепенно стал продвигаться в центр треугольника. Не знаю почему, у меня вдруг появилось неприятное ощущение. Мне показалось, что я не один и кто-то смотрит на меня. Хотел вернуться, но было слишком поздно.

Белый треугольник провалился подо мной, я упал, и тотчас же темная масса, вращаясь, опустилась и толкнула меня в спину. В одно мгновение я оказался в каком-то красном туннеле (я догадался, что это туннель, еще не поняв, где нахожусь). Но красными были не стены туннеля, а сам он, его содержимое. Казалось, я попал в огромную артерию: но то не была окрашенная жидкость. Сам воздух был красным. И в этой неосвязаемо красной атмосфере я не видел дальше своего носа.

Какое-то мгновение я оставался неподвижным, не мог и пошевелинуться от изумления. А когда обернулся, с удивлением различил в стене белый вертикальный треугольник, вершиной вниз, точно такой же как тот красный, что я видел минуту назад вписанным в стену пропасти. В мозгу промелькнуло, что эти два треугольника

поменялись местами, что я обнаружил самопрокидывающуюся систему, позволяющую проникнуть в мир красного вещества; но напрасно я искал под ногами красный треугольник — может быть, потому, что не мог видеть его в этой кровавой дымке, — напрасно всем телом упирался в белый треугольник, стараясь найти выход.

Сейчас мне кажется странным, как это я лишь много позже сообразил, что попал в плен. Но меня захватило в плен не какое-нибудь разумное существо, с которым можно наладить контакт, а слепая сила механизма, сохранившегося в силу нелепой случайности. Ум, который изобрел это странное приспособление, давно уже исчез, как и тот мир, в котором он жил. Я попал в западню.

Обеспокоенный, я понимал, что всякая связь с миром прервана, и не знал, как долго смогу просуществовать в странном красном веществе, чьи свойства были мне не известны. Даже если дирекция института, не получив от меня известий через определенный отрезок времени, как и было договорено, вышлет спасательную команду, по всей вероятности, будет уже слишком поздно.

И тем не менее я не мог сидеть сложа руки. Необходимо было выяснить, каково назначение таинственной мышеловки, в которую я невольно попал. Я решительно оторвался от белого треугольника и стал продвигаться вперед в красном мареве не нагибаясь: свод туннеля был такой высокий, что опасаться не приходилось. Когда я разводил руки в стороны, то упирался кончиками пальцев в стену туннеля.

Меня интересовал в первую очередь красный «воздух». Неужели атмосфера Исчезнувшей планеты состояла из такого же газа, сохранившегося здесь благодаря загадочной прочности стенок туннеля? Или же это вещество обладало особыми свойствами, благодаря которым и заполнило огромный резервуар, в который я по-

пал? Если это была атмосфера исчезнувшего мира, то оставалась еще слабая надежда найти какой-нибудь выход. Если же это специально консервированный состав, значит, отсюда мне уже никогда не выйти. Технические способности существ, сконструировавших резервуар, внушали доверие...

Думая об этом, я осторожно продвигался все дальше и дальше. Не знаю, какое именно расстояние прошел я с вытянутыми вперед руками, боясь удариться обо что-нибудь, пока не уперся в стену. Видно, к несчастью, правильным оказалось второе мое предположение: красное вещество было редким газом, хранившимся в огромном резервуаре, на дно которого я попал. Но тут я с удивлением заметил прозрачный диск, вделанный в темную стену, так же как треугольники были вделаны в камень.

Диск напоминал блестящее кольцо возле парчовой скалы, и меня поразило пристрастие к геометрическим фигурам людей (позвольте их так назвать), которые жили на Исчезнувшей планете. Прижавшись ладонями к прозрачной поверхности, я приблизил к ней лицо, стараясь что-нибудь рассмотреть за этой застывшей водой. Мне показалось, что диск колеблется, вибрирует, словно через него проходят силовые линии. Мгновение — и неожиданно я очутился по ту сторону диска. Придя в себя, я почувствовал, что меня обволакивает бесцветная масса, невидимое вещество, которое не позволяет мне двигаться.

Не понимаю, как я проник сквозь этот полупрозрачный диск; привел ли я в действие новый механизм или это круглое окно было сделано из материала с неизвестными мне свойствами? В то время как я свободно мог продвигаться в красном веществе туннеля, здесь, где казалось, что вокруг меня — пустота, я почувствовал себя завязшим в твердой и плотной массе. Я было подумал,

что попал в необыкновенно сильное гравитационное поле, но потом сообразил, что такое поле тотчас раздавило бы меня. А я был просто скован, будто на меня надели сминительную рубашку. Лишенный возможности двигаться, я мог лишь осматриваться, пытаюсь понять, куда попал.

Я находился в шестиугольном помещении. Его «стены» состояли из круглых окон, связанных между собой темным веществом. Диск, через который я проник в сердце этого лучепроводящего многогранника, был всего лишь одной из его граней, как прозрачное кольцо у парчовой скалы,— так по крайней мере я решил. Очень возможно, что, идя по красному туннелю, я коротким путем вернулся туда, откуда пришел,— к парчовой скале. Сейчас я уже не мог предполагать, что красный газ был всего лишь веществом, которое сохранилось в этом огромном вместилище. Красный туннель скорее всего вел в лучепроводящий многогранник и был частью механизма, конечное назначение которого оставалось для меня загадкой. Взволнованный, ждал я эффекта воздействия странных и непонятных сил. Лежать без движения было настолько неприятно, что мне казалось, будто прошел целый час, с тех пор как невидимая сила связала меня по рукам и ногам, уподобив насекомому, застывшему в массе янтаря.

Велико же было мое удивление, когда я увидел, что стрелка хронометра, укрепленного на запястье правой руки, не двинулась с места. Это был совершенный инструмент, предназначенный для работы в любых условиях, практически он не мог испортиться. Я устремил взгляд на циферблат и сосчитал в уме до шестидесяти. Стрелка не двигалась, хронометр не действовал. Испортился или не мог функционировать в необычных условиях внутри многогранника? А что, если стрелка по-прежнему перемещается, но я этого не вижу?

Такое предположение испугало меня не столько своей абсурдностью, сколько тем, что я склонен был принять его как логическое объяснение всего случившегося. Что же со мной происходило? Неожиданно я вспомнил обезьяну из институтской лаборатории, у которой выработались странные рефлексy, например, когда приходилось выбирать между веревкой и бананом, она предпочитала веревку. Мне казалось, что, если нет куска веревки, она даже не видит банана, который раньше ела с таким аппетитом. Может быть, и я находился теперь под воздействием такой же неведомой силы?

Но я не успел ответить на свой вопрос. Ошеломленно смотрел я в центр многогранника, где обезьяна уплетала банан. К тому же это была не просто обезьяна. Могу поклясться, что это был Слог, павиан нашего института.

Ничего не понимая, я следил глазами за тем, как он пожирает банан, бегая по своему обыкновению взад и вперед. Слог ел быстро, а банан все не кончался. Я хотел позвать павиана, но губы мои не слушались.

Там, на полу, Слог ел банан с большим аппетитом. Думаю, что это длилось не менее получаса, но стрелка хронометра не двигалась, и я смотрел на нее тупо, никак не реагируя на происходящее, потому что знал: Слог не мог есть бананы в этом многограннике хотя бы по той причине, что он сдох два года назад.

Схожу с ума? Утомленный, я попытался проверить себя. Попробовал вспомнить, кто выработал у обезьяны тот смешной рефлекс на веревку, и вдруг вспоминаю — Валдар. И, как только я подумал о нем, перед глазами у меня возникло его простоватое лицо, а Слог исчез без следа.

— Что слышно у вас, на Церере? — хотел спросить я, но, как в кошмарном сне, губы все не слушались.

— Ничего, Миргх. Только зря тратил время...

Отвечает! Как же он услышал меня (ведь я ничего не сказал вслух!) и так уверенно отвечает? Но и Валдар не шевелил губами. Что это? Что происходит? Мне хотелось кричать, но я спокойно сказал (вернее, подумал):

— Здесь, как видишь, немало странного...

— А что такое?

Он удивленно посмотрел на меня своим рыбьими глазами. Я разозлился и закричал (то есть хотел закричать):

— Дурак! Если бы на твоём месте был профессор...

И тотчас Валдар исчез, будто испарился. Я даже не удивился, увидев вместо него профессора. Он поднял очки на лоб и ждал, вопросительно глядя на меня.

— Вы правы, — сказал я. — Нужно исследовать каждый астероид в отдельности.

— Я рад, что вы не считаете себя обиженным...

Улыбается. Показалось мне, или его улыбка и впрямь была иронической?

— Здесь, на 1967-AI, я обнаружил необычную установку. Но не могу двигаться и не знаю, как выберусь отсюда...

Он больше не улыбается. Смотрит на меня и прикладывает указательный палец к губам.

— Вы сумели вызвать меня, — сказал он. — Каким образом?

— Я думал. Мысленно звал вас. Сила мысли велика...

— Думайте, что хотите выбраться, — подсказал он. И я удивился, как мне раньше не пришло в голову такое простое решение.

Я представил, что пробиваюсь сквозь лучепроводящие стены и оказываюсь на поверхности астероида. Если раньше мне чудилось, будто все мое тело налито свинцом, сейчас я вдруг почувствовал необычайную легкость, словно безжалостная сила, которая давила меня, исчезла.

Я поднялся вверх, как воздушный шар, — вернее, был поднят, потому что не сделал никакого усилия, — и коснулся одной из дискообразных граней потолка. Потом я, как бурав, стал все сильнее вращаться вокруг своей оси, проник сквозь лучепроводящий материал и опомнился, лишь когда, продолжая кружиться, очутился в красном конусе, стены которого все были в причудливых золотистых разводах.

Неописуемый звон стоял у меня в ушах. Мне казалось, что я задыхаюсь. Я сделал последнее отчаянное усилие и потерял сознание».

Другим почерком к этому тексту были добавлены следующие строки:

«Биолога Миргха нашли в бессознательном состоянии у красной скалы с золотыми прожилками, которую он назвал парчовой скалой. В тот период ни биолог Валдар, ни профессор Ареб не покидали Цереры и лаборатории на Сатаре U-6 и не помнят, чтобы встречались с биологом Миргхом.

В упомянутой впадине были действительно опознаны два треугольника, один красный, на дне впадины, и другой белый, на стене пропасти. Несмотря на неоднократные попытки, мы не смогли обнаружить самопрокидывающейся системы, о которой говорится в приведенных выше записках. Попытки разбить или разрезать лучепроводящее кольцо у парчовой скалы и саму скалу не дали никакого результата».

Затем следуют торопливые строки, написанные третьей рукой (заметки профессора Ареба):

«Я знаю Миргха. Галлюцинация? Не думаю. Параллельное время? Хронометр не смог зарегистрировать его (когда Миргх был обнаружен спасательной командой,

прибор действовал), а Слог умер два года назад... Сохранить».

Четвертая рука вывела новым, всемирным шрифтом, который сменил старый, латинский:

«16 сентября 2010. Астероид 1967-A1 был уничтожен взрывом, причина которого не установлена».

И, наконец, в самом низу страницы стоял круглый штампель под двумя словами:

«В архив».

ПЕТЕР
КУЦКА

МИШУРА

Над исследуемой планетой в крошечной тьме космоса появилось нечто необычное, неопределенной формы и не-
соизмеримой величины. Это была сложная, ритмично
вибрирующая система бесшумно шевелящихся металли-
ческих антенн, стеклянных щупальцев и колючих защит-
ных экранов; в глубине клубка из прозрачных нитей,
бледно-голубая, как рыбий пузырь, светилась кабина.

В кабине работали двое.

Один из них — его звали Излом — настраивал ката-
пульту, нетерпеливо ожидая, когда можно будет отпра-
вить посылку.

Второй, которого под лучами дальнего Солнца назы-
вали Ауром, все еще возился с посылкой. Он спешно про-
кручивал нить на вращающихся дисках запоминающего
и кодирующего устройства перед мерцающими трубками
и микроскопическими крохотными кристаллическими
клавишами.

Они были далеко от дома. Те, кто измеряют простран-
ство скоростью света, сказали бы, что они в сотнях и сот-
нях световых лет.

— Сейчас будет готово... — пробормотал Аур.

Изл взглянул на энергометр.

— Надо поторапливаться.

— Боюсь что-нибудь упустить, — сказал Аур, — пусть
они познакомятся со всеми нашими открытиями, с уста-

новленными взаимосвязями... У нас есть основания считать, что поймут. Это разумные существа, правда не такие, как мы, с более замкнутой биологической системой... Но наши приборы точно показывают, что у них есть поселения, искусственные источники света, они используют волновые свойства материи... Вполне вероятно, что кругозор у каждого из них в отдельности и неширок, но сообща они наверное расшифруют нашу информацию.

— А если они применяют ее для борьбы друг с другом? — спросил Иэл, опуская коробку в отверстие катапульты.

— Ничего не поделаешь... остается только надеяться на их сообразительность, инстинкт самосохранения и на наши знания... Ведь если они действительно поймут нас, то не смогут обратить друг против друга...

Его голос звучал торжественнее обычного.

— Отправляй... А потом мы погрузимся в анабиотический сон. Жаль, что нельзя связаться с ними непосредственно.

Иэл нажал клапан катапульты.

Голубой свет кабины, похожей на рыбий пузырь, погас. Космический корабль — так бы его назвали жители планеты — беззвучно провалился во тьму.

А разумные обитатели планеты ничего не заметили. Космический корабль парил на большой высоте, он не отражал лучей военных локаторов, шарящих по небу, и не мешал радиосвязи. Правда, несколько телескопов, составленных из примитивных линз, были направлены в небо, но астрономы спали, поднимали праздничные тосты или смотрели на экраны телевизоров.

Конечно, были на планете места, где люди глядели в небо, напрягая обострившийся слух, потому что ждали:

вот-вот приблизятся грохочущие машины с ракетами, пулеметами и бомбами.

Впрочем, планету окутали облака, спустившиеся необычно низко, и наблюдение было почти невозможно.

Шел снег.

Крупные, густые хлопья медленно падали и на город Б.

— Значит, все-таки рождество будет со снегом,— говорили люди, выглядывая из окон. К вечеру снег пышной пеленой покрыл улицы и площади — пропасти и долины, разрезающие здания.

Площадь, окруженную голыми черными каштанами, пересекал физик. Под мышкой он держал темно-зеленую елку, а в руках тащил шуршащие пестрые свертки, перевязанные бечевками.

Физик радовался пушистому белому снегу и тишине.

В эту минуту мозг его отдыхал.

Сегодняшний день был очень утомительным. Неожиданный звонок государственного секретаря, прерванная лабораторная работа, наспех созванное совещание, строго секретная информация, недоверие в глазах генерала, тупость на его лице и высокомерие, которое, казалось, исходило даже от его сигары.

— Когда же вы наконец будете готовы? — в который раз спрашивал генерал.

Что можно ответить на такие вопросы? Он не техник, чтобы называть точные сроки, и не коммерсант, сколько бы ни пытались с ним торговаться. Когда все подготовим, тогда и будем готовы...

Особенно раздражал его государственный секретарь. Тонкие намеки на обязанности гражданина, неуклюжая лесть и изощренный шантаж, коварные фразы о том, что он-де перековался и стал материалистом, а это плохо принимают в определенных кругах...

«Я всегда шел прямым путем»,— подумал физик и невольно оглянулся на свои следы в снегу.

Тут-то он и увидел коробку.

«Потерял кто-то...» — мелькнуло у него в голове. И только потом он спохватился, что коробка лежала на самом верху большого сугроба и вокруг не было видно следов.

Физик вернулся и поднял прозрачную коробку.

Он улыбнулся.

«Мишура... — подумал он.— Как давно я ее не видел... Теперь такой не купишь... Хороша будет на елке...»

Он опустил коробку в боковой карман пальто.

Елку наряжали в холле. Дети были возбуждены, шумели в соседней комнате, ожидая, когда прозвенит звонок и они наконец смогут прорваться к елке и с восторженными криками наброситься на подарки.

Физик молча укреплял на елке свечи и бенгальские огни.

— У тебя плохое настроение,— сказала жена.— Что-нибудь случилось?..

— Ничего особенного. Я был у государственного секретаря.

— А-а,— проговорила жена,— понимаю... Не обращай внимания.

Муж посмотрел на нее. Такие знакомые глаза, губы, волосы *...

— Фу ты! — воскликнул он, хлопнув себя по лбу.— Чуть не забыл... Мишура!

Он выбежал из холла, порылся в карманах пальто.

* По-венгерски «мишура» дословно означает «волосы ангела». — *Прим. перев.*

— Посмотри, что я нашел в снегу,— сказал он жене.— Мишура... Повесим, да?

— Какая прелесть,— женщина перебирала шелестящие нити,— и до чего мягкие.

Дети, увидев наряженную елку, визжали от восторга. Каждый первым хотел зажечь бенгальский огонь.

— Пусть старший,— сказал физик и бросил спички старшему сыну, а сам подошел к двери и выключил свет.

Взглянув на елку, он остоленел.

Мишура светилась. Сначала появились только крохотные беспорядочные цветные точки, затем точки слились в линии, каждая нить переливалась диковинным светом, и теперь стали видны не только сами нити, но и еще какое-то голубоватое мерцающее сияние вокруг.

— Ой, как красиво! Как красиво! — кричали дети.

«Флюоресценция... — подумал физик. Мгновением позже у него мелькнуло сомнение.— Что это? Вторичное излучение в тончайших нитях? Но отчего?»

— Подожди! — крикнул он сыну, но было уже поздно. Пламя спички накалило палочку бенгальского огня, голубой свет прорезали красные искры... Затем внезапно что-то вспыхнуло.

В мгновение ока пламя охватило нити мишуры.

Пока физик подбежал к елке, чтобы сбить с нее пламя, необыкновенные нити почти все сгорели.

От мишуры осталось лишь несколько съежившихся на полу обрывков с обгорелыми концами. Все остальное бесследно исчезло.

Физик подобрал уцелевшие нити и стал задумчиво рассматривать их, затем свернул и положил в конверт.

В исследовательском институте вот уже несколько недель только и было разговоров, что о «проблеме мишу-

ры». Вся эта история была совершенно непонятной. Разгадать тайну коротких, в несколько сантиметров, светящихся нитей оказалось труднее, чем организовать производство кобальтовых бомб. Не удавалось установить их химический состав, не знали, что делать с их невероятной воспламеняемостью и невообразимой прочностью. Природа цветных светящихся точек, вспыхивающих в нити, и «флюоресценция» вещества ставили ученых в тупик. Где были сделаны эти нити, с какой целью, при помощи каких технических средств? И, наконец, как они попали на то место, где их нашел физик?

Возникали запутанные и противоречивые гипотезы, предположения одно фантастичнее другого, развивались самые крайние теории. Ученые ломали головы, не спали ночей, подсчитывали, выводили формулы, исписывали горы бумаги — безрезультатно...

Но все были окончательно поражены, когда один молодой коллега физика заявил, что он кое-что узнал о нитях. Этот молодой человек проследил за цветными точками, вспыхивающими в нити. В расположении точек, в комбинации цветов он увидел определенную закономерность. Он еще раз исследовал электрические и магнитные свойства нитей. И, предчувствуя, что из этого получится, заложил данные в счетную машину.

— На них находится текст... — заявил он комиссии ученых, занимающихся этой проблемой.

— Текст? — спросил председатель.

Молодой исследователь показал папку.

— Да, — сказал он чуть смущенно, — текст, вернее, информация.

— Что же это за текст, позвольте спросить? — откинулся в кресле председатель.

Молодой человек молчал.

— Ну? — спросил председатель.

Молодой человек раскрыл папку и вынул из нее единственный листок бумаги. Горло его сжала спазма, он оглядел членов комиссии. Физик, который уже познакомился с результатами работы молодого сотрудника, кивнул ему. Тот начал:

— Это может показаться невероятным, но я приведу доказательства... Текст этот следующий:

«Мир разумным существам планеты... Мы, Иэл и Аур, исследователи космического пространства, передаем вам все знания нашего мира... Будьте осторожны! Если эти знания использовать в целях уничтожения...»

Молодой человек положил листок.

— Вот и все... — сказал он тихо.

Члены комиссии молчали.

Космический корабль неся в абсолютной тьме межзвездного пространства. Два путешественника погрузились в долгий анабиотический сон. Приборы время от времени принимались щелкать, потом снова смолкали, лампочки зажигались и гасли, все антенны, распределители энергии, торчащие в стороны защитные экраны огромного корабля работали бесперебойно.

МЮРРЕЙ
ЛЕЙНСТЕР

ЭТИЧЕСКИЕ
УРАВНЕНИЯ

Очень, очень странно. Конечно, Этические уравнения устанавливают связь между поведением человека и теорией вероятности и математически доказывают, что при той или иной системе поведения возрастает вероятность совершенно определенных совпадений. Но никто никогда не ждал от них прямой практической пользы. Ведь и открытие закона случайности не покончило с азартными играми, хотя и пригодилось для страхования жизни. От Этических уравнений даже этого не ждали. Считалось, что это просто теория, которая едва ли способна на кого-то повлиять.

Прежде всего, уравнения эти очень сложны. Они учитывают, что система поведения, идеальная для одного человека, для другого оказывается далеко не лучшей. К примеру — и это вполне естественно — у политического деятеля понятия о чести совсем иные, чем у того, кто работает в космическом патруле. И все же, по крайней мере в одном случае...

Гость из далекого космоса был длиной полторы тысячи футов и около ста пятидесяти в поперечнике, а странно вздутая носовая часть, напоминавшая рыбью голову, еще шире — двести футов с изрядным лишком. Чуть позади этой вздутой части находились какие-то клапаны, совсем как жабры, а в целом, если посмотреть со сторо-

ны, — точь-в-точь безглазая чудовищная рыба плавает в черной пустыне за Юпитером. Но приплыла она из бездн, где уже не ощущалось притяжения Солнца, двигалась явно не по замкнутой орбите — для этого ее скорость была чересчур велика — и медленно, бесцельно, бестолково поворачивалась вокруг своей оси.

Маленький космореисер «Арнина» осторожно подбирался ближе.

Фредди Холмс, который от самого Марса был на положении отверженного, теперь позабыл обо всех своих горестях, о загубленной карьере и, стиснув руки, в волнении смотрел на эту диковину.

— На сигналы оно не отвечает, сэр, — доложил связист. — Мы вызывали его на всех частотах. Излучения не обнаружено. Есть очень слабое магнитное поле. Температура на поверхности — четыре градуса выше абсолютно го нуля.

Командир «Арнины» что-то буркнул себе под нос. Потом сказал:

— Подойдем к борту.

Потом он посмотрел на Фредди Холмса и процедил сквозь зубы:

— Впрочем, нет. Принимайте командование, мистер Холмс.

Фредди вздрогнул. От волнения у него даже на минуту вылетело из головы, в какой он попал переплет. Однако нескрываемая враждебность во взгляде капитана и всех, кто был в рубке, сразу ему об этом напомнила.

— Теперь командуе вы, мистер Холмс, — с горечью повторил капитан. — Так мне приказано. Вы первый обнаружили эту штуку, и ваш дядюшка просил в штабе, чтобы вам предоставили право руководить исследованиями. Власть в ваших руках. Приказывайте!

В голосе капитана звучало такое бешенство, что ед-

кая неприязнь, с которой он относился к Холмсу во время полета, казалась теперь сущим пустяком. В самом деле, ему, капитан-лейтенанту, велено стать под начало младшего по чину! Уже и это не сладко. А главное, впервые человечество встречается с иным разумом, пришельцем из другой солнечной системы — и заправлять встречей поручено какому-то лейтенантишке только потому, что у него есть рука в правительстве!

Фредди сглотнул комок, застрявший в горле.

— Я... я... — Он снова глотнул и сказал жалобно: — Сэр, я уже пытался объяснить... Теперешнее положение вещей мне так же неприятно, как и вам. Я хотел бы... Разрешите я опять передам вам командование, сэр, а сам буду подчиняться...

— Нет уж! — мстительно оборвал капитан. — Командуйте сами, мистер Холмс. Ваш дядюшка нажал наверху на все кнопки, чтобы это устроить. Мне велено выполнять ваши распоряжения, а нянчиться с вами, ежели для этой работы у вас кишка тонка, я не обязан. Взялись, так справляйтесь! Какие будут приказания?

Фредди стиснул зубы.

— Что ж, хорошо, сэр. Это явно корабль, и, судя по всему, покинутый. Будь на нем команда, он не вошел бы в нашу солнечную систему с выключенным двигателем и не мотался бы так бестолково. Держитесь на том же расстоянии. Я возьму бот, одного добровольца — подыщите мне кого-нибудь — и осмотрю этот корабль.

Холмс повернулся и вышел. Две минуты спустя, когда он втискивался в скафандр, в отсек ввалился веселый, оживленный лейтенант Бриджес.

— Мне разрешили отправиться с вами, мистер Холмс, — бойко доложил он и тоже стал влезать в скафандр. Подтянул его к плечам и, расплываясь в блаженной улыбке, прибавил: — Ну и здорово же!

Фредди не ответил. Через три минуты от крейсера отвалил космический бот. Это было крохотное открытое суденышко, не спасательное, а рабочее, предназначенное для быстрой переброски людей и материалов. Люди переправлялись в скафандрах, с инструментами или с оружием и, сберегая запасы кислорода в скафандрах, пользовались энергией и кислородом бота. Но до чего странно было сидеть сейчас в этой утлой скорлупе, похожей на паука, и смотреть, как приближается гладкий, слепой корпус неведомого исполина. И когда бот пристал к огромной металлической стене, это показалось невероятным: словно, перебравшись через чудовищный ров, наполненный не водой, а звездами, они приблизились к заколдованному замку.

Однако он был вполне реален. Ролики бота мягко коснулись металла.

— Притягивает! — пробормотал Бриджес, очень довольный. — Можно стать на магнитный якорь. Дальше что делать?

— Поищем входной люк, — ответил Фредди. И добавил: — Эти отверстия, похожие на жабры, скорее всего джозы. Они у него в головном конце, а не в хвосте. Автопилота у этих пришельцев, видимо, нет.

Бот пополз по металлической шкуре великана чужака, точно муха по выброшенному на берег киту. Медленно взобрался вверх по округлому корпусу, перевалил на другой бок и начал спускаться. Вскоре они обошли корабль кругом и опять увидели поодаль свой крейсер.

— Никаких люков, сэр! — превесело объявил Бриджес. — Может, прорежем дырку и залезем внутрь?

— Гм-м, — задумчиво промычал Фредди. — У наших кораблей двигатель в хвосте, а рубка впереди. Значит, груз поступает в среднюю часть, и тут мы с вами искали люк. Но у этих двигатель расположен в головной части.

Тогда рубка, наверно, в середине. А если так, загружаются они, пожалуй, с кормы. Ну-ка поглядим.

Бот пополз к корме чудовища.

— Вот он! — сказал Фредди.

Ни у одного корабля в солнечной системе не было таких люков. Дверца мягко скользнула вбок. Была и вторая, внутренняя дверь, но и она открылась так же легко. Не засвистел, вырываясь наружу, воздух, и вообще непонятно было, должен ли этот тамбур играть роль воздушного шлюза.

— Воздуха не осталось, — сказал Фредди. — Ясное дело, корабль покинут. Захватите-ка бластер, но главное, нам понадобится свет.

Магнитные якоря бота намертво прилипли к чужаку. Два лейтенанта вступили внутрь корабля, стук магнитных подошв гулко отдавался в шлемах. До сих пор с крейсера могли за ними следить. Теперь они скрылись из виду.

Огромная загадочная машина, необыкновенно похожая на слепую рыбину, все так же плавала в пустоте. Она бесцельно покачивалась вокруг какой-то внутренней оси. Свет далекого Солнца, хоть и очень слабый здесь, за Юпитером, отражаясь от металлической поверхности, слепил глаза. Казалось, чужак недвижно повис в пространстве, окруженный со всех сторон бесконечно далекими немигающими звездами. Крейсер космического патруля, точеный, опрятный, держался наготове за полторы мили от пришельца. Слово бы ничего необычайного не происходило.

Когда Фредди возвратился в капитанскую рубку, лицо его было немного бледно. На лбу еще виднелся красный след от шлема, и Фредди рассеянно потирал это мес-

то пальцами. Капитан посмотрел на Холмса сердито и с завистью. В конце концов, всякий позавидует человеку, который побывал на чужом космическом корабле. Вслед за Холмсом вошел лейтенант Бриджес. Минуту все молчали. Потом Бриджес бойко отпраповал:

— Разрешите доложить, сэр, — из добровольной вылазки прибыл, возвращаюсь на свой пост.

Капитан угрюмо поднес руку к фуражке. Бриджес четко повернулся на каблуках и вышел. Капитан поглядел на Фредди с бессильной яростью, какую может испытывать только старший по чину, когда ему велено доказать, что его подчиненный — болван, а на поверку в дураках остался он сам вместе с теми, кто отдал ему этот приказ. Поневоле взбесишься! Фредди Холмс, желторотый юнец, офицер без году неделя, едва попав на Луну, на станцию наблюдения за астероидами и метеоритными потоками, заметил небольшое неизвестное тело, приближающееся из-за Нептуна. Для постоянного обитателя нашей солнечной системы скорость тела была слишком велика, и Холмс сообщил, что это пришелец извне, и предложил немедленно его исследовать. Но младшим офицерам не положено совершать открытия. Это нарушает традицию, а в космическом патруле традиция — это своего рода Этическое уравнение. И Холмсу порядком влетело за самонадеянность. Но он дал сдачи, объяснив, что Этические уравнения, безусловно, относятся и к научным исследованиям. Первый же предмет, попавший в нашу солнечную систему извне, должен быть исследован. Правило ясное и недвусмысленное. И Фредди повел себя так, как отнюдь не подобает младшему чину в космическом патруле: он не стал держать язык за зубами.

Отсюда все и пошло. У Фредди имелся дядюшка, который занимал какой-то там государственный пост. Дядюшка предстал перед Управлением космической пат-

рульной службы и учтиво намекнул, что племянник сделал важное открытие. Далее, он доказал как дважды два, что отмахиваться от значительного открытия только потому, что сделал его младший офицер, попросту смехотворно. И управление, разъяренное посторонним вмешательством, распорядилось: доставить Фредди Холмса к обнаруженному им предмету, по прибытии на место полностью передать названному Холмсу командование крейсером и произвести предложенные им исследования. По всем законам вероятности нахал вынужден будет доложить, что глыба вещества, залетевшая откуда-то извне, ничуть не отличается от глыб, которые летают в пределах нашей солнечной системы. И уж тогда управление отыграется! Будут знать дядюшка с племянником, как совать свой нос куда не просят!

А между тем оказалось, что глыба вещества не простая глыба, а похожий на огромную рыбу космический корабль, создание иной цивилизации. Оказалось, сделано важное открытие. И все складывалось так, что человеку, проникнутому традициями патрульной службы, впору скрипеть зубами от злости.

— Это космический корабль, сэр, — ровным голосом сказал Фредди. — Двигатели у него атомные, реактивные, расположены где-то в носовой части. Управление, видимо, только ручное. И, видимо, в машинном отделении был взрыв и большая часть горючего потеряна — оно улетучилось через дюзы. После этого корабль оказался беспомощным, хотя машины кое-как залатаны. Сейчас он по инерции падает к Солнцу, и можно рассчитать, что в теперешнем состоянии он находится уже примерно две тысячи лет.

— В таком случае, насколько я понимаю, никто на борту не остался в живых, — язвительно заметил капитан.

— Это как раз одна из сложностей, которые тут воз-

никают, сэр, — ровным голосом произнес Фредди; он все еще был очень бледен. — В помещениях корабля воздуха нет, но резервуары полны. В отсеках, где, видимо, хранится продовольствие, осталось еще много всего. Команда не умерла с голоду и не задохнулась. Просто корабль потерял почти весь запас горючего. Тогда, видимо, команда подготовила его к тому, чтобы он мог сколько угодно времени дрейфовать в пространстве и... (Фредди запнулся)... и похоже, что все они погрузились в анабиоз. Они на борту, в таких прозрачных ящиках... и к ящикам подсоединены какие-то механизмы. Может быть, они надеялись, что их рано или поздно подберут свои же корабли.

Капитан озадаченно поморгал.

— Анабиоз? Они живые? — И вдруг резко спросил: — А что это за корабль? Грузовой?

— Нет, сэр, — ответил Фредди. — Тут еще одна сложность. Мы с Бриджесом сошлись на том, что это военный корабль, сэр. Там установлены в ряд генераторы, и они питают какие-то штуки... безусловно, это оружие, ни на что другое не похоже. Судя по всему, оно работает по принципу притяжения и отталкивания... и там есть электронные лампы, но они, очевидно, действуют при холодных катодах. Судя по кабелям, которые к ним подсоединены, там сила тока достигает тысяч ампер. Так что сами понимаете, сэр.

Капитан шагал по рубке — два шага туда, два обратно. Огромное, потрясающее открытие! Но ему дана совершенно ясная инструкция.

— Командуйте вы, — сказал он упрямо. — Что будете делать?

— Буду работать, пока не свалюсь, — уныло ответил Холмс. — И, наверно, еще несколько человек загоняю. Хочу облазить эту махину вдоль и поперек с измерительными приборами и телекамерами, все осмотреть, заснять

и передать вам сюда. Мне нужны операторы, а наши специалисты на борту пускай дают им указания, каждый по своей части. Я на этом корабле ни к чему не притронусь, пока у меня каждая заклепка и каждая проволочка не будет снята на пленку.

— Что ж, это не так глупо, — проворчал капитан. — Хорошо, мистер Холмс, будет сделано.

— Спасибо, — сказал Фредди, двинулся было к выходу и остановился. — Надо поосторожнее отобрать, кого посылать с приборами, — прибавил он. — Впечатлительные люди не годятся. Те, на корабле... с виду они даже чересчур живые, и на них не слишком приятно смотреть. И потом... э-э... пластиковые ящики, в которых они лежат, открываются изнутри. Это еще одна сложность, сэр.

Он вышел. Капитан заложил руки за спину и свирепо зашагал из угла в угол. Первый предмет, который залетел к нам из звездных пространств, оказался космическим кораблем. Вооружение у него такое, что и представить трудно. Надо его исследовать, а ты, заслуженный капитан-лейтенант, изволь подчиняться мальчишке только-только из академии. А все политика! Капитан «Арнины» скрипнул зубами...

И вдруг до него дошло то, что сказал напоследок Фредди. Пластиковые ящики, где в анабиозе лежит команда чужого корабля, открываются изнутри. Изнутри!

Да ведь это чревато... на лбу у капитана проступил холодный пот. Оружие, действующее по принципу притяжения и отталкивания, и кое-какое горючее сохранилось, и анабиозные камеры открываются изнутри...

Теперь корабли соединялись гибким тросом, и их вместе несло к Солнцу. Рядом с огромным чужаком крейсер казался мошкой.

До Солнца было очень далеко — разумеется, оно светило ярче любой звезды и излучало беспощадную радиацию, но нисколько не грело. Со всех сторон виднелись невообразимо далекие искорки света — звезды. В поле зрения только одно небесное тело обладало сколько-нибудь заметными размерами. Это был Юпитер, его узкий серп, словно только что народившийся месяц, светился на двадцать миллионов миль ближе к Солнцу и на восемьдесят миллионов миль в стороне. Все остальное было — пустота.

Крохотный космобот, словно паучишка, скользил по тросу между двумя кораблями. Причалил к крейсеру, вышли люди в скафандрах, тяжело затопали башмаками на магнитной подошве к люку. Нырнули внутрь.

Фредди вошел в рубку. Капитан сказал хрипло:

— Мистер Холмс, разрешите обратиться с просьбой. По приказу управления вы командуете «Арниной», пока не кончите изучать тот корабль.

— Да, сэр. А в чем дело? — рассеянно отозвался Фредди.

Он осунулся, лицо у него было измученное.

— Я хотел бы отослать подробный доклад обо всем, что вы уже обнаружили, — настойчиво сказал капитан. — Поскольку здесь командуете вы, я не могу это сделать без вашего разрешения.

— Я предпочитаю, чтобы вы этого не делали, сэр, — сказал Фредди и, несмотря на усталость, упрямо выпятил подбородок. — Если говорить начистоту, сэр, я думаю, в этом случае они отменили бы теперешний приказ и распорядились совсем иначе.

Капитан прикусил губу. Он именно этого и хотел. Телекамеры уже передали полное и точное изображение чуть ли не всего, что только можно было увидеть на чужом корабле. И все это есть на пленке. Капитан уже ви-

дел и самих пришельцев — ну и чудища! И пластиковые саркофаги, в которых они проспали добрых две тысячи лет, действительно открываются изнутри. Вот что худо. Они открываются изнутри!

Все специалисты по электронике, сколько их было на «Арнине», бродили в каком-то восторженном обалдении, что-то чертили, рассчитывали, показывали друг другу и почтительно пялили глаза на то, что у них получалось. Артиллерист корпел над схемами и чертежами оружия, о каком прежде не мог и мечтать, и, просыпаясь по ночам, торопливо шарил — здесь ли они, не привиделись ли во сне. Но главный механик в отчаянии ломал руки. Он жаждал разобрать двигатели чужого корабля по винтику. Ведь они несравнимо меньше двигателя «Арнины», а их хватало для великана, масса которого в восемьдесят четыре раза больше! Но как они действуют?!

Техника, чьим детищем был чужой корабль, опередила земную на десять тысяч лет. Ее секреты стремительно перекачивались на крейсер землян. Но саркофаги, где покоилась в анабиозе команда пришельца, открывались изнутри...

— А все-таки, мистер Холмс, я вынужден просить разрешения отослать рапорт, — взволнованно повторил капитан.

— Но сейчас командую я, — устало сказал Фредди. — И я намерен командовать и дальше. Я подпишу приказ, который запретит вам отсылать рапорт, сэр. Если вы его нарушите, это будет бунт.

Капитан побагровел.

— Да вы понимаете, что это значит?! — в бешенстве крикнул он. — Раз экипаж этой посудины лежит в анабиозе, а эти их ящики или гробы открываются изнутри... это же значит, что они намерены открыть их сами, — понятно вам?!

— Да, сэр, конечно, — устало сказал Фредди. — А почему бы и нет?

— А вы понимаете, что провода от этих гробов ведут к термобатарейам во внешней обшивке корабля? Чудища знали, что без энергии им не выжить, и знали, что получают энергию в любой солнечной системе. Вот они и рассчитали так, чтоб подойти поближе к нашему Солнцу при минимальном расходе энергии, оставили запас только для посадки, а сами погрузились в анабиоз, а когда придет время браться за работу, термобатареи их разбудят!

— Правильно, сэр, — все так же устало подтвердил Фредди. — По крайней мере мужества у них хватало. А как бы теперь поступили вы?

— Доложил бы в Главный штаб! — яростно крикнул капитан. — Доложил бы, что это — военное судно, которое способно разнести в пыль весь наш патрульный флот и взорвать наши планеты! Сообщил бы, что экипаж — чудовища, что сейчас они, к счастью, беспомощны, но у них хватит горючего, чтобы сманеврировать и приземлиться. И просил бы разрешения выкинуть их вместе с гробами с корабля и уничтожить! А потом я бы...

— Я сделал проще, — сказал Фредди. — Отключил термобатареи. Сейчас эти существа ожить не могут. А теперь, уж простите, я пойду несколько часов посплю...

Он ушел к себе в каюту и повалился на койку.

Люди с измерительными приборами и телепередатчиками продолжали осматривать каждый квадратный дюйм безжизненного чудовища. Они работали в скафандрах. Чтобы наполнить воздухом нутро гиганта, «Арнине» пришлось бы истратить весь свой запас. Человек в скафандре держал телекамеру перед какой-то гибкой, причудли-

во свернутой лентой, исчерченной непонятными знаками. В его шлемофоне звучали советы и распоряжения из фотолaborатории «Арнины». Кое-что снималось еще и на фотопленку. Работали телепередатчики в кладовых, в жилых отсеках, возле оружейных установок. До сих пор на чужом корабле ничего и пальцем не тронули. Таков был приказ Фредди Холмса. Из каждого предмета извлекали всю возможную информацию, но ни одной мелочи не взяли с собой. Даже химические анализы производились дистанционными методами.

А на Фредди по-прежнему смотрели косо. Главный механик честил его на все корки. Ведь вот двигатели чужака... После взрыва пришельцы их починили, и уж до того соблазнительно было бы в них покопаться... Но как они работают, понять было невозможно. У главного механика просто руки чесались. Специалист по физической химии тоже предпочел бы сделать кое-какие анализы собственными руками, а не при помощи телекамеры и спектрографа. И все и каждый, от мальчишки-стажера до капитана, жаждали завладеть какой-нибудь вещичкой, сработанной чужими, ничуть не похожими на людей существами, которые на десять тысяч лет опередили человечество. Вот на Фредди и смотрели косо.

Но не только это мучило его. Он чувствовал, что поступает не по правилам. Этические уравнения доказывают как дважды два, что вероятность и этика нераздельны — и если, приступая к любому делу, нарушить законы порядочности и чести, бессмысленно ждать, чтобы оно принесло плоды, достойные восхищения. Фредди начал с того, что нарушил дисциплину (а она ведь тоже своего рода этика), а потом еще дядюшка припугал к патрульной службе политику. И это уже прямое преступление. А значит, согласно уравнениям, вероятность самых пагубных совпадений будет безмерно возрастать, пока но-

вые, этически безупречные действия не устранят зло, вызванное первоначальными беззакониями. Но как же все-таки сейчас надо действовать? Непонятно, хоть убей! Ясно одно — нельзя терять ни минуты. И, несмотря на усталость, Фредди спал плохо: откуда-то из глубины сознания пронзительный, тревожный голос предвещал несчастье.

Он проснулся разбитый и тупо уставился в потолок. Тщетно он пытался найти какое-то разумное решение, и тут к нему постучали. Это был Бриджес с кипой бумаг.

— Ну вот! — весело заявил он, едва Фредди открыл дверь. — Все мы просто счастливики!

Фредди взял у него бумаги.

— Что случилось? Капитан все-таки испросил новый приказ, и меня отправляют на губу?

Бриджес расплылся до ушей в улыбке и ткнул пальцем в бумажные листы. Это был отчет специалиста по физической химии, в обязанности которого входил точный анализ состава малых небесных тел.

«ЭЛЕМЕНТЫ, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА ВНЕЗЕМНОМ КОРАБЛЕ» — гласил заголовок. Фредди стал просматривать бумагу. Никаких тяжелых элементов, остальное все знакомо. Он вспомнил, что в одном из баков чужака хранился чистый азот и главный механик в молчаливом бешенстве ломал себе голову: как пришельцы умудрялись получать из азота атомную энергию? Фредди посмотрел в конец списка. Самым тяжелым элементом на корабле оказалось железо.

— В чем же тут счастье? — спросил он.

Бриджес опять ткнул пальцем. Привычные символы сопровождались непривычными коэффициентами атомного веса H^3 , Li^5 , Be^8 ... Холмс недоуменно заморгал. Посмотрел еще N^{15} , F^{18} , S^{34} , 35 ... тут он вытаращил глаза. Бриджес ухмыльнулся.

— Прикиньте-ка, сколько стоит этот кораблик! — сказал он весело. — «Арнина» гудит, как улей. Призовые деньги нам, патрульным, не полагаются, зато можно получить пять процентов за спасение имущества. Третий на Земле известен, но в чистом виде его никогда еще не получали. А литий пять, бериллий восемь, азот пятнадцать, кислород семнадцать, фтор восемнадцать, сера тридцать четыре и тридцать пять — да такого на Земле просто не существует! Весь этот корабль состоит из немислимых изотопов, в нашей солнечной системе их просто нет! А за чистые изотопы знаете сколько платят? Весь корпус — это чистое железо пятьдесят пять! А у нас чистое железо пятьдесят четыре идет по тридцать пять центов грамм! После этого потерянные сокровища Марса — безделица! Если одну обшивку пустить только на технические нужды, и то ей цена — весь доход земного правительства за десять лет! Теперь мы на «Арнине» богачи, всем до самой смерти хватит. А вы теперь у нас — первый человек!

Фредди даже не улыбнулся. Заговорил медленно:

— Азот пятнадцать... Он был в том самом баке для горючего, который у них еще оставался. Он поступает в очень странную, совсем маленькую алюминиевую камеру — мы никак не могли понять, что это такое, — а оттуда в дюзы двигателя. Понимаю...

Он был бледен как полотно. А Бриджес ликовал:

— Сто тысяч тонн материалов, какие на Земле просто не существуют! Настоящие изотопы, в огромном количестве! И никаких примесей! Дружище, мне-то вы сразу пришлось по душе, но все наши вас терпеть не могли. А теперь — идите и наслаждайтесь, все вас обожают!

Фредди не слушал.

— А я все гадал, для чего та алюминиевая камера, — бормотал он. — С виду она совсем немудреная, не поймешь, при чем тут...

— Пойдем к нашим, выпьем! — весело тормозил его Бриджес. — Грейтесь в лучах славы! Заводите друзей, покоряйте умы и сердца!

— Нет уж, — Фредди невесело улыбнулся. — Потом меня все равно повесят. Гм-м. Попробую потолковать с главным механиком. Нам нужно добиться, чтобы эта машина двигалась своим ходом. Она слишком велика, чтоб тащить ее на буксире.

— Так ведь в ее двигателях никто не может разобраться! — запротестовал Бриджес. — Похоже, что азот тоненькой струйкой поступает в эту дурацкую камеру, там с ним что-то происходит и он через алюминиевые щитки течет в дюзы — только и всего! Уж очень это просто! Ну как вы заставите такую штуку работать?

— Кажется, это и правда проще простого, — сказал Фредди. — Корабль построен из таких изотопов, каких на Земле нет. Впрочем, тут есть еще алюминий и углерод. Это простые вещества. Они на корабле точно такие же, как у нас. Но почти все остальное...

В лице у Фредди не было ни кровинки. Казалось, его грызет нестерпимая боль.

— Мне нужны два бака, их надо сделать из алюминия и заполнить азотом. Сойдет и обыкновенный воздух... И нужен автопилот. Его тоже надо сделать из алюминия, а прокладки из графита...

Он поглядел на Бриджеса и хмуро усмехнулся.

— Вы когда-нибудь слыхали про Этические уравнения, Бриджес? Кто бы подумал, что они помогут решить задачу космического пилотажа, правда? А вот, представьте, помогли. Теперь мне нужен главный механик, пускай все это соорудит... Я рад, что успел с вами познакомиться, Бриджес...

Бриджес вышел, а Фредди Холмс провел языком по пересохшим губам и сел чертить эскизы для механика.

На корабле-чудовище машинный отсек не был отделен от капитанской рубки. Огромное шарообразное помещение заполняли приборы диких для земного глаза очертаний. Впрочем, Холмсу и Бриджесу они больше не казались такими уж дикими. Оба проторчали среди этой аппаратуры восемь дней, поняли, как она действует, и почти освоились с ней. А все же им стало жутковато, когда они пристегнулись перед пультом управления, освещенным только их походными фонариками, и в последний раз окинули взглядом алюминиевые запасные части, сработанные бог весть на какой планете, под иным солнцем.

— Если получится, нам крупно повезло,— сказал Фредди и судорожно глотнул.— Вот так включается двигатель. Ну, Бриджес, ни пуха ни пера!

Воздуха внутри чужака по-прежнему не было. Фредди чуть-чуть, на волос передвинул причудливой формы рычажок. По огромному корпусу корабля прошла едва уловимая дрожь, словно он готов был рвануться вперед. Через подошвы скафандров людям передалось от металлического каркаса чуть заметное колебание. Фредди облизнул пересохшие губы и тронул другой рычажок.

— Это, должно быть, освещение.

Он не ошибся. На экранах необычной формы проступили непонятные рисунки и образы. По кораблю разлилось сияние. Прежде, в резком белом свете ручных фонариков, людям все здесь было безмерно чуждо, почти отвратительно. А сейчас все преобразилось, словно они попали в какой-то сказочный, волшебный дворец. Все вокруг лучилось всеми цветами радуги, в этом мягком сиянии круглые двери и коридоры, похожие на трубы, выглядели хоть и странно, но приятно. Фредди покачал головой, словно хотел, не снимая шлема, смахнуть выступившие на лбу капли пота.

— Дальше, наверно, обогрев,— проговорил он еще мрачнее прежнего. — Это мы не тронем. Ни к чему! А вот двигатель попробуем.

Корабль дрогнул. И плавно устремился вперед, легко и незаметно набирая скорость; в его движении ощущалась огромная, неодолимая сила. «Арнина» за кормой быстро уменьшалась. Фредди, плотно сжав губы, касался то одного рычажка, то другого, и страшный исполин повиновался ему легко и охотно, как ручной, на диво выш-коленный зверь.

— Вот это здорово!— дрожащим голосом вымолвил Бриджес.— Куда нам с нашими патрульными посудинками!

— Да,— коротко сказал Фредди. Голос у него был несчастный.— Куда нам! Отличный корабль! Я на него поставлю автопилот. Он должен работать. Эти существа почему-то не пользовались автоматическим управлением. Уж не знаю почему, но не пользовались.

Он выключил все, кроме света. Наклонился и подхватил маленький алюминиевый аппаратик, которому предстояло регулировать подачу азота в правую и левую дюзы.

Потом он вернулся к пульту управления и опять включил двигатель. И автопилот заработал. Вполне естественно. Уж если механик космической патрульной службы что смастерил, так на совесть. Фредди тщательно опробовал автопилот. Задал ему некую точно рассчитанную программу. Повернул три переключателя. Потом взял в руку заранее приготовленный пакетик.

— Идем,— сказал он устало.— Мы свое дело сделали. Вернемся на «Арнину», а там меня, наверно, повесят.

Бриджес, явно сбитый с толку, пошел за ним. Они влезли в космобот, и металлический паучок побежал прочь от огромного чужого корабля, который висел те-

перь в пустоте в трех милях от «Арнины», покинутый всеми, кроме своей команды — кроме чудищ в анабиозе. Крейсер встрепнулся и пошел навстречу боту. И тут Фредди сказал сурово:

— Помните Этические уравнения, Бриджес? Я уже говорил, они помогли мне разобраться в двигателе того корабля. Если они верны, тут ничего другого быть не могло. А сейчас я выясню еще кое-что.

Неуклюжими пальцами (проделывать все это в перчатках скафандра было несподручно) он извлек что-то из своего пакета, словно пилюлю из коробочки. Полез в какой-то ящик на борту бота, вытащил оттуда... небольшой снаряд (Бриджес едва верил своим глазам) и вложил в него «пилюлю». Потом загнал снаряд в дуло мортирки (бот по старой привычке оснащали оружием) и дернул шнур. Вспыхнул запал. Облачко газов прихлынуло к скафандрам и тотчас рассеялось. В пустоту понеслась жаркая рдеющая искорка. Проходили секунды. Три... Четыре... Пять...

— Видно, я болван, — сказал Фредди.

Бриджес никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь говорил таким загробным голосом.

И вдруг стало светло. Да как! Во тьме, где, все уменьшаясь, уносилась к невообразимо далеким звездам красная трассирующая искорка, внезапно вспыхнуло слепящее голубовато-белое зарево, каких не видывали даже на испытательных полигонах космического патруля. Если не считать полуфунтового трассирующего заряда, здесь неоткуда было взяться веществу, которое могло бы взорваться. И однако даже сквозь стекло шлема Бриджесу опалило лицо жестоким жаром. И все кончилось.

— Что это? — спросил он, потрясенный.

— Этические уравнения, — сказал Фредди. — Видно, я все-таки не совсем болван...

«Арнина» подошла вплотную к боту. Фредди не перешел на крейсер. Он закрепил маленькое суденышко в гнезде и включил внутренний передатчик шлемофона. Он начал что-то говорить, но Бриджес теперь не мог его слышать. Минуты через три открылся широкий люк и появились четверо в скафандрах. На одном был гребенчатый шлем с четырехканальным передатчиком — такой шлем надевает лишь командир, покидая крейсер во главе разведывательного отряда. Четверо вышли из люка «Арнины» и втиснулись в крохотный бот. И снова по радио в наушниках угрюмо, холодно зазвучал голос Фредди:

— У меня есть еще несколько снарядов, сэр. Это трасирующие снаряды, они пролежали в боте восемь дней, — все время, пока мы работали. Они не такие холодные, как тот корабль, потому что он остывал две тысячи лет, но все-таки холодные. По моим расчетам, градусов восемь или десять выше абсолютного нуля, не больше. А это — образчики вещества с того корабля. Вы можете их потрогать. Наши скафандры практически не проводят тепла. Если вы возьмете эти осколки в руку, они не согреются.

Бриджес видел, как капитан оглядел кусочки металла на ладони Холмса. Это были образчики железа и других материалов с чужого корабля. При холодном свете ручного фонарика капитан сунул один образчик в головку снаряда. Своими руками зарядил мортирку и выстрелил. Снова, стремительно уменьшаясь, умчалась в пустоту рдеющая искорка. И снова — чудовищный атомный взрыв.

И голос капитана в наушниках:

— Сколько еще образцов вы там взяли?

— Еще три, сэр, — теперь Фредди говорил твердо, уверенно. — Видите ли, сэр, дело вот в чем. На Земле таких изотопов нет. А нет их потому, что, соприкасаясь с другими изотопами при нормальных температурах, они

теряют устойчивость. Они взрываются. Здесь мы вложили их в снаряд и ничего не произошло, потому что оба изотопа охлаждены почти до температуры жидкого гелия. Но в трассирующем снаряде есть светящаяся смесь, во время полета она сгорает. Снаряд разогревается. И когда любой из тех изотопов, в контакте с нашим, согреется до... скажем, до температуры жидкого водорода... они попросту взаимно уничтожаются. Весь корабль состоит из таких же материалов. Его масса — примерно сто тысяч тонн. Если не считать алюминия и еще двух-трех имеющих изотопы элементов, которые у нас и у них одинаковы, весь этот корабль до последнего винтика, оказавшись в контакте с материей из нашей солнечной системы при температуре десять или двенадцать градусов выше абсолютного нуля, просто-напросто взорвется.

— Попробуйте взорвать остальные образцы, — отрывисто приказал капитан. — Надо знать наверняка...

В пустоте вспухли три гигантских газовых облака. Потом тьму разорвали три слепящие вспышки невиданно яркого голубовато-белого пламени. Молчание. А потом...

— Эту штуку надо уничтожить, — тяжело сказал капитан. — Ее негде поставить на прикол, да и команда может в любую минуту проснуться. У нас нет оружия, чтобы их одолеть, а если они вздумают посадить свою посудину на Землю...

Исполинская рыба, празднично висевшая в пустоте, вдруг шевельнулась. Из отверстий в головной части, похожих на жаберные щели, брызнули струйки пламени. Потом с одной стороны струя стала сильнее. Чудовище круто повернулось, выровнялось и устремилось вперед — быстрее, быстрее, и при этом необычайно плавно. Скорость нарастала молниеносно, такое недоступно было ни одному кораблю землян. Великан обратился в крохотную далекую точку. И растаял в пустоте.

Но он летел не в глубь нашей системы, не к Солнцу. И не к полумесяцу Юпитера, ясно видимому в стороне (до него теперь оставалось каких-нибудь семьдесят миллионов миль). Он улета́л к звездам.

— Еще несколько минут назад я был не совсем уверен,— нетвердым голосом произнес Фредди Холмс.— Но Этические уравнения заставляли с большой степенью вероятности ждать чего-то в этом роде. Я не мог проверить, пока мы не извлекли из этого корабля все, что только можно узнать, и пока я там все не наладил. Но меня с самого начала это грызло. Из Этических уравнений совершенно ясно: за всякий ложный шаг мы неизбежно заплатимся... мы — это значит вся Земля, потому что появление пришельцев из космоса неминуемо отразится на всем человечестве.— Голос его дрогнул.— Было очень трудно рассчитать, как тут нужно действовать. Только... ведь если бы в такой переплет попал какой-нибудь наш корабль, мы бы надеялись на... на дружелюбие. Надеялись бы, что нам дадут горючего и помогут отправиться домой. Но этот корабль — военный и в бою нам бы его нипочем не одолеть. И отнестись к нему дружески тоже нелегко. А все-таки, по Этическим уравнениям, если мы хотим, чтобы первый контакт с чужим разумом пошел нам на пользу, следовало снабдить их горючим и отправить домой.

— То есть... — не веря своим ушам, начал капитан.— Значит, вы...

— Их двигатели работают на азоте,— сказал Фредди.— Азот пятнадцать поступает в небольшой аппаратик, мы теперь знаем, как его сделать. Он очень прост, но это своего рода атомный реактор. Он разлагает азот пятнадцать на азот четырнадцать и водород. Я думаю, мы сумеем это использовать. Азот четырнадцать есть и у нас. Держать его можно в алюминиевых баках и направлять

по алюминиевым трубкам, ведь алюминий-то один и устойчив при всех условиях. Но когда азот сталкивается в дюзах с теми, не нашими изотопами, он распадается...

Фредди перевел дух.

— Я поставил им два алюминиевых бака с азотом, а их атомный реактор замкнул накоротко. Азот четырнадцать пошел прямо в дюзы — и корабль получил ход! И потом... я высчитал, по какой орбите они к нам прилетели, и задал автопилоту обратный курс к их солнечной системе — они пролетят столько времени, на сколько хватит азота из первого бака. Из сферы притяжения нашего Солнца они, уж во всяком случае, вырвутся. И я заново подсоединил термобатареи к саркофагам. Они проснутся, обнаружат автопилот и поймут, что кто-то им его поставил. Те два бака с горючим в точности такие же, как их собственные, и они сообразят, что это запас горючего для посадки. Может быть... может быть, они вернутся к себе домой еще через тысячу лет, но все равно и тогда они будут знать, что мы вели себя по-дружески и... и не испугались их. А мы пока узнали все про их технику, мы ее изучим и освоим и пустим в ход...

Фредди умолк. «Арнину» с выключенным двигателем медленно сносило к Солнцу, она уже миновала орбиту Юпитера, маленький космобот прочно прилип к корпусу крейсера.

— Командиру патруля извиняться перед подчиненным — это уж из ряда вон, — хмуро сказал капитан. — Но я прошу прощения, что считал вас дураком, мистер Холмс. А как подумаю, что и я сам, да и всякий опытный командир наверняка только о том бы и заботился, чтоб поскорее оттащить эту находку на базу для изучения... как подумаю, что в этой штуке сто тысяч тонн... и каково было бы Земле после такого атомного взрыва... Еще раз прошу меня простить!

— Если уж кто должен просить прощения, сэр, так это я,— смущенно проговорил Фредди.— На «Арнине» все уже считали себя богачами, а я оставил их ни с чем. Но, видите ли, сэр, Этические уравнения...

Заявление Фредди об отставке, отосланное вместе с его докладом о подробном обследовании чужого корабля, вернулось с пометкой «отказать». Лейтенанту Холмсу велено было явиться на скромную патрульную посудинку из тех, что несут самую тяжелую службу: на таких суденышках новичок не знает ни отдыха, ни срока, в поте лица овладевает всеми премудростями своего дела и поминутно получает взбучку. И Фредди ликовал, потому что больше всего на свете он хотел работать в Космическом патруле. Дядюшка тоже был удовлетворен: его вполне устраивало, что доволен племянник, да притом кое-кто из космических адмиралов свирепо заявил ему, что Фредди очень пригодится в патруле и своим чередом добудет почет и уважение, чины и награды и совсем незачем для этого всяким политикам совать нос куда не просят. А Управление космической патрульной службы ликовало, потому что в руках у него оказалось множество технических новинок и теперь патруль сможет не только следить за межпланетными перелетами, но, когда надо, охранять их от всяких случайностей.

И все это полностью удовлетворяло Этическим уравнениям.

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ

РАССКАЗ
ПИРКСА

Фантастические романы? Да, я их люблю, но только плохие. Вернее, не то что плохие, а выдуманные. На ракете у меня всегда есть под рукой книжки в этом духе, чтобы на досуге прочесть пару страниц, хоть даже из середины, а потом отложить. Хорошие — совсем другое дело; я их читаю только на Земле.

Почему? Откровенно говоря, толком не знаю. Не задумывался над этим. Хорошие книги всегда правдивы, даже если в них описываются события, которых никогда не было и не будет. Они правдивы в другом смысле — если в них говорится, к примеру, о космонавтике, то говорится так, что словно чувствуешь эту тишину, которая совсем не похожа на земную, это спокойствие, такое абсолютное, нерушимое... И что бы в них ни изображалось, а мысль всегда одна — человек *там* никогда не будет чувствовать себя как дома.

На Земле ведь все какое-то случайное — дерево, стена, сад, одно можно заменить другим, за горизонтом открывается другой горизонт, за горой — долина; а там все выглядит совсем иначе. На Земле людям никогда не приходит в голову, до чего это ужасно, что звезды не двигаются; лети хоть целый год на предельной скорости — и никаких перемен не заметишь. Мы на Земле летаем и ездим, и кажется нам: мы знаем, что это такое — пространство.

Этого не передашь словами. Помню, однажды возвращался я из патрульного полета, где-то у Арбитра слышал отдаленные разговоры — кто-то с кем-то ругался из-за очереди на посадку — и случайно заметил другую ракету. Парень думал, что он один в космосе. Он так кидал свой бочонок, что тот дергался, будто припадочный. Все мы знаем, как это бывает: пробудешь пару дней в космосе, и одолевает тебя нестерпимая охота что-нибудь сделать, все равно что — дать полный ход, помчаться куда-нибудь, крутануться на большом ускорении так, чтоб язык высунуть... Прежде я думал, что это вроде неприлично — человек не должен чересчур потворствовать себе. Но по сути дела, тут лишь отчаяние, лишь охота показать этот язык космосу. Космос не меняется так, как меняется, к примеру, дерево, и поэтому, наверное, трудно с ним свыкнуться.

Ну вот, хорошие книги как раз об этом и говорят. Ведь обреченные на смерть не станут читать описание агонии, — вот и мы все как-никак слегка побаиваемся звезд и не хотим слышать о них правду, когда оказываемся среди них. Это уж точно — тут самое лучшее то, что отвлекает внимание, но мне по крайней мере больше всего подходят именно вот такие звездные истории, — ведь в них все, даже космос, становится таким добропорядочным... Это добропорядочность для взрослых, — конечно, там есть катастрофы, убийства и всякие другие ужасы, но все равно они добропорядочные, невинные, потому что с начала до конца выдуманные: они стараются тебя напугать, а ты только посмеиваешься.

То, что я вам расскажу, — это и есть вот такая история. Только со мной она вправду случилась. Ну, да это неважно.

Было это в год спокойного Солнца. Как обычно, в этот период делали генеральную уборку в солнечной системе,

подбирали и выметали массу железного лома, который кружится на уровне орбиты Меркурия; за шесть лет, пока строили большую станцию в его перигелии, там набросали в космос кучу старых поломанных ракет, потому что работы велись по системе Ле Манса, и, вместо того чтобы сдавать эти трупы ракет на слом, ими заменяли строительные леса. Ле Манс был сильнее как экономист, чем как инженер: станция, построенная по его системе, действительно обходилась втрое дешевле, чем обычная, но доставляла такую уйму хлопот, что после Меркурия никто уже не соблазнялся этой «экономией». Но тут Ле Мансу пришла в голову идея — отправить этот ракетный морг на Землю: чего ж ему крутиться в пространстве до скончания веков, если его можно переплавить в мартенах? Но, чтобы эта затея окупалась, приходилось посылать для буксирования такие ракеты, которые были немногим лучше этих трупов.

Я был тогда патрульным пилотом с вылетанными часами, а это означает — был им лишь на бумаге и по первым числам, когда получал зарплату. А летать мне до того хотелось, что я согласился бы и на железную печку, лишь бы у нее была хоть какая-нибудь тяга; поэтому нечего удивляться, что еле успев прочитав объявление, я отправился в бразильский филиал Ле Манса.

Не хочу утверждать, что экипажи, которые формировал Ле Манс (или, вернее, его агенты), уподоблялись кадрам иностранного легиона или разбойничьему сброду, — такие типы вообще не летают. Но сейчас люди редко отправляются в космос, чтобы искать приключений; их там нет, по крайней мере в принципе нет. Значит, на такой вот полет решаются либо с отчаяния, либо вообще как-то случайно; и это уж самый плохой материал, потому что служба наша требует больше стойкости, чем морская, и тем, которым все безразлично, не место на ракете.

Я не занимаюсь психологическими изысканиями, а просто хочу объяснить, почему я уже после первого рейса потерял половину команды. Мне пришлось уволить техников, потому что их спойл телеграфист, маленький метис, который придумывал гениальнейшие способы, как контрабандой протащить алкоголь на ракету. Этот тип играл со мной в прятки. Запускал пластиковые шланги в канистры... впрочем, это неважно. Я думаю, он и в реактор запрятал бы виски, если б это было возможно. Воображаю, до чего возмутили бы такие истории пионеров астронавтики. Не пойму, почему они верили, что сам по себе выход на орбиту превращает человека в ангела. Этот метис, родом из Боливии, подрабатывал продажей марихуаны и делал мне все назло, просто потому, что его это развлекало. Но у меня бывали парни и похуже.

Ле Маис был важной персоной, деталями не интересовался, а только установил финансовые лимиты, и мало того, что мне не удалось укомплектовать экипаж, я еще вынужден был дрожать над каждым киловаттом энергии; никаких резких маневров, уранографы после каждого рейса проверялись, словно бухгалтерские книги,— не уплыли куда, упаси боже, десяток долларов, превратившись в нейтроны. Тому, что я тогда делал, меня нигде не обучали; нечто подобное, может быть, творилось лет сто назад, на старых корытах, курсировавших между Глазго и Индией. Я, впрочем, и тогда не жаловался, а теперь, как вспомню об этом, так, стыдно признаться, расчувствуюсь.

«Жемчужина ночи»—ну и имечко! Корабль потихоньку разваливался, весь рейс мы только и делали, что искали то течь, то короткое замыкание. Каждый старт и каждая посадка совершались вопреки законам —не только физики; наверное, у этого лемансовского агента были знакомства в порту Меркурия, иначе любой контролер немедленно опечатал бы у нас все, от рулей до реактора.

Ну вот, выходили мы на охоту в перигелий, искали радаром остовы ракет, а потом подтягивали их и формировали «поезд». На меня тогда сваливалось все сразу — скандалы с техниками, вышвыривание бутылок в пространство (там и сейчас полным-полно «Лондон Драй Джин») и дьявольская математика; ведь во время рейса я только и делал, что изыскивал приближенные решения задачи многих тел. Но больше всего, как обычно, было пустоты. В пространстве и во времени.

Я запирался в каюте и читал. Автора не помню, какой-то американец, в названии было что-то о звездной пыли — нечто в этом духе. Не знаю, как эта книга началась, — я стал читать примерно с середины; герой находился в камере реактора и разговаривал по телефону с пилотом, когда раздался крик: «Метеоры за кормой!» До этой минуты не было тяги, а тут он вдруг увидел, что огромная стена реактора, сверкая желтыми глазами циферблатов, наплывает на него с возрастающей быстротой: это включились двигатели, и ракета рванулась вперед, а он, вися в воздухе, по инерции сохранял прежнюю скорость. К счастью, он успел оттолкнуться ногами, но ускорение вырвало у него трубку из рук и он повис на телефонном шнуре; когда он упал, распластавшись, эта трубка качалась над ним, а он делал нечеловеческие усилия, чтобы ее схватить, но, конечно, он весил тонну и не мог пальцем шевельнуть, потом как-то зубами ее поймал и отдал команду, которая их спасла.

Эту сцену я хорошо запомнил, а еще больше мне понравилось, как описано прохождение сквозь метеоритный рой. Облако пыли покрыло, заметьте, третью часть неба, только самые яркие звезды просвечивали сквозь пылевую завесу, но это еще ничего, а вот вскоре герой увидел — на экранах, конечно, — что из этого желтого тайфуна исходит бледно светящаяся полоса с черной серд-

цевиной; уж не знаю, что это должно было означать, но только я наплакался со смеху. Как он все это предивно себе вообразил! Эти тучи, тайфун, эта трубка — я прямо воочию видел, как парень болтается на телефонном шнуре, — ну, а что в каюте его ждала необыкновенно красивая женщина, это уж само собой разумеется. Была она тайным агентом какой-то космической тирании — или, может, боролась против этой тирании, уж не помню. Во всяком случае, она была красива, как положено.

Почему я так распространяюсь об этом? Потому, что это чтиво меня спасало. Метеоры? Да ведь я остовы ракет по двадцать — тридцать тонн искал неделями и половину из них даже в радаре не увидел. Легче заметить летящую пулю. Мне вот однажды пришлось схватить за шиворот моего метиса, когда мы были в невесомости; это наверняка трудней, чем тот номер с телефонной трубкой, — мы ведь оба парили в воздухе, — но не так эффектно. Похоже, что я начал брюзжать. Сам вижу. Но такая уж это история.

Двухмесячная охота кончилась, у меня на буксире было сто двадцать — сто сорок тысяч тонн мертвого металла, и я шел в плоскости эклиптики на Землю. Не по правилам? Ну, ясно! У меня не было горючего для маневрирования — я ведь уже говорил. Приходилось тащиться без тяги больше двух месяцев.

И тут случилась катастрофа. Нет, не метеоры — это ведь не в романе происходило. Свинка. Сначала техник, обслуживавший реактор, потом оба пилота сразу, а потом и остальные: морды распухли, глаза как шелки, высокая температура, о вахтах уж и говорить не приходилось. Какой-то взбесившийся вирус притащил на палубу Нгей, негр, который на нашей «Жемчужине ночи» был коком, стюардом, экономом и еще там чем-то. Он тоже заболел, а как же! Может, в Южной Америке у детей не

бывает свинки? Не знаю. В общем, у меня оказался корабль без экипажа.

Остались на ногах лишь телеграфист да второй инженер; но телеграфист с утра, прямо к завтраку, напивался. Собственно, не совсем напивался — то ли голова у него была такая крепкая, то ли он тянул понемножку, но, в общем, двигался он вполне прилично, даже когда не было силы тяжести (ее не было почти все время, не считая поправок курса), но алкоголь сидел у него в глазах, в мозгу, и каждое свое распоряжение, каждый приказ мне приходилось неустанно контролировать. Я мечтал о том, как я его отколочу, когда мы приземлимся; на ракете я не мог себе этого позволить, да и вообще — как будешь бить пьяного? В трезвом состоянии это был зауряднейший тип, опустившийся, недомытый, и у него была милая привычка ругать самыми мерзкими словами то одного, то другого — при помощи азбуки Морзе. Ну да, сидит себе за столом в кают-компании и выстукивает пальцем; его раза два чуть не избили, все ведь понимали морзянку, а припрешь к стенке — он божится, что это у него такой тик. От нервов. Что это само собой получается. Я ему велел прижимать локти к бокам, так он вел передачу ногой или вилкой — художник был в своем роде.

Единственным вполне здоровым и нормальным человеком был инженер. Да, но оказалось, знаете ли, что он инженер-дорожник. Нет, правда. С ним подписали контракт, потому что он согласился на половинный оклад, и агенту этого было вполне достаточно, а мне и в голову не пришло экзаменовать его, когда он явился на палубу. Агент только спросил его, разбирается ли он в машинах. Он сказал, что да; ведь он и вправду разбирался в машинах — в дорожных. Я велел ему нести вахту. Он планету от звезды не мог отличить. Теперь вы уже более или менее понимаете, каким образом Ле Манс делал большие

дела. Правда, я тоже мог оказаться командиром подводной лодки; и, если б можно было, я, наверное, разыграл бы эту роль и заперся в своей каюте. Но я не мог этого сделать. Агент не был сумасшедшим. Он рассчитывал если не на мою лояльность, то на мой инстинкт самосохранения. Я ведь хотел вернуться на Землю; сотня тысяч тонн в пространстве ничего не весит, и если избавишься от груза, то скорость не увеличится ни на миллиметр в секунду; ну, а я был не таким уж строптивым, чтобы сделать это просто так.

Вообще-то мне и такие мысли приходили в голову, когда я по утрам таскал то одному, то другому вату, мази, бинты, спирт, аспирин; только и было у меня удовольствия, что эта книжка о любви в пространстве, среди метеоритных тайфунов. Я некоторые абзацы перечитал по десять раз. Там были все ужасные происшествия, какие только возможно представить, — электронные мозги бунтовали, у пиратских агентов передатчики были вмонтированы в черепа, красивая женщина происходила из другой солнечной системы; но о свинке я не нашел ни слова. Ясное дело — тем лучше для меня. Мне она и так надоела. Иногда мне даже казалось, что космонавтика — тоже.

В свободные минуты я старался выследить, где телеграфист прячет свои запасы. Не знаю, может, я его переоцениваю, но мне кажется, что он и вправду умышленно выдавал мне некоторые места, когда спиртное там подходило к концу, — просто для того, чтобы я не пал духом и не махнул рукой на его пьянство. Потому что я и по сей день не знаю, где был его главный тайник. Может, этот тип был уж так пропитан алкоголем, что основной запас носил прямо в себе? Ну, в общем, я искал, ползая по кораблю, словно муха по потолку, плавал по корме, по центральной палубе, как бывает иногда во сне, и чувст-

вовал, что я один как перст. Вся братия лежала с распухшими физиономиями в каютах, инженер торчал в рулевой рубке, изучая по лингафону французский язык, было тихо, как на зачумленном корабле, и лишь иногда по вентиляционным каналам доносилось рыдание или пение этого боливийского метиса. Под вечер его разбирало, он ощущал ужас бытия.

Со звездами я мало имел дела, если не считать той книжки. Некоторые куски я знал наизусть — к счастью, они уже улетучились у меня из головы. Я дожидаться не мог, когда кончится эта свинка, потому что такая жизнь на манер Робинзона уж очень мне докучала. Инженера-дорожника я избегал, хоть по-своему это был даже довольно порядочный парень и клялся мне, что, если б не ужасные финансовые передрыги, в которые его втянули жена с шурином, он нипочем не подписал бы контракта.

Однако был он из тех людей, каких я не переносу, — которые откровенничают без всяких ограничений и торможений. Не знаю, может, он только ко мне испытывал такое чрезвычайное доверие, — но вряд ли, потому что о некоторых вещах ну просто невозможно говорить, а он способен был сказать все, я прямо корчился; к счастью, «Жемчужина ночи» была большая, двадцать восемь тысяч тонн, было где спрятаться.

Вы, наверное, догадываетесь, что это был мой первый и последний рейс для Ле Манса. С тех пор я уж больше не позволял так нахально себя надувать, хоть во всяких переделках побывал. Я бы и не рассказывал об этом, довольно конфузном все же, куске моей биографии, если б он не был связан с другой, вроде бы несуществующей стороной космонавтики. Помните, я ведь предупредил вначале, что это будет история словно из той книжки.

Метеоритное предупреждение мы получили поблизости от орбиты Венеры, но телеграфист то ли проспал, то

ли просто не принял его, — в общем, я лишь на следующее утро услышал эту новость в известиях, которые передавала космолокационная станция Луны. Честно говоря, вначале мне это показалось совершенно неправдоподобным. Драконида давно прошли, пространство было чистым, метеоритные рои вообще ходят регулярно; правда, Юпитер любит всякие штучки с пертурбациями, но на этот раз он не мог участвовать в затее — радиант был совсем другой. Предупреждение, впрочем, было лишь восьмой степени, пылевое, плотность роя очень небольшая, процент крупных осколков ничтожный; ширина фронта, правда, значительная. Когда я посмотрел на карту, то понял, что мы уже торчим в этом так называемом рое добрый час, а то и два. Экраны были пусты. Я особенно не беспокоился; непривычно прозвучало лишь второе сообщение, в полдень: радиолокаторы установили, что рой — внесистемный!

Это был второй такой рой, с тех пор как существует космолокация. Метеоры — это остатки комет, и они ходят себе по удлинённым эллипсам, привязанные гравитацией к Солнцу, словно игрушки на нейлоновых шнурах. А рой внесистемный, то есть пришедший в солнечную систему из Галактики, — это сенсация; правда, больше для астрофизиков, чем для пилотов. Есть, конечно, и для нас разница, хоть вообще-то небольшая, — в скорости. Внутрисистемный рой не может иметь большой скорости, — не больше, чем параболическую либо эллиптическую. Зато рой, входящий в солнечную систему извне, может иметь — и обычно имеет — гиперболическую скорость. Но практически различие невелико, поэтому возбуждение охватывает метеоритологов и астробаллистики, а не нас.

Сообщение о том, что мы влезли в рой, не произвело на телеграфиста ни малейшего впечатления. Я сказал об

этом, когда мы обедали, — как всегда, включив двигатели на малую тягу: они давали поправку на курс, а тем временем даже слабое притяжение облегчало нам жизнь. Не надо было сосать суп через соломинку и впихивать себе в рот пасту из баранины, нажимая на тубик. Я всегда был сторонником нормального человеческого питания.

Зато инженер очень испугался. То, что я говорил о рое, словно о летнем дождичке, он склонен был счесть признаком помешательства. Я ему коротко объяснил, что, во-первых, рой пылевой и сильно разреженный и шансов столкнуться с осколком, который способен повредить корабль, меньше, чем шансов погибнуть от того, что тебе в театре свалится люстра на голову; во-вторых, все равно ничего нельзя сделать, потому что «Жемчужина» не может провести маневр расхождения; в-третьих, курс наш по чистой случайности почти совпадает с траекторией роя, — значит, опасность столкновения уменьшается еще в несколько сот раз.

Что-то непохоже было, чтоб я его убедил, но мне уже надоела психотерапия и я предпочел сосредоточить внимание на телеграфисте, то есть отрезать его хоть на пару часов от запасов спиртного, потому что, в конце-то концов, в рое он был нужнее, чем вне его. Больше всего я боялся сигнала SOS. Кораблей здесь было порядочно, мы уже пересекли орбиту Венеры — на этой территории шло весьма оживленное движение, и не только грузовых ракет. Я сидел у рации, держа телеграфиста при себе, до шести часов палубного времени, — значит, больше четырех часов на пассивном перехвате; к счастью, обошлось без сигнала тревоги. Рой был так разрежен, что приходилось буквально часами вглядываться в радарные экраны, чтобы заметить какие-то почти неуловимые микроскопические искорки; да и то я не мог бы поручить-

ся, что эти зеленые привиденьца не были просто обманом зрения от усталости. Тем временем уже не только радиант, но и весь путь этого гиперболического роя, который даже имя успел получить — Канопиды (от звезды близ радианта), вычислили на Луне и на Земле, и было известно, что он не достигнет орбиты Земли, минует ее, выйдет из нашей системы вдалеке от больших планет и как появился, так и исчезнет в бездне Галактики, чтобы никогда уже к нам не вернуться.

Инженер-дорожник, продолжая тревожиться, то и дело заглядывал в радиорубку, а я выгонял его, требуя, чтобы он следил за рулями. Разумеется, это было чисто фиктивное задание — у нас не было тяги, а без тяги управлять нельзя, ну, а кроме того, он не смог бы выполнить и простейшего маневра, да я бы никогда ему этого и не доверил. Но мне хотелось его чем-нибудь занять и себя избавить от бесконечных приставаний. А то он стремился выяснить, проходил ли я уже сквозь метеоритные рои, да сколько раз, да пережил ли в связи с этим катастрофы, и серьезные ли, и есть ли шансы спастись в случае столкновения... Вместо ответа я ему дал «Основы космологии и космодромии» Краффта; инженер книгу взял, но, кажется, даже и не раскрывал ее — он ведь жаждал доверительных признаний, а не сухих сведений.

Все это происходило, напоминаю вам, на корабле, где сила тяжести отсутствовала. В этих условиях движения людей, даже трезвых, довольно забавно изменяются, — всегда надо помнить о каком-нибудь поясе, о пристежке, иначе, нажав на карандаш при писании, рискуешь взлететь под потолок, а то и шишку себе набить. У телеграфиста была своя система: он таскал в карманах массу всяких гирек, гаек, ключей и когда оказывался в затруднительном положении, повиснув между потолком,

полом и стенами, то просто лез в карман и швырял первый попавшийся предмет, чтобы плавно отлететь в противоположную сторону. Способ этот был надежный и всегда подтверждал правильность ньютоновского закона действия и противодействия, однако он доставлял мало удовольствия окружающим, потому что брошенные гирьки и гайки рикошетом отлетали от стен, — и иной раз эти штучки, способные весьма чувствительно стукнуть, подолгу носились в воздухе. Я говорю об этом, чтобы дополнить еще одним оттенком колорит нашего путешествия.

В пространстве тем временем шло усиленное движение; многие пассажирские корабли на всякий случай, в соответствии с правилами, изменяли трассы, Луне было с ними немало возни; автоматические передатчики, которые морзянкой передают орбитальные и курсовые поправки, рассчитанные на больших стационарных вычислительных машинах, без усталы строчили сериями сигналов в таком темпе, что на слух не воспримешь. Да и фония была переполнена голосами — пассажиры за бешеные деньги сообщали встревоженным родственникам, что отлично себя чувствуют и никакой опасности нет; Луна Астрофизическая передавала очередные сведения о зонах сгущения в метеоритном рое, о его предполагаемом составе — словом, программа была разнообразная и скучать у репродуктора особенно не приходилось.

Мои космонавты со свинкой, уже узнавшие, разумеется, о гиперболическом рое, то и дело звонили в радиорубку, пока я не отключил их аппараты, заявив, что опасность, а именно пробойну или потерю герметичности, они легко распознают по отсутствию воздуха.

Около одиннадцати я отправился перекусить в каюткомпанию; телеграфист, который, кажется, только этого и ждал, исчез, будто растаял, а я слишком устал, чтобы

его искать и даже чтобы думать о нем. Инженер отбыл вахту; он уже немного успокоился и опять жаловался в основном на шурина, а, уходя к себе (зевал он, как кит), сказал мне, что левый экран радара, должно быть, испортился: там в одном месте какая-то зеленая искра. Сообщив это, он удалился; я приканчивал холодную говядину из консервной банки — и вдруг, воткнув вилку в неаппетитно застывший жир, окаменел.

Инженер разбирался в показаниях радара, как я в асфальте. Этот «испорченный» экран...

В следующее мгновение я мчался к рулевой рубке. Это так говорится, а на деле я двигался с той скоростью, какая возможна, если ускорение получаешь, только хватаясь за что-нибудь руками либо отталкиваясь ногами от выступов стен или потолка. Рулевая, когда я наконец до нее добрался, была словно выстужена, огни на пультах погасли, контрольные сигналы реактора еле мерцали, как сонные светлячки, и только по экранам радаров неустанно вращались водящие лучи; я уже с порога смотрел на левый экран.

В верхнем правом его квадранте светилась неподвижная точка; собственно, как я увидел вблизи, — пятнышко величиной с мелкую монету, сплюснутое, как линза, идеально правильное по форме, светящееся зеленым фосфорическим светом, словно маленькая, лишь с виду неподвижная рыбка в океане пустоты. Если б это увидел нормальный вахтенный, — но не теперь, не теперь, а полчаса назад! — он включил бы автоматический позиционный передатчик, известил бы командира, запросил бы у этого корабля данные о курсе и назначении, но у меня не было вахтенных, я опоздал на полчаса, я был один, так что делал, ей-богу, все сразу — затребовал данные у корабля, зажег позиционные огни, включил передатчик, начал разогревать реактор, чтобы можно было в любой момент

дать тягу (реактор был холодный, словно давным-давно окоченевший покойник), — ведь время не ждало! Я успел даже пустить в ход подручный полуавтоматический калькулятор, и оказалось, что курс того корабля почти совпадает с нашим, разница была в долях минуты, вероятность столкновения, в пустоте и без того исчезающе малая, практически равнялась нулю.

Вот только корабль этот молчал. Я пересел на другое кресло и начал сверкать на него морзянкой из палубного лазера. Он находился за нами, на расстоянии около девятисот километров, — значит, невероятно близко, — и я уже, по правде говоря, видел себя в Космическом трибунале (конечно, не за «доведение до катастрофы», а просто за нарушение восьмого параграфа Кодекса космологии, именуемого ОС — опасное сближение). Думаю, что и слепой увидал бы мои световые сигналы. Корабль этот вообще так упорно торчал у меня в радаре и все не оставлял в покое «Жемчужину», а, наоборот, даже понемногу к ней приближался, лишь потому, что мы с ним имели сходящиеся курсы. Это были почти параллельные трассы; он передвигался уже по краю квадранта, потому что шел быстрее. На глаз я оценил его скорость как гиперболическую; действительно, два замера с десятисекундным интервалом показали, что он делает девяносто километров в секунду. А мы делали от силы сорок пять!

Корабль не отвечал и приближался; он выглядел уже внушительно, даже слишком внушительно. Светящаяся зеленая линза, видимая сбоку, острое веретенце... Яглянул на радарный дальномер: уж очень что-то вырос этот корабль. Оказалось — четыреста километров. Я захлопал глазами: с такого расстояния любой корабль выглядит как запятая. «Эх, чтоб ей, этой «Жемчужине ночи»! — подумал я. — Все здесь не как положено». Я перевел

изображение на маленький вспомогательный радар с направленной антенной. Корабль выглядел все так же. Я обалдел. «Может, это, — вдруг подумал я, — тоже такой «поезд Ле Манса», как наш? Штук этак сорок ракетных остовов, один за другим, отсюда и размеры... Но почему он так похож на веретено?»

Радароскопы работали, автоматический дальномер отстукивал да отстукивал: триста километров... двести шестьдесят... двести...

Я начал еще раз пересчитывать курсы на приборе Гаррельсбергера, потому что это уже пахло опасным сближением. Известно, что с тех пор, как на море начали применять радар, все почувствовали себя в безопасности, — а суда продолжают тонуть. И опять случилось, что он пройдет у меня под носом, на расстоянии этак тридцати — сорока километров. Я проверил оба передатчика — автомат, работающий на радиочастотах, и лазерный. Оба они были исправны, но чужой корабль молчал.

До тех пор меня все еще терзали угрызения совести: ведь некоторое время мы летели вслепую — пока инженер рассказывал мне о своем шурине и желал спокойной ночи, а я поглощал говядину, — потому что некому было работать и я все делал сам, но теперь у меня будто пелена с глаз спала. Охваченный праведным гневом, я уже видел истинного виновника опасности в этом глухом, молчаливом корабле, который пер себе на гиперболической скорости через сектор и не изволил даже отвечать на прямые настойчивые обращения!

Я включил фонию и начал его вызывать. Я требовал то того, то другого: чтобы он зажег позиционные огни и пустил сигнальные ракеты, чтобы сообщил свое название, место назначения, фамилию арматора — все, конечно, в условных сокращениях; а он летел себе, спокойно, тихо,

ни на йоту не меняя ни скорости, ни курса, и был уже всего в восьмидесяти километрах от меня.

Пока он держался по бакборту, но все заметнее обгонял меня — ведь он шел вдвое быстрее; и я знал, что, поскольку при подсчетах на калькуляторе не принималась во внимание угловая поправка, мы при расхождении окажемся на пару километров ближе, чем вычислено. Менее чем в тридцати километрах наверняка, а чего доброго и в двадцати. Мне следовало тормозить, потому что нельзя допускать такого сближения, но я не мог. За мной ведь тянулось сто с чем-то тысяч тонн ракетных трупов; сначала мне пришлось бы отцепить всю эту рухлядь, сам я с этим не справился бы, а экипаж занимался свинкой, — о торможении, значит, нечего было и думать. Тут могла бы пригодиться скорее философия, чем космология: стоицизм, фатализм, а если калькулятор уж совсем заврался, то, пожалуй, даже начатки эсхатологии.

На расстоянии двадцати двух километров тот корабль уже явно начал обгонять «Жемчужину». Я знал, что теперь дистанция будет возрастать, так что все было вроде в порядке; до тех пор я смотрел только на дальномер, потому что его показания были самыми важными, — и лишь теперь снова глянул на радароскоп.

Это был не корабль, а летающий остров, вообще неизвестно что. На расстоянии двадцати километров он был величиной больше чем с мою ладонь; идеально правильное веретено превратилось в диск — нет, в кольцо!

Ясное дело, вы уже давно подумали, что это был корабль «пришельцев» — ну, поскольку он был длиной в десять миль... Легко сказать, — но кто же верит в корабли «пришельцев»? Первым моим побуждением было догнать его. Нет, правда! Я ухватился за рычаг главной тяги — но не шевельнул его. У меня за кормой было кладбище на буксире, ничего бы из этого не вышло. Я вскочил

с кресла и через узкую шахту пробрался в маленькую астрономическую каюту, вмонтированную в броню, как раз над рулевой рубкой. Там, прямо под рукой, было все, что мне нужно, — бинокль и ракеты. Я пустил три, одну за другой, примерно по курсу этого корабля и, как только вспыхнула первая, начал его искать. Он был большой, как остров, но я его не сразу разглядел — ракета попала в поле зрения, и блеск ее ослепил меня, — пришлось выждать, пока я смогу видеть. Вторая ракета вспыхнула далеко в стороне, и это мне ничего не дало; третья зажглась высоко над кораблем. В ее неподвижном, очень белом свете я его наконец увидел.

Смотрел я на него не больше пяти-шести секунд, — ракета вдруг, как это иной раз случается, вспыхнула ярче и погасла. Но в эти мгновения я разглядел сквозь ночной, восьмидесятикратный бинокляр очень слабо, призрачно, но все же отчетливо освещенное с высоты темное металлическое тело: я видел его будто с расстояния нескольких сот метров.

Корабль еле помещался в поле зрения; в самом его центре мерцало несколько звезд, словно там он был прозрачным — как пустой туннель из темной стали, летящий в пространстве. Но в последней яркой вспышке ракеты я успел заметить: это нечто вроде сплюснутого цилиндра, свернутого, как автомобильная шина; я мог смотреть сквозь его пустой центр, хоть он и не находился на оси зрения; этот колосс был повернут углом к линии моего зрения — словно стакан, который слегка наклонили, чтобы медленно выливать из него жидкость.

Ясное дело, я вовсе не раздумывал над тем, что увидел, а продолжал пускать ракеты; две не зажглись, третья почти сразу погасла, при свете четвертой и пятой я его увидел — в последний раз. Ведь теперь он пересек трассу «Жемчужины» и удалялся все быстрее; он находил-

ся уже в ста, в двухстах, в трехстах километрах от меня, и визуальное наблюдение стало невозможным.

Я немедленно вернулся в рулевую рубку, чтобы как следует установить элементы его орбиты; я собирался, сделав это, поднять на всех диапазонах такую тревогу, какой еще не знала космология; я уже представлял себе, как по начертанному мною маршруту ринутся стаи ракет, чтобы догнать этого гостя из бездны.

Собственно, я был уверен, что он входил в состав гиперболического роя. Глаз в известных обстоятельствах уподобляется фотоаппарату, и образ, хоть на долю секунды представший в ярком свете, потом можно некоторое время не только вспоминать, но и весьма детально анализировать, будто вы все еще видите его. А я увидел в той предсмертной вспышке ракеты поверхность гиганта: она была не гладкая, а изрытая, почти как лунная почва, свет растекался по неровностям, буграм, кратерообразным впадинам; корабль, должно быть, летел вот так уже миллионы лет, входил, темный и мертвый, в пылевые туманности; выходил из них спустя столетия, а метеоритная пыль в десятках тысяч столкновений грызла его, пожирала пустотной эрозией.

Не могу объяснить, откуда взялась у меня эта уверенность, но я знал, что на этом корабле нет ни одной живой души, что катастрофа с ним произошла миллионы лет назад и, может, не существует уже и цивилизация, выславшая его!

Думая обо всем этом, я в то же время на всякий случай, для предельной точности, в четвертый, пятый, шестой раз рассчитывал элементы его орбиты, и результат за результатом, нажимая на клавишу, посылая в записывающее устройство, потому что мне дорога была каждая секунда: корабль уже выглядел на экране как зеленая фосфорическая запятая, сверкал как неподвижный свет-

лячок в крайнем секторе правого экрана — за две, за три тысячи, за шесть тысяч километров от меня.

Когда я окончил расчеты, он уже исчез. Но мне-то что! Он был мертв, не мог маневрировать, а значит, не мог никуда удрать, не мог спрятаться; правда, он летел на гиперболической скорости, но его легко мог догнать любой корабль с мощным реактором, а элементы его движения я рассчитал с такой точностью...

Я открыл кассету записывающего устройства, чтобы вынуть ленту и пойти с ней на радиостанцию — и застыл, внезапно обалдевший, уничтоженный...

Металлический барабан был пуст; лента давно уже, может несколько дней назад, кончилась, новой никто не вложил, и я посылал результаты вычислений в пустоту; они все до одного пропали; не было ни корабля, ни его следа — ничего...

Я ринулся к экранам, потом, право же, хотел отцепить этот мой проклятый балласт, выбросить лемансовские сокровища и пуститься — куда? Сам толком не знал. Наверное, в направлении... ну, примерно, на созвездие Водолея, — но что ж это за цель! А может, все-таки? Если я сообщу по радио сектор — в приближении, — а также скорость...

Это следовало сделать. Это было моей обязанностью, самой важной из всех, если вообще у меня имелись еще какие-нибудь обязанности.

Я поднялся лифтом в центральную часть корабля, на радиостанцию и уже установил было очередность действий: надо вызвать Луну Главную и потребовать право первенства для последующих моих сообщений, поскольку речь идет об информации величайшей важности, — эти сообщения, по-видимому, будет принимать не автомат, а дежурный координатор Луны; затем я дам отчет об обнаружении чужого корабля, который пересек мой курс

на гиперболической скорости и, вероятно, входил в состав метеоритного роя. Немедленно потребуют расчет элементов его движения. Мне придется ответить, что расчеты я произвел, но у меня их нет, потому что барабан записывающего устройства вследствие недосмотра был пуст. Тогда потребуют, чтобы я сообщил имя пилота, который первым заметил этот корабль. Но я и этого не смогу сообщить, потому что вахту нес инженер-дорожник, а не космонавт; затем — если все это еще не покажется слишком подозрительным — меня спросят, почему я не поручил радисту систематически передавать данные по ходу расчетов; а я должен буду объяснить, что радист не работал, потому что был пьян. Если со мной после этого вообще захотят еще разговаривать через триста шестьдесят восемь миллионов километров, которые нас разделяют, то поинтересуются, почему кто-либо из пилотов не заменил радиста; тогда я отвечу, что весь экипаж болен свинкой. Если мой собеседник до этого еще будет иметь какие-то сомнения, тут уж он уверится, что человек, который среди ночи морочит ему голову насчет корабля «пришельцев», либо не в своем уме, либо пьян. Он спросит, зафиксировал ли я как-нибудь изображение этого корабля — фотографируя его в свете ракет либо записывая показания радара на ферроленте — или по крайней мере регистрировал ли я все запросы, с которыми обращался к нему по радио. Но у меня не было ничего, совсем ничего, я слишком спешил, я не думал, что снимки понадобятся, — поскольку вскоре земные корабли ринутся к необычайной цели — и не включил записывающих устройств.

Тогда координатор сделает то, что я и сам сделал бы на его месте, — велит мне отключиться и запросит все корабли в моем секторе, не заметили ли они чего-то необычного. Так вот, ни один корабль не мог увидеть гостя из Галактики, я был в этом уверен. Я с ним встретился

лишь потому, что летел в плоскости эклиптики, хоть это строжайшим образом воспрещается, так как здесь всегда кружится метеоритная пыль, осколки перемолотых времен метеоров или кометных хвостов. Я нарушил это запрещение, потому что иначе мне не хватило бы горячего для маневров, долженствующих обогатить Ле Манса сотней с лишним тысяч тонн ракетного лома. Значит, мне следовало бы сразу предупредить координатора Луны, что встреча произошла в запрещенной зоне, а это повлекло бы за собой неприятный разговор в дисциплинарной комиссии Космического трибунала.

Наверное, обнаружение этого корабля значило куда больше, чем любой разговор в комиссии да хотя бы и наказание, — однако при условии, что корабль действительно догонят. Но вот это-то и казалось мне совсем безнадежным делом. А именно — я должен был потребовать, чтобы в плоскость эклиптики, в угрожаемую зону, к тому же еще посещенную гиперболическим роem, бросили на розыски целую флотилию кораблей. Координатор Луны не имел права этого сделать, даже если б захотел; если б он стену лбом прошибал, до утра вызывал бы Коснав, Международную комиссию по делам исследования космоса и черт знает кого там еще, начались бы заседания и совещания, и если б они проходили в молниеносном темпе, то через какие-нибудь три недели уже было бы вынесено решение. Но (это я рассчитал еще в лифте, у меня в ту ночь мысль работала действительно с необычайной быстротой) чужой корабль окажется к тому времени в ста девяноста миллионах километров от места нашей встречи, а значит, за Солнцем, мимо которого пройдет достаточно близко, чтобы оно изменило его траекторию, — и пространство, в котором придется его искать, будет размером более десяти миллиардов кубических километров. А то и двадцати.

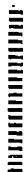
Так все это выглядело, когда я добрался до радиостанции. Я уселся там и попробовал еще оценить по достоинству — каковы шансы увидеть этот корабль при помощи большого радиотелескопа Луны, самой мощной радиоастрономической установки во всей системе. Но Земля с Луной находились как раз на противоположной стороне орбиты по отношению ко мне, а значит, и к этому кораблю. Радиотелескоп Луны был очень мощный, но все же не настолько, чтобы на расстоянии четырехсот миллионов километров разглядеть тело размером в несколько километров.

На этом вся история и кончилась. Я порвал листки с расчетами, встал и тихонько двинулся в свою каюту с чувством, что совершил преступление. К нам прибыл гость из космоса — визит, который случается раз в миллионы, да нет, в сотни миллионов лет. И из-за инженера с его шурином, из-за моей небрежности — он ускользнул у нас из-под носа, чтобы растаять, как призрак, в беспредельном пространстве.

С этой ночи я жил в каком-то странном напряжении целых двенадцать недель, — за это время мертвый корабль должен был войти в зону больших планет и навсегда исчезнуть для нас. Я просиживал на радиостанции все мало-мальски свободное время, питая постепенно слабеющую надежду, что кто-нибудь его заметит — кто-нибудь более сообразительный или попросту более счастливый, чем я; но ничего такого не произошло.

Разумеется, я никому об этом не говорил. Человечеству не часто подвертываются такие случаи. Я чувствую себя виновным не только перед человечеством, но и перед той, другой цивилизацией, и мне не суждена даже слава Герострата, потому что теперь, через столько лет, никто уж мне, к счастью, не поверит. Да я и сам-то иной раз сомневаюсь: может, ничего и не было, — кроме холодной, неудобоваримой говядины.

СИНИТИ
ХОСИ

ПОЛНОЕ
ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Сверкающая серебряная ракета неслась вперед и вперед в безбрежных просторах космоса. Отряд отважных косморазведчиков, находившийся на ее борту, жил своей обычной жизнью. Командир отряда сказал одному из членов экипажа:

— Взгляните, пожалуйста, на приборы. Сколько в общей сложности мы пролетели?

— Слушаюсь!.. — Он посмотрел на приборы. — Примерно две тысячи световых лет прошло с тех пор, как мы покинули Землю. Далековато забрались! А ведь почему? Благодаря невиданному развитию науки и техники, давшему возможность неслыханно повысить мощность ракетных двигателей.

Разведотряд уже изъездил вдоль и поперек нашу солнечную систему, посетил немало планет других солнечных систем и успел обогатить науку множеством ценных сведений.

— Это уж точно, — кивнул командир, — но вот что огорчает: встречались ведь планеты, населенные разумными существами, но ни разу не пришлось столкнуться с цивилизацией, представители которой вызывали бы настоящую симпатию. И заметьте, я не шовинист...

— Да при чем тут шовинизм! — живо отозвался его собеседник и от волнения чуть было не нажал на одну из кнопок пульта управления. Командир вовремя схватил его за руку, иначе ракета отклонилась бы от заданного

курса. — При чем тут шовинизм?! Но согласитесь, если встречаешь аборигенов, которые хоть и вполне разумные существа, но все еще живут в пещерах, едят недоваренный, а то и вовсе сырой рис и моются только под дождем, общение с ними становится просто бессмысленным... Или другая крайность. Совершаешь посадку на незнакомой планете, не успеваешь сказать «здравствуйте», как кто-нибудь из местных жителей, нередко детеныш школьного возраста — дети везде одинаково любопытны, — выкладывает тебе всю твою биографию со дня рождения, сопровождая ее комментариями по поводу твоих самых интимных привычек... Оказывается, цивилизация у них на таком уровне, который нам и не снился. Они запросто читают наши мысли, выколупывая их из ячеек памяти, как мед из сот. Какой уж тут контакт! Они, может, и неплохо к нам относятся, но все равно противно чувствовать себя недоразвитым существом... Да, не так-то просто найти космичан, с которыми можно было бы достигнуть полного взаимопонимания.

Тут из радарного отсека доложили:

— Впереди по курсу планета.

— Какая она?

— Исходя из полученных данных, можно предположить, что на ней есть все условия для возникновения и развития жизни.

— Отлично! Внимание! Идем на посадку! Приготовились!.. Прекратите курить! Кто это там попыхивает трубочкой?! Хорошо бы на планете оказались жители, да к тому же еще и приятные...

Пока ракета снижалась, экипаж успел рассмотреть внизу прекрасный город. Космический корабль сел неподалеку от города.

Члены экипажа все как один прильнули к иллюминаторам. Начался первый этап знакомства с вновь откры-

той планетой — визуальное изучение. Планета была зеленой и прекрасной. Из города к ракете бежала огромная толпа аборигенов. Они были точь-в-точь как люди! Их порывистые жесты говорили о сильном душевном потрясении. Их лица отражали целую гамму настроений: удивление сменялось тревогой, тревога — любопытством, любопытство снова — удивлением... Но чем ближе они подходили к ракете, тем отчетливее обозначалось выражение радушия, превратившегося наконец в неудержимую радость.

Очевидно, радость и радушие были искренними, а не напускными. На борту ракеты был прибор, регистрировавший смену чувств и настроений. Он являлся единственным средством общения с населением неведомых планет и уже сослужил экипажу добрую службу. Взглянешь на шкалу, удостоверись в дружелюбии — и тогда изучай новый язык и общайся по-настоящему. Сейчас стрелка прибора поползла по шкале, задерживаясь по очереди на «удивлении», «тревоге» и «любопытстве». Наконец она дрогнула и замерла на рубрике «радушное гостеприимство». Такого еще никогда не бывало. Обычно она замирала на «враждебности» и «презрении».

— Редчайшее явление! Такая откровенная радость... Вот уж не ожидал!

— Вот только интересно, почему они так радуются.

— Ну, мало ли почему... Может, просто хорошо воспитанные люди. Видят — прибыли гости, вот и выражают радость. Думаю, не произойдет ничего страшного, если мы выйдем наружу, — сказал командир.

Каковы бы ни были причины этой неожиданной радости, в ее искренности не приходилось сомневаться. Лица аборигенов и стрелки приборов единогласно утверждали одно и то же. Но все же экипаж ракеты, сходя на неведомую землю, решил застраховать себя от всяких случай-

ностей — люди захватили оружие, самое элементарное, правда, но все-таки оружие. Однако в этом не было никакой необходимости: у местных не только револьверов или кинжалов, даже самых обыкновенных перочинных ножей при себе не оказалось.

Планетяне сердечно приветствовали землян и повели их в свой город. Он был великолепен. Здания, легкие, воздушные — воплощенная гармония — мерцали, словно радуга. Они были построены из разноцветного стекла, отделанного драгоценными камнями.

Если бы среди членов экипажа ракеты находился поэт, он наверняка тут же сложил бы гимн радуге. Радужный город, радужное настроение, радужные улыбки. Люди упивались радугой. Казалось, бесчисленные радуги возводят многоцветные мосты над головами пришельцев и местных жителей и соединяют их в единое целое.

— Прекрасная планета, прекрасный город, прекрасные жители, прекрасный прием, прекрасное угощение!.. Надо приложить все силы, чтобы наша дружба окрепла и стала путеводной звездой в дальнейшем развитии Земли и этой планеты. О, мы будем летать друг к другу в гости и помогать друг другу во всем. Надо выяснить, в чем они нуждаются.

— Да, да, но прежде всего необходимо изучить их язык, чтобы сказать слово благодарности!

Дело быстро пошло на лад. Земляне выучили самые элементарные слова и уже могли кое-как объясниться.

— Спасибо! — Это было первое, что сказали земляне. Аборигены ответили им тем же.

— Спасибо! — сказали аборигены.

— Да нет же, это вам большое спасибо! Мы благодарим вас от всей души. Мы даже и мечтать не могли, что нашему скромному отряду, о котором вы и знать не знали и ведать не ведали, будет оказано такое искреннее, та-

кое сердечное гостеприимство! — выступил командир от имени всего экипажа.

На это один из аборигенов, очевидно занимавший видное общественное положение, ответил:

— Нет, это мы должны благодарить вас, дорогие друзья! Ведь вы нам, совершенно незнакомым существам, преподнесли такой ценный, такой невероятно щедрый дар! Ни о чем подобном мы и во сне мечтать не смели...

Земляне недоуменно переглянулись. Командир сказал:

— Простите, но мы прилетели без всякого подарка. Зато в следующий раз привезем все, что пожелаете.

— Да нет, больше нам ничего и не надо. Подарок просто отличный. Вот мы и стараемся в знак благодарности принять вас от всей души. Если что сделали не так, простите, уж как умеем...

Земляне терялись в догадках.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, — сказали они, — а то мы никак не поймем.

— Разве вы не заметили? На нашей планете полно деревьев, редчайших цветов, драгоценных камней, а вот металлов никаких нет. Металл для нас жуткий дефицит. Старую медную пуговицу мы расцениваем как бриллиант такого же размера. А уж за кусочек стали готовы отдать целое ведро изумрудов. Мы ежечасно молили небо, чтобы оно послало нам хоть крупицу металла. А сегодня только начали молиться — и тут являетесь вы...

Сердца землян екнули. Не говоря ни слова, они бросились вон из города, но было уже поздно. От ракеты, преодолевшей расстояние в две тысячи световых лет, не осталось и следа. На том месте, где она еще совсем недавно стояла, сидел аборигенский детеныш лет пяти и с важным видом мастерил перочинный ножичек из обломка алюминиевой переборки, некогда отделявшей кухонный отсек...

1.

Хино разглядывал лежащую перед ним фотографию, и чем больше он ее разглядывал, тем большее недоумение отражалось на его лице.

— Ну, что я могу сказать?.. Обычная фотография, плоское изображение. Самая заурядная из всех, какие мне приходилось видеть... И этот кусочек картона имеет какое-то отношение к предстоящему изысканию?

— Самое прямое! Ведь это единственное, чем мы располагаем для начала расследования, иными словами, единственная улика, — сказал начальник изыскательного отдела, и его глаза, и без того узкие, сузились еще больше.

— Но это же ничтожно мало! Посудите сами — расплывчатые контуры ничем не примечательной планеты да кусочек космического корабля... Как ни разглядывай фотографию, ничего больше не увидишь. Наверно, только Шерлок Холмс с его удивительными аналитическими способностями мог бы приступить к работе в данной ситуации...

Шеф ухмыльнулся.

— Вот именно — Шерлок Холмс! Вы совершенно правы, Хино.

Хино удивленно поднял брови.

— Простите, не понимаю.

— Настоящее исследование ставит перед собой не совсем обычную цель. Речь идет о раскрытии преступления...

— Вот это да! — голос Хино зазвенел от возбуждения, он не мог спокойно усидеть на стуле. — Значит, эти твердолобые парни из Космической уголовной полиции наконец что-то поняли? Признали наши способности и обратились к нам за помощью, так?

— Не увлекайтесь, Хино, — шеф усмехнулся. — Не забывайте, что вы работаете в Концерне по освоению новых планет. Концерн открывает планету и разрабатывает проект ее освоения. Наша основная задача — продать проект. У нас слишком много дел и слишком мало времени, чтобы выделять наших сотрудников в помощь Космической уголовной полиции.

Хино, получив от шефа легкий щелчок по носу, замолчал. И тут же заговорил Сиода, держа наготове раскрытую записную книжку. Говорил он, как всегда, неторопливо и обстоятельно.

— Если я вас правильно понял, уважаемый шеф, преступлением этим должен заняться наш концерн. Так? Не что вроде недоразумения или ссоры между нашими сотрудниками и обитателями планеты...

— Правильно, — лицо шефа посуровело. — Но все это не так просто. У нас нет никаких улик. Вернее, ни одной улики. А дело еще осложняется тем, что в нем замешаны аборигены двух планет. Общение с ними сопряжено с известными трудностями, и вы это отлично знаете. Коротче говоря, дело очень тонкое и щекотливое. Но я всецело полагаюсь на вас. Уверен, что вы разгадаете этот ребус.

Хино и Сиода кивнули. Ничего другого им и не оставалось. Для них, молодых сотрудников могущественного концерна, приказ шефа, даже выраженный в такой лест-

ной форме, был равносильен приказу главнокомандующего по армии. Солдатам положено повиноваться.

— Вам, разумеется, известно, — продолжал шеф, — что в настоящее время наш концерн ведет работу по освоению шаровидного звездного скопления КСИ-21 в районе созвездия Персея. С нашей базы у Кассиопеи в соответствии с планом освоения скопления отправляются грузовые корабли. Грузы, представляющие особую ценность, перевозятся специальными рейсами. Для таких рейсов мы используем мощные корабли новейшей конструкции. А что касается регулярных перевозок, тут мы не можем позволить себе подобной роскоши. Но до сих пор старенькие беспилотные грузовички отлично справлялись — ни один из них не пострадал... А недавно... Недавно произошло следующее. Грузовик, который вез комплект точных измерительных приборов, прибыл на КСИ-21... пустым. Груз исчез бесследно. Было проведено тщательное расследование и на Кассиопее и на месте доставки, но ничего обнаружить не удалось. Кто похитил груз, почему, где, когда — абсолютно неясно... Так что, ребята, вы уж не подкачайте! Весь наш концерн смотрит на вас.

— Какие могут быть разговоры, шеф?! Ясно, не подкачаем! — простодушный, непосредственный Хино горел желанием взяться за дело сейчас же. Руки у него так и чесались, он даже начал засучивать рукава. — Только объясните нам происхождение этой фотографии. Кажется, вы назвали ее единственной уликой?..

— Да, — сказал Сиода. — Хотелось бы знать, почему этой фотографии придается такое важное значение. И еще — при каких обстоятельствах исчез груз.

— Правильно, надо все обсудить, — отозвался шеф и, положив локти на стол, устроился поудобнее. В его узких глазах скрывалась едва уловимая насмешка, он был

похож на учителя, беседующего с чрезмерно любознательными учениками. — Валяйте, ребята, задавайте вопросы. Только по очереди.

Начал Хино.

— Вопрос первый. Скажите, перед стартом, на Касиопее, пострадавший грузовик прошел техническую проверку?

— Разумеется. Правда, техпроверка этих старичков теперь проводится по упрощенной схеме, но никаких отступлений от правил не было. Корабль был в полном порядке, как показали данные техосмотра.

— Вопрос второй. Взаимосвязь груза и субпространства. Можно ли допустить, что груз переместился в другое измерение, когда корабль вошел в субпространство? Если да, то надо провести розыски в соседствующих с нашим измерениях.

— Теоретически такая возможность не исключается. Мы уже думали о выпадении груза в другое измерение, когда корабль проходил субпространство. Но в этом случае на корпусе корабля остались бы какие-нибудь следы, а корпус совершенно цел — не то что трещины или вмятины, даже царапинки нет. Подобные явления обычно объясняются неполадками с вариатором измерения. Но, если бы вариатор вышел из строя хотя бы на самое короткое время, приборы это зафиксировали бы и, как я уже говорил, на корпусе остались бы какие-нибудь следы. Так что практически трудно предположить, что груз «вытек» в другое измерение.

— Вы правы, шеф. — Хино задумчиво поскреб затылок и задал еще один вопрос: — А как обстоит дело со временем? Установлено, какой отрезок времени понадобился грузовику, чтобы достичь космопорта на КСИ-21, после того как он вышел из субпространства и материализовался в нашем измерении?

— Это тоже установлено, — шеф посмотрел на раскрасневшегося от возбуждения Хино. — На КСИ-21 совершенно новые условия, и нам приходится вести постоянное наблюдение за пространством-временем. В пространстве-времени, лежавшем между моментом материализации грузовика и ксианским космопортом, не было обнаружено ничего подозрительного. Ничего, что могло иметь какое-то отошение к исчезновению груза.

— Гм... — Хино снова поскреб затылок, затем с таким видом, словно ему абсолютно все было ясно, изрек: — Значит, груз исчез до того, как корабль вошел в субпространство... Иными словами, вскоре после старта с Кассиопейской базы. Отлично, область поисков сужается! Фу, даже полегчало!

Шеф кивнул, но посмотрел на Хино как-то странно. Очевидно, он хотел сказать: не очень спешите, парень, основную загадку еще предстоит разгадать...

Дождавшись своей очереди, заговорил Сиода. Говорил он медленно, заботливо отделяя слова друг от друга.

— Теперь мы представляем, где нужно вести поиски. Но пока только приблизительно. Давайте попытаемся уточнить. Итак, нас интересует отрезок между стартом на Кассиопее и той точкой, где корабль перешел в субпространство. Скажите, шеф, можно ли здесь установить наиболее вероятное место исчезновения груза?

— Постановка вопроса правильная. Это уже неплохо. Остается как следует пораскинуть умом. А ну-ка, Сиода, попытайтесь сами ответить на свой вопрос!

Сиода подумал с минуту и заговорил все так же спокойно и неторопливо:

— Если не ошибаюсь, на Кассиопейской базе не хватает горючего. Корабли стартуют на фотонной тяге, потом, по дороге, совершают посадку на близлежащей планете, заправляются нейтронным горючим, снова стартуют

и только после этого переходят в субпространственный полет. Следовательно, наиболее вероятное место исчезновения груза — планета, на которой происходит заправка.

— Совершенно верно.

— Но тогда все чрезвычайно просто и Кассиопейское отделение само справилось бы с этим делом. При чем же эта фотография — самый заурядный снимок?.. А ее ведь считают единственной уликой... Может быть, на заправочной станции какие-нибудь особо сложные условия?

— Видите ли, в чем основная трудность... Наши сотрудники на Кассиопее спасовали не только потому, что на заправочной базе несколько необычные условия, но и потому, что база расположена на двух планетах...

Хино не выдержал. Пока шеф отвечал на вопросы Сиоды, он вертелся и ерзал на стуле. Его раздражал тон шефа — подумаешь, экзаменатор нашелся! Что они ему, мальчишки что ли?! Дело срочное, а он тянет волынку и никак не дает дойти до сути.

— Да все ясно как день! — заорал Хино. — Преступление произошло на одной из этих двух планет! Доказательство — фотография. Самая обычная, ничем не примечательная на первый взгляд. Установили, которая из двух планет на фотографии? Вы, шеф, только намекайте, и мы тут же соберем свое барахлишко — и айда!

— А вам не кажется, Хино, что, если бы дело обстояло так просто, я не придал бы особого значения этой фотографии?

— Тоже верно... — буркнул Хино, несколько остывая.

Ему стало неловко за свой порыв. Он снова уселся на стул, с которого вскочил.

А Сиода спокойно продолжал задавать свои вопросы:

— Мне кажется, планета на фотографии затянута тучами. Очевидно, поэтому ее трудно узнать. Вы не скажете, в каких условиях был сделан снимок?

— Ага, наконец-то вы хватаете быка за рога! — Голос шефа впервые прозвучал удовлетворенно. — Планета на фотографии действительно затянута тучами. Но это еще полбеды. Беда в том, что данные фотографии находятся в чудовищном противоречии с некоторыми другими данными... Как я уже говорил, заправочная база расположена на двух планетах: на Пикокке, населенном пикоккцами, и на Кристалле, населенном кристаллийцами. Расстояние между ними маленькое — всего 0,3 световых года. Наши грузовики заправляются или на Пикокке или на Кристалле в зависимости от навигационных условий. К сожалению, не зарегистрировано, где заправлялся этот корабль-растеряха. Это, разумеется, упущение отдела технического контроля, но теперь уж ничего не поделаешь — сколько их ни спрашивай, они только руками разводят. Не будем сейчас распространяться насчет взысканий, это к делу не относится... Так вот, начали искать хоть какое-нибудь доказательство и обнаружили эту фотографию, сделанную бортовой камерой корабля... Как правильно заметил Сиода, планета на фотографии затянута тучами. Освещена только пятая часть ее, все остальное в тени. По такому снимку вроде бы невозможно определить, что это за планета, но, к счастью, нам известно, что Пикокк практически никогда не бывает закрыт тучами, а над Кристаллом тучи никогда не рассеиваются...

Сиода оторвался от своей записной книжки и пожал плечами.

— Простите, вывод, кажется, сам напрашивается. В чем же тогда дело?

Теперь уже и Хино, окончательно утратив свой пыл, непонимающими глазами смотрел на шефа.

— В чем дело... если бы мы знали — в чем, тогда бы и никакой загвоздки не было, тогда бы и голова не раскалывалась на части! — шеф замолчал и многозначительно

посмотрел на своих подчиненных. — Понимаете, фотография подсказывает, что груз исчез на Кристалле. Правильно? А вот пикоккцы *признались в совершенном преступлении!* Их признание все и запутало. Беда с этими инопланетными! Никогда не разберешь, что у них на уме. Они часто делают самые неожиданные заявления в самые неподходящие моменты... Наш концерт зашел в тупик. Самые опытные эксперты сложили оружие. Вот мы и решили обратиться к вам — молодые головы хорошо варят. А что касается контактов с инопланетными — вы на этом деле собаку съели...

Шеф еще больше сощурил свои узкие глаза, чтобы скрыть их ехидный блеск.

— Все ясно, шеф! — снова рванулся просиявший Хино.

— Да погоди, ты, Хино! Простите, шеф, у меня есть еще несколько вопросов, — сказал серьезный, во всем обстоятельный Сиода. — Теперь вроде бы ясно, что на фотографии Кристалл. Но доказано ли, что фотография сделана именно тогда, когда пропал груз? И еще — могут ли пикоккцы слетать на Кристалл и натворить там что-нибудь?

— На второй вопрос ответить просто. Пикоккцы не обладают достаточно развитыми техническими средствами, чтобы летать на другие планеты, в том числе и на Кристалл. Даже такое небольшое расстояние им не под силу. Это подтверждено данными наших многочисленных научно-исследовательских экспедиций. Кроме того, нет никаких доказательств, что кто-либо, земляне или другие жители космоса; пришел к ним на помощь в этом деле. Так что это совершенно исключается... А теперь попытаюсь ответить на первый ваш вопрос. Вот тут-то и начинаются всякие «но». На основании косвенных данных — я подчеркиваю, косвенных! — как будто не приходится

сомневаться, когда и где был сделан снимок. Но... а если он был сделан у какой-нибудь третьей планеты, не имеющей ничего общего с нашей базой горючего?.. Вокруг ведь полным-полно всяких планет. Вот и гадай, имеет ли фотография отношение к месту исчезновения груза. Дело в том, что вышел из строя автомат, при чрезвычайных обстоятельствах включающий затвор бортовой фотокамеры...

Сиода недоверчиво посмотрел на шефа и покачал головой. Тот кивнул.

— Ваши сомнения, Сиода, мне вполне понятны. Но если судить по состоянию двигателя корабля, автопилотирующего устройства и зафиксированных показаний акселерометра, то можно сделать вывод, что корабль совершал посадку только на одной планете.

— Понятно, — сказал Сиода, засовывая записную книжку в карман куртки. — На основании теории относительности эта фотография может служить уликой!

— Правильно! Ну, ребята, давайте, действуйте!

Шеф улыбнулся широко, благодушно, открыто. Так он делал всегда, когда ему удавалось точно передать приказ, исходящий от высшей инстанции, и переложить всю ответственность на плечи подчиненных.

— Так, значит, мы сейчас отправимся. — Сиода медленно приподнялся со стула, но тут Хино, обычно нетерпеливый и всегда первым рвавшийся в бой, схватил его за руку и всем телом подался в сторону шефа.

— Минуточку! Как это у вас получается, что теория относительности...

Но шеф уже нажал кнопку на столе. В полу открылись люки, и оба стула мгновенно исчезли. Через минуту они вернулись на место, но уже пустыми. Изыскательский отдел чрезвычайно гордился этим устройством, дающим возможность сотрудникам незамедлительно приступить к

выполнению срочного задания. Хино и Сиода прямо из кабинета начальника были доставлены на борт ракеты-разведчика, получившей ласковое прозвище Катерок.

Стиль — «блиц». Очень современный стиль работы!

2

— Послушай, Сиода, — сказал Хино, занимая место пилота на борту катера, который дожидался старта в стометровой подземной шахте, — нельзя ли мне объяснить, что ты имел в виду, когда говорил о теории относительности? Только давай попроще, чтобы я понял.

— Все очень просто... — Сиода спокойно ждал старта, всецело полагаясь на Хино как на пилота, и размышлял над заданием, полученным от шефа. — Я только что прослушал данные, сообщенные портативным информустройством... Н-да... Средняя скорость грузовика с момента старта на Кассиопее и до момента перехода на субпространственную навигацию составила около 0,82 с, то есть 82 процента скорости света. И если грузовик при такой скорости сделал снимок планеты, по известной формуле получается...

— А-а, — так ты имел в виду формулу Лоренца! — Хино весело хлопнул в ладоши, потом мельком взглянул на приборы и, убедившись, что они работают исправно, начертил пальцем в воздухе формулу. — Тело, перемещающееся на высоких скоростях, сокращается пропорционально $\sqrt{1-(v/c)^2}$. Если $v=0,82$ с, то длина... В общем, 0,82 в квадрате вычитаем из единицы и... Что-то около 62 процентов получается. А исходя из теории относительности, коэффициент сокращения будет одинаковым и для планеты и для корабля. Все ясно. На фотографии контуры планеты размыты, но вряд ли они уплотнились на 40 процентов. Значит, сокращение ни при чем, грузовик

вблизи Кристалла находился в состоянии покоя или двигался очень медленно. Верно я говорю?

— Да. И вывод прост — корабль не мог побывать на двух планетах. Грузовик останавливался на Кристалле.

— А пикоккцы, как и положено добропорядочным соседям, великодушно взяли вину на себя! Так получается?

— Вот тут-то и начинается наша работа, — тоном провидца изрек Сиода.

Хино покрутил головой, похрустел пальцами и недовольно буркнул:

— Как только шеф вызвал нас к себе, я сразу почувствовал — дело неладно. Уж больно он вилял, все ходил вокруг да около. Терпеть не могу длинных рассуждений! Сказал бы просто: ребята, мол, так и так, давайте, действуйте! Чует мое сердце, влипнем мы в поганую историю...

— Пока ничего не известно, — лениво протянул Сиода, вертя в руках портативный информатор. — Пока рано обвинять шефа. Что он мог сказать? Как видно, аборигенов, что пикоккцев, что кристаллийцев, не так-то легко понять... Вот, например, информатор сейчас сообщил мне, что кристаллийцы — ракетные существа, способные развивать околосветовую скорость. Пожалуй, нашему катеру будет интересно с ними посоревноваться.

— Ракетные существа? — оживился Хино. — Вот здорово! Живая ракета, представляешь? Надо узнать о них все подробности. — Он приложил к голове информатор и одновременно взглянул на приборы. — Смотри, а наш Катерок-то дает! Скоро можно будет перейти в субпространство. Куда мы сначала? Давай махнем на Кристалл, а? Там кажется, поинтереснее.

— Не возражаю.

— Вот и отлично! Значит, я приступаю...

Хино заложил в субпространственный переключатель

карточку с координатами Кристалла. Диск электронных часов засветился, отсчитывая секунды, затем мягко прозвенел сигнал готовности.

И Хино и Сиода на какое-то мгновение напряглись, но происходило это только от сознания важности данной минуты. Никаких неприятных ощущений они не испытывали — переход в субпространство проходил плавно, без толчков. Вокруг почти ничего не изменилось. Только с экрана исчезли звезды, недалекое солнце и планеты, их сменил унылый, тусклый серый цвет, обычный для субпространства. В остальном все осталось по-прежнему.

Пребывание в субпространстве должно было длиться тридцать минут. Пилоту делать было нечего — кораблем управляли автоматы. Целиком положившись на них, Хино, так же как и Сиода, начал прослушивать информацию, необходимую для розысков. Впрочем, прослушивать не точное слово: информатор передавал данные об интересующей их планете непосредственно в мозг.

Кристаллийцы представляют собой не совсем обычное племя.

Обиталищем им служит не поверхность планеты, не ее недра и не водная среда. Их постоянное, так сказать, место жительства — орбиты спутников планеты Кристалл, поскольку кристаллийцы в буквальном смысле слова являются биоракетами. Поэтому понятно, что они предпочитают находиться вне пределов атмосферы планеты. А кристаллийцами их называли потому, что они почти никогда не покидают сферы притяжения Кристалла и кружат по орбитам его спутников.

Форма их тела сильно вытянута и очень похожа на то, что в математике называют вытянутым сфероидом. Длина — от метра до десяти метров. Видимо, все участки их тела, даже самые малые, подвержены непрерывным изменениям.

Их внешность уже сама по себе может поразить любого землянина, но внутренняя структура... Не хватит никакого воображения, чтобы представить, как устроены эти странные существа!

Весь их организм является не чем иным, как идеально собранным устройством, состоящим из кристаллов металлов и полупроводников — в зависимости от функций того или иного органа. Короче, это кристаллическая форма жизни. Именно кристаллическое строение позволяет им существовать в условиях почти полного вакуума, и не просто существовать, но и эволюционировать в пустом пространстве. Они обладают сверхбыстрыми рефлексам и моментально реагируют на окружающую среду.

Впрочем, это легко понять, если учесть, что кристалл-лицы всю внешнюю информацию воспринимают в форме электронных импульсов. «Обмен веществ» в их организме, очевидно, связан с обменом энергией между электронами. Сверхбыстрые рефлексы дают им возможность мгновенно увеличивать скорость полета до такой степени, когда в силу вступают законы теории относительности. Это было подтверждено неоднократными наблюдениями.

Теория относительности, вероятно, для них не только теория, но и практика. Нечто вроде прикладной научной дисциплины. Они широко пользуются ею и во время движения и при обмене информацией.

Разумеется, кристалл-лицы не единственная во Вселенной форма кристаллической жизни. Подобные им существа давно известны землянам. В этой области особую ценность представляют исследования Владимира Савченко. Благодаря его работам было доказано, что тела, которые раньше принимали за ракеты неизвестного нам образца, на самом деле являются живыми организмами, обладающими разумом. Конечно, несмотря на это, ни о каком сходстве с человеком не может быть и речи.

— Скоро выскочим из этого нудного серенького мира, — сказал Хино, бросая взгляд на приборы и откладывая в сторону информатор.

Сиода кивнул.

— Как только выйдем из субпространства, перед глазами появится Кристалл. Ты к этому готов?

Хино поерзал, повертелся и, кажется, почему-то немного обиделся. Он надул губы.

— Что значит готов? Нам ведь остается только запрограммировать, куда мы хотим попасть. Сунул карточку в автомат — и все в порядке. Остальное сделает машина. Катер сам пойдет, куда нужно. Так что лично мне делать нечего.

— А ты точно знаешь, куда нам нужно? Не так-то все это просто.

— То есть?

— Ведь нам придется иметь дело с существами, которые живут в космическом пространстве. Обычная посадка на планету ничего не даст. И вообще, не представляю, как мы будем с ними вести беседу. Сложная это задача.

— Да... Вот тебе и полная автоматизация... Какой толк от корабля, где человека полностью заменили автоматы, как на нашем? Терпеть не могу работать на этих хитрых посудинах! На поверку-то получается, что в трудную минуту все равно выкручивайся сам...

Хино продолжал еще ворчать, когда экран вдруг посветлел и на нем появились звездочки. Катер вошел в обычное пространство.

— Уф-ф, наконец-то! Даже дышится легче! До чего все-таки хорошо в звездном мире. Ну что ж, пойдем на сближение...

По мере того как светлел экран, светлело и лицо Хино. Улыбаясь, он смотрел на центральный экран, где на фоне звезд величественно сияло Солнце-Кристалла.

— Ну, давай, давай, Хино! Мечтать будешь потом.

— Ладно...

— Выведи катер на орбиту вокруг Кристалла.

— О'кэй!

Хино заложил в автомат требуемую программу. Катер тут же избрал оптимальные курс и скорость. Сиода, словно не вполне доверяя Хино, который посмеивался над чрезвычайной простотой управления катером, попросил:

— Хино, пожалуйста, будь повнимательнее. Следи за экранами. Как только на них появятся кристаллийцы, скажи. Я тут же попытаюсь наладить с ними связь.

— Будет сделано!

Катер шел точно по заданному курсу. Момент встречи приближался. Два молодых парня, находившихся на его борту, посерьезнели. Их лица стали напряженными.

Не прошло и пяти минут, как Хино дернулся и заорал:

— Есть!

— Попытайся лететь параллельно с ними, — коротко сказал Сиода, не сводя глаз с тускло поблескивавшего продолговатого тела, занявшего весь экран.

— Это уж проще простого.

Хино тут же отдал соответствующий приказ автоматам, и катер, словно собака, заметившая дичь и во всем послушная воле охотника, пошел на сближение с ракетными существами, а когда расстояние, отделявшее его от цели, сократилось до какого-нибудь десятка километров, лег на параллельный курс. Кристаллиец, с которым они встретились, был типичным вытянутым сфероидом длиной около десяти метров. Он не пытался ни убежать, ни приблизиться к катеру, а спокойно летел по параллельной орбите.

— Ну как? Наладил связь? — спросил Хино, глянув на нахмурившегося Сиода.

— А черт его знает! Эта штука, кажется, не собирается причинять нам вреда, но и разговаривать не расположена... Правильно определил их информатор — безвредные и трудно поддающиеся пониманию. Посылаю сигналы на разных волнах, пока — никакого ответа...

Сиода не отрываясь смотрел на телевизор с вариационной разверткой.

Хино хмыкнул.

— Конечно, я понимаю, что они не могут обладать звуковой речью, как мы. Но «картинки»... Это до меня просто не доходит. Язык, состоящий из картин. Невероятно! И как только могли развиваться такие способности!

— Нет ничего невероятного. Большинство кристаллийцев прибегают к языку изображений. Все дело в том, что они используют движение электронов. Такой язык для них самый легкий способ общения.

— Я слышал, будто они меняют способ передачи изображений в зависимости от настроения, — пробормотал Хино. — С ума сойти, у этой железяки — и вдруг настроение! Нет, это выше моего понимания. Не хотел бы я иметь такого приятеля...

Сиода вдруг замолчал и весь напрягся.

— Что? Заговорил, да? — Хино так и рванулся к экрану. На нем начали проступать какие-то смутные очертания.

— Кажется, да.

Сиода тщательно отрегулировал развертку. Для приема неизвестной волны требовалось высокое мастерство.

— Ну, картиночка проясняется! — радостно воскликнул Хино. Тень на экране постепенно приобретала все более четкие контуры. Сиода сумел подладиться к настроению кристаллийца и поймал его волну.

— Что это за штука? Похоже на эллипсоид, вращающийся вокруг своей оси. Себя, что ли, показывает? Может, они так здороваются?..

— Да нет, судя по кормовой части, это наш катер. Очевидно, передает, что заметил нас. Ведь я тоже послал ему его собственное изображение.

— Тогда все в порядке! — засмеялся Хино. — Первый контакт установлен в атмосфере полного взаимопонимания. Давай, Сиода, жми дальше!

— Не спеши, а то еще промажем. Надо соблюдать установленный порядок обмена любезностями. Иначе никакого контакта не получится. Все в свое время.

Переговариваясь, Хино и Сиода изо всех сил пытались наладить связь. Расстояние между катером и кристаллийцем оставалось неизменным. За это время несколько других кристаллийцев приблизились было к катеру, но вскоре вернулись на свои орбиты.

Впереди было самое трудное. Предстояло показать кристаллийцу фотографию и спросить, сиделся на Кристалле потерявший груз корабль или нет. Если даже кристаллиец ответит, не известно, можно ли ему верить. А вдруг он по каким-то своим соображениям скроет правду, выражаясь земным языком, попросту соврет? Или, может, он вообще не видел злополучного грузовика?..

Во всяком случае, прежде всего надо задать вопрос. Если кристаллиец пожелает ответить, значит, контакт действительно установлен. А уж проанализировать ответ и сделать соответствующие выводы Хино и Сиода как-нибудь сумеют.

Прошел час. Сиода весь взмок от напряжения. Все было бесполезно — от этого кристаллийца так и не удалось получить никакой информации.

Наконец Сиода махнул рукой и решил вступить в «беседу» с каким-нибудь другим представителем здешнего

мира. Поначалу все шло хорошо — второй кристаллиец охотно ответил на приветствие. Но этим дело и кончилось. Общаться дальше он не пожелал. Или, может быть, не понимал, чего от него хотят?

В общей сложности эта радиотелеболтовня с ракетными существами длилась около тридцати часов и не дала абсолютно никаких результатов.

— Ох и надоело! До чего же противные существа! Правда, еще никогда не бывало, чтобы с инопланетными удалось договориться с первого раза.

Хино посмотрел вниз, на экран, находившийся у них под ногами. Всю его огромную поверхность занимали смутные, впрочем чуть более ясные, чем на фотографии, очертания планеты Кристалл, окутанной облаками.

— Ну и олухи же работают в Кассиопейском отделении! Нашли где базу устроить — в самую гущу туч поперлись. Сплошная каша, ничего не разберешь...

— Зато средняя температура на Кристалле почти равна земной. А такие планеты на дороге не валяются...

Сиода не договорил. Катер вдруг сильно тряхнуло. Мгновенно наступившая перегрузка вдавила их в кресла. Казалось, еще секунда — и их расплющит. Но секунда прошла, и перегрузка миновала.

— Эй, Сиода, язык не откусил? — спросил Хино, входя в себя.

— Не откусил. Ты лучше установи причины перегрузки.

— Кажется, катер цел. А все автоматика... Если бы не она, и перегрузки такой не было бы...

— Хино, свои соображения выскажешь позже. Причину, причину давай!

— А я что делаю?!.. Я и выясняю. Приборы не показывают значительных нарушений... Ничего чрезвычайного... Кажется, понял... Вот эта...

В тот момент, когда Хино показал на монитор автоматического устройства, на них снова обрушился удар. На этот раз они уже были готовы к неожиданностям и легче перенесли их. Лишь только катер занял нормальное положение, Хино продолжал как ни в чем не бывало:

— Вот я и говорю, эта машинка служит нам верой и правдой. Видишь, очередной кристаллиец сейчас летит параллельно с нами. За минуту до этого он изменил курс, и наш катер тут же последовал за ним. Наша скорость изменилась. Разве я не прав, что с автоматикой наплачешься, — катер слишком добросовестно выполняет заданную программу.

— Все ясно, — кивнул Сиода и снова принялся налаживать связь.

На этот раз им вдруг повезло. Хино, взглянув на экран, заорал:

— Смотри, смотри, нас поняли! Наконец-то!

— Да, этот, кажется, понял, что нам нужно.

Сиода тоже обрадовался.

На экране появилась хвостовая часть грузового корабля.

— Попробуем усложнить вопрос.

Сиода старался настроиться на волну кристаллийца, посылая ему изображение момента старта грузовика и вслед за тем — грузовика, прибывшего к месту назначения без груза.

Но их снова ожидало разочарование — ответа не последовало. Экран был пуст.

— Что за безобразие! По-моему, эти твари просто издеваются над нами. — Хино не на шутку разозлился.

— Нет... Кажется, я начинаю понимать, в чем дело, — сказал Сиода. Тут катер снова тряхнуло, и он забился поглубже в защитное кресло.

— Что ты понимаешь?

— Кристаллиец почувствовал, что одними картинками ничего не объяснишь, и решил дать наглядный урок...

— И для этого применил внезапное изменение скорости?

— Ну да. Он же пытается воспроизвести движение злосчастного грузовика.

— Пусть пытается. Но зачем эти изменения? Того и гляди мы превратимся в лепешку... Ты понял, что означает ускорение?

— Пока еще нет. Очевидно, грузовик или передвигался очень быстро, или внезапно резко повысил скорость... Да мало ли что еще. А может быть, изменил курс... Может, удирает от кого-то...

— Короче говоря, ты ничего не понимаешь.

— Да нет, кое-что понимаю. Во-первых, этот кристаллиец видел грузовик и наблюдал за ним, когда он проделывал все эти странные манипуляции. Это уже немало. Подумай сам — кристаллиец показывает нам кормовую часть грузовика. Он мог видеть ее, когда тот уже стартовал или шел на посадку.

Хино кивнул, но тут же возразил:

— Допустим, это так. Но нам-то от этого не легче. Теперь наша задача совсем усложнилась — ведь кристаллиец дает нам информацию, полностью противоречащую признанию пикоккцев.

— Н-да... — Сиода на секунду задумался. — Пока что мы так и не поняли, кто виноват — кристаллийцы или пикоккцы. Я думаю, нам не стоит садиться на Кристалл, все равно не узнаем больше того, что уже узнали. Полетим на Пикокк, потолкуем с аборигенами, а там посмотрим.

Хино без всяких возражений ввел новые данные в автоматы.

Послушный приказу Хино, катер нырнул в субпространство. Переход и на этот раз прошел без всяких осложнений. На экранах снова погасли звезды, сменившие-ся тускло-серым цветом. Через пять минут катер вышел из субпространства, преодолев расстояние 0,3 световых года. Они сразу увидели Пикокк.

— Здешние жители попроще кристаллийцев, живут на поверхности планеты. И тело у них, кажется, состоит из мяса и костей, как и у нас с тобой. Органическая форма жизни, — сказал Хино, разглядывая ничем не примечательный пейзаж, появившийся на экране. Моря, материки, над ними лишь кое-где легкие облака. Видимость отличная.

— Простые-то они простые, но нам все равно надо быть начеку. Я думаю, привычки у них не совсем обычные. Об этом свидетельствует их признание.

— Это точно... Иду на посадку.

Послушный катер очень быстро и в то же время плавно опустился на поверхность незнакомой планеты.

База была окружена довольно примитивными постройками — поселками, в которых жили пикоккцы. Концерн поддерживал хорошие отношения с аборигенами, формально признавая их суверенитет и оставляя за ними право управления базой. Такова была внешняя политика Концерна при освоении новых планет.

Как только катер совершил посадку на маленьком космодроме базы, его окружили пикоккцы, исполнявшие обязанности технического персонала. На них были тяжелые защитные комбинезоны, необходимые при обращении с нейтронным горючим.

— Ну, а теперь что? — спросил Хино, тараща глаза на эти странные существа.

— Выйдем, побеседуем. Захвати аппарат.

Хино вылез из люка, держа в руках ПУП — портативный универсальный переводчик. Сиода последовал за ним.

Пикоккцы — их было около десяти, — завидев людей, испуганно отступили.

Обычно люди, даже если у них было неважное настроение, не могли смотреть на пикоккцев без смеха — такое уж это было племя.

Пикоккцы, млекопитающие ростом с человека, походили на земных птиц. У них были две ноги, тонкие, длинные, словно состоящие из одних костей, две руки, покрытые перьями, и яркое, веерообразное, как у павлина, хвостовое оперение. Их головы тоже были похожи на птичьи: нос, не очень большой, сливался с сильно вытянутыми вперед губами — все вместе вроде клюва. Глаза — огромные, в пол-лица.

Хино и Сиода разглядывали их с плохо скрываемым любопытством. Эти существа, будь они поменьше, вполне могли бы сойти за детскую игрушку — этакая пестренькая, большеглазая птичка. Форма техперсонала базы никак не сочеталась с их внешним видом. Они были и впрямь очень смешными. Едва сдерживаясь, чтобы не прыснуть им в лицо, Хино заговорил через ПУП:

— Дорогие друзья! Вы привыкли, что к вам чаще всего прилетают космические корабли, управляемые автоматически. На этот раз, как вы видите, к вам прибыли гости. Мы — люди, жители планеты Земля. Не пугайтесь, пожалуйста, мы не какие-нибудь проходимцы, а сотрудники Концерна по освоению новых планет. Цель нашей поездки — узнать подробности одного недавнего происшествия, только и всего. Мы не доставим вам никаких хлопот, так что прошу вас не беспокоиться.

Пикоккцы внимательно выслушали Хино, приблизились к гостям шагов на пять, посоветовались о чем-то

крикливыми, пронзительными голосами, и после этого вперед выступил один из них. Он передвигал ноги так, словно они приводились в действие заводной пружины. Глядя на Хино огромными выпуклыми глазами, человек-птица сказал:

— Добро пожаловать! На нашей планете не так шикарно, как хотелось бы, но гостям мы всегда рады. Будьте как дома.

Хино, мельком взглянув на серьезное, сосредоточенное лицо Сиоды, заговорил снова. Свои слова он подкреплял отчаянной жестикуляцией, которая должна была выражать самые искренние дружеские чувства.

— Ваше гостеприимство бесконечно радует нас. Спасибо вам большое! Простите, что я должен сразу же перейти к делу. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Для этого, собственно говоря, мы сюда и прилетели.

— Пожалуйста, пожалуйста, спрашивайте что угодно и сколько угодно!

— Очень хорошо. — Хино, переглянувшись с Сиодой, вынул отлично сделанную фотографию злополучного грузовика. — Если не ошибаюсь, этот корабль недавно воспользовался вашими услугами...

Пикоккец посмотрел на фотографию, чуть не коснувшись ее глазами, и закивал как заведенный.

— Ну как же, был он у нас, был! Отлично помню!

Хино нервно проглотил слюну и продолжал:

— Видите ли в чем дело... Нам стало известно, что у этого корабля пропал груз. Мы, собственно, затем и прибыли, чтобы расследовать это дело. Может быть, вы располагаете какими-нибудь сведениями, которые могли бы нам помочь?

— Конечно, мы располагаем сведениями! Конечно, располагаем!

— Да?! Вы что-то знаете?

Вопрос Хино, кажется, развеселил пикоккца.

— Знаем, знаем! Корабль прилетел, мы снабдили его горючим, а груз вытащили.

— Вытащили?! Но... простите, с какой целью?

— Уж очень хороший был груз! Приборы, сделанные из легких металлов. А нам как раз недоставало таких металлов. Вот мы и взяли. И потом, люк корабля легко открывался, интересно было взглянуть. Взглянули, а уж заодно и груз позаимствовали.

— Значит... то есть... как же это... — Хино совсем растерялся. — Позаимствовали — значит... ну, использовали, что ли... А... а... не смогли бы вы нас проинформировать, для чего вам понадобились легкие металлы?

— Конечно, конечно! Мы вас проинформируем! Очень хорошие металлы! Мы их съели. В последнее время нам не хватало легких металлов.

— Что-о?.. Съели?!.. Да как же это... — Хино потерял дар речи. Глаза у него округлились и начали вылезать из орбит, приобретая все большее сходство с глазами пикоккцев.

Наконец он немножечко пришел в себя.

— Вкусно было? — спросил Хино, вспотевшей рукой сжимая ПУП.

На этот раз удивился пикоккец. Его и без того выпуклые глаза начали вылезать из орбит. Теперь уж глазам Хино за ними не угнаться!

— Да вы шутите, что ли?! Разве легкие металлы могут быть вкусными?

— Но почему же тогда вы их съели?! Приборы ведь были очень сложные... Наверно, неудобно было их есть...

— А что же делать-то! Нам есть хотелось!

Хино, переведя дух, заговорил снова:

— Будьте любезны, объясните нам, пожалуйста, как

вы их ели? То есть мне хотелось бы знать, какое блюдо вы из них приготовили?

Тут Хино и Сиода вдруг слышали смех, настоящий человеческий смех. Кто-то смеялся за их спиной.

— Вы требуете невозможного, друзья! Пикоккцы сказали вам все, что могли. Требовать большего просто смешно!

Два человека вздрогнули от неожиданности и, как по команде, обернулись. Перед ними стояла молодая улыбающаяся женщина в походном костюме, отлично подчеркивающим ее упругие гибкие формы.

— Ого, вот так краля! — простонал Хино.

Сиода, учтиво поклонившись, сказал:

— Разрешите узнать, с кем имеем честь? А мы...

Женщина не дала ему договорить. Она весело улыбалась. Ее голос звенел, как колокольчик.

— Да я знаю, я все знаю! Вы изыскатели, сотрудники Концерна, правильно?

— Откуда вы знаете? — у Хино от удивления отвалилась челюсть.

— А мне сказали ребята из Кассиопейского отделения, — ответила она, уже не пытаясь сдерживать смех. Очень веселая молодая особа! — Вы приехали, чтобы расследовать дело о таинственном исчезновении груза с транспортного корабля, да?

— Совершенно верно! А вы?

Глядя своими ясными глазами на вплотную подошедшего Хино, она ответила:

— Я — Мари Кюри. Космобиолог. На этой планете нахожусь с научной целью — исследую организм пикокцев.

— Вот оно что! — заорал Хино. — Тогда вы, наверно, все знаете об этом происшествии. Будьте добры, расскажите, пожалуйста!

— К сожалению, я не была очевидцем происшествия, но не сомневаюсь, что с грузом расправились пикоккцы. Ведь они сами признались.

— Но они говорят, что съели его. Разве такое возможно?

— Ну, знаете, ведь и некоторые земные животные едят всякую всячину, неудобоваримую с нашей точки зрения. Песок, например, некоторые виды минералов... — Кажалось, она подшучивала над изыскателями. — Нет ничего удивительного, что пикоккцы съели легкие металлы. А почему — на этот вопрос они вам не ответят, слишком примитивные они существа. Хотели есть — и точка. И какая вам разница, как они приготовили это странное блюдо? Наверно, разбили приборы молотком, распилили пилой, раскрошили напильником, чтобы удобнее было жевать... Как биолог могу вам сказать только одно. Та пища, которую обычно едят пикоккцы, плохого качества и трудно переваривается. У них есть свойство накапливать в желудке твердые тела, которые потом помогают пищеварению. Также известно, что часть этих твердых тел растворяется под действием желудочного сока и усваивается их организмом. Такой уж у них странный обмен веществ. Очень сложные химические процессы. Не менее сложные, чем у млекопитающих...

— Так, так... — Хино замаялся, потом продолжал: — Признаться-то они признались... Но... нельзя же только на основе этого признания считать их виновниками хищения груза. Нет ли каких-нибудь других доказательств?

— Я понимаю, о чем вы говорите. Мол, если признались, значит, виноваты. Но в отношении пикоккцев такие понятия, как «випа» или «кража», неправомерны. Они не украли, а просто *съели!* В последнее время, когда построили базу горючего, на их планете наблюдается недостаток легких металлов. А им есть хочется! Понятно?

Вот они и взяли ваши приборы. Очень были рады — искали, искали и наконец нашли. Их цивилизация не настолько еще испорчена, чтобы делать различие между своей и чужой собственностью.

— Но нам все-таки хотелось бы каких-нибудь других доказательств... Вещественных...

— Какие там вещественные доказательства?! Они же их съели! Стерли в порошок и съели. Нечего и искать. Конечно, можно подождать, пока остатки доказательств начнут выделяться из их организма, пройдя сложный биохимический путь... Но это дело долгое. Целый месяц ждать придется.

— Все ясно! — кивнул Хино. — Признаться, я и представить себе не мог, что дело обстоит таким образом.

Хино, кажется, был в полном восторге от объяснений Мари, а скорее всего от нее самой.

Однако Сиода не разделял его восторга. Внимательно выслушав все, что говорила эта женщина, он предостерегающе положил руки на плечо Хино.

— Хино, ты, как всегда, спешишь с выводами. Не забывай, кристаллические показали нам известное тебе изображение.

— Ты что, обалдел?! — так и вскинулся Хино. — Какие могут быть сомнения?! Ведь мы не с кем-нибудь разговариваем, а с ученым-биологом. Кому же тогда верить?

— Пусть она ученый, очень хорошо. Но нельзя верить незнакомому человеку на слово. Пока что у нас только одна улика — все та же фотография, сделанная бортовой камерой грузовика. И она прямо указывает на кристаллических.

Сиода обратился к биологу:

— Я хорошо понял все, что вы сказали. И все-таки не знаю, правы вы или нет.

Глаза женщины больше не улыбались. Недоверие Сиоды, по-видимому, возмутило ее: этот человек держался с ней так, словно она была не его соплеменницей, а аборигенкой с незнакомой планеты.

— Я совершенно не нуждаюсь в вашей доверии, — вызывающе сказала она. — Я-то знаю, что говорю. А верите вы или нет, это уж ваше дело. Впрочем, неплохо бы вас проучить... Хотите пари? Я ставлю драгоценный камень, один из тех, которые добываются на КСИ-21. Пока еще его у меня нет, но его скоро привезет геолог Пир Дирош, мой жених между прочим. А вы что можете поставить?

— Места на нашем катере для вашего свадебного путешествия. Пилотирую я! — парировал Хино, который мигом изменил свое отношение к Мари, как только узнал, что она невеста.

Однако Сиода, не желавший обратить все в шутку, продолжал:

— Дело не в том, доверяем мы вам или нет. Дело в вещественном доказательстве, которое у нас уже есть. Это фотография, сделанная бортовой камерой потерпевшего грузовика. И на этой фотографии изображен Кристалл, где грузовик, видимо, останавливался для заправки. По техническим данным он не мог совершить посадку на двух планетах. Да это ему и не требовалось.

— Снимок всегда можно сделать, пролетая мимо, — сказала Мари.

— Да, но снимок, сделанный на ходу, обязательно был бы подтверждением формулы Лоренца. Мое доказательство основывается на теории относительности.

— Я не знаю вашей теории относительности, но знаю, что пикоккцы — честный и правдивый народ!

— Но послушайте! Все дело в свойствах пространства. Наш грузовик летел со скоростью $0,83\text{ с}$, так что в

соответствии с теорией относительности Эйнштейна надо вычесть...

— Да что вы пристали ко мне с вашей теорией относительности?! Терпеть ее не могу!

— Видите ли... это коэффициент сокращения... Ушла, не дослушала!..

Биолог Мари вспыхнула, гневно сжала губы и, круто повернувшись, зашагала прочь. Вскоре она скрылась за неказистыми постройками пикокцев. Сиода, провожая ее взглядом, продолжал шевелить губами, словно все еще пытался что-то объяснить. Наконец Хино прервал его тяжким вздохом.

— Да хватит тебе, Сиода, заткнись! И зачем рассердил человека? Хотя пусть злится или даже ревет, мне-то какое дело? У нее жених есть...

— Это типично женская реакция, когда ты пытаешься что-либо объяснить на основании теории относительности. Я уже привык...

— А я ее понимаю. Противно все-таки, когда материя то сокращается, то расширяется.хлопот-то сколько!..

— Как же нам быть, Хино? Если мы не найдем никакого объяснения пропажи, нехорошо получится... Зашли в тупик и не знаем, как выбраться...

— Может, попытаться еще раз побеседовать с кристаллийцами? Впрочем, зачем им точные приборы? Даже представить себе не могу...

— В том-то и дело, что они в них абсолютно не нуждаются, и с точки зрения биологии, и со всех других точек зрения... Но фотография свидетельствует против них. Давай слетаем к ним еще раз, а?

— Что ж, давай.

Пикокцев нигде не было видно — они ушли вслед за Мари. Наверно, эти существа очень дружили с биологом. Космопорт опустел. Вскоре его покинул и катер.

Сиода сидел задумчивый и мрачный как туча. Хино, поглядывая на приборы, время от времени что-то недовольно мычал. В хорошенькую они влипли историю! Если им так и не удастся ничего выяснить, лучше не показываться на глаза шефу. Хоть из Концерна уходи!

Они молчали до тех пор, пока катер не вышел из субпространства вблизи Кристалла.

— Подумать только, — сказал Хино ворчливо, — наши заправилы охают и ахают насчет пропажи груза, а о транспортерах ничуть не заботятся! Грузовики-то — старое барахло. Куда они годятся, если даже пикоккцы могут открыть люк? А фотокамера? Делает снимок, а когда, где — не известно. И главное, снимок-то без исправления! Давала бы камера исправление при любой скорости, так и не пришлось бы всем ломать голову над этой дурацкой историей. И мы бы с тобой спокойненько жили...

Сиода, казалось совсем не слушавший своего товарища, вдруг встрепенулся при слове «исправление».

— Хино, ты, кажется, сказал — исправление?

— Сказал, ну и что?

— Гм... интересно...

— Тебя осенило?

Сиода сложил руки на груди и ушел в себя. Он не ответил Хино. И разомкнул губы, только когда катер перешел на орбитальный полет вокруг Кристалла.

— Хино, ты можешь срочно установить связь с нашей главной конторой?

— Легче легкого. А зачем тебе?

— Мне нужна подборка работ по специальной теории относительности. Не забудь и работу самого Эйнштейна.

— Ладно, закажу библиотеку. Не заставлю тебя долго ждать. Ты что — по классикам соскучился?

Хино, не совсем понимая, зачем все это понадобилось Сиода, все же послал требование на субэфирных волнах. Только изыскатели Концерна имели право, находясь в любой точке космоса, срочно затребовать необходимые им материалы.

Ждать почти не пришлось. Приемник выбросил довольно увесистую пачку — подборку статей по теории относительности.

Сиода, не обращая ни малейшего внимания на Хино, бубнившего: «И зачем тебе сейчас вся эта премудрость?..», загреб пачку пятерней, заложил ее в информатор, вытащил записную книжку и принялся лихорадочно писать. Его щеки постепенно розовели, в глазах появился радостный блеск. Хино, заметивший это, хотел что-то сказать, но тут Сиода отложил в сторону информатор и широко улыбнулся.

— Хино, я все понял!

— Что понял? Изучил классиков, и сразу до тебя дошло, кто истинный преступник, кто спер груз, так, что ли?

— Нет, виновника я пока не нашел. Но понял, что мы заблуждались относительно фотографии.

— Как так заблуждались?

— А вот так... — Сиода посмотрел на возбужденного Хино и начал неторопливо объяснять: — На своих экранах мы всегда видим исправленные изображения. Допустим, мы видим два тела, движущихся на таких скоростях, когда в силу вступают законы теории относительности. Мы видим их такими, какими они являются в состоянии покоя, благодаря аппаратуре, дающей исправленное изображение. Полного сходства, конечно, не достигается, но изображение все равно исправленное. А не будь исправ-

ления, какими бы мы увидели эти тела? Разумеется, если бы обладали глазами, способными видеть в таких условиях...

— Какими? Видоизмененными. По формуле преобразования Лоренца. Все очень просто.

— Правильно. Я тоже так считал. И в этом была наша ошибка. Мне это пришло в голову, когда ты сказал «исправление», помнишь? А перечитав работы классиков, я убедился, что прав. Наше зрение, так же как и наши фотокамеры, в обычном своем состоянии никогда не может уловить и зафиксировать лоренцево сокращение.

— Как же так? Надеюсь, в самой теории относительности нет ошибки?

— Разумеется, нет. Формула Лоренца выражает основное свойство нашего мира. Она абсолютно верна для двух систем координат, движущихся с постоянными скоростями параллельно друг другу. Однако действительное движение, которое мы можем зафиксировать фотокамерой или увидеть глазами, абсолютно неравноценно математическому преобразованию координат...

— Кажется, я начинаю что-то понимать...

— Если выражаться точно, мир, где действует формула Лоренца, мы воспринимаем через оптическую систему. И если мы не свяжем уравнения геометрической оптики с формулой Лоренца, то и не сможем получить правильного ответа на вопрос, каким нам будет видаться предмет.

— А ты ведь прав!— Хино хлопнул в ладоши.— Кажется, я даже изучал эту науку. Давным-давно, правда.

— И я позабыл! А это ведь азы физики...

— Но сейчас ты все освежил в памяти. А ну-ка, объясни мне вкратце суть дела!

— Оптику с преобразованием Лоренца впервые связал Р. Пэнроуз. Примерно в 1959 году он доказал, что сферическое тело, движущееся с большой скоростью, мы

видим не как сплюснутый диск, а таким, какое оно есть на самом деле, то есть в виде шара. В том же году Джеймс Галер еще глубже изучил эту проблему. Затем было доказано, что кубическое тело при тех же условиях представляется нам не сокращенным, а вращающимся. Далее, Юлиус Ранингер изучил преобразование стержня, Рой Вейнштейн сделал доклад о кажущейся длине одномерного стержня. В 1961 году М. Л. Бос доказал, что сферическое тело при любой скорости с любой точки наблюдения никогда не видится сплюснутым и что стержень видится согнутым. Кроме того, ряд других ученых опубликовал работы на эту тему — Х. А. Атуотер, К. Х. Шервин, Дж. Д. Скотт, М. Р. Байнер. Таким образом, вопрос был исчерпан.

Итак, в настоящее время установлено: при визуальном наблюдении или фотографировании движущихся относительно друг друга с околосветовой скоростью сред в результате сочетания преобразования Лоренца, специальной теории относительности и оптики происходит следующее. Стержень в зависимости от условий места и времени кажется удлинненным, укороченным или согнутым, куб — вращающимся, а сферическое тело — вращающимся сферическим телом. Иными словами, оно при любых обстоятельствах сохраняет контуры шара. Для людей того времени это было поразительным открытием.

— Да и для нас тоже, — сказал Хино. — Ведь мы заблуждались самым идиотским образом!

— К сожалению, ты прав. Мы привыкли смотреть на исправленные изображения и фотографии и преобразование Лоренца считали само собой разумеющимся. Вот нам и казалось, что соотношение $\sqrt{1 - (v/c)^2}$ можно наблюдать визуально.

— Да, мы с тобой круглые идиоты, дальше некуда... Послушай, Сиода, ведь все эти работы, о которых ты го-

ворил, были опубликованы гораздо позже теории относительности Эйнштейна... Неужели раньше никто этого не заметил? Например, сам Эйнштейн?

— Меня это тоже заинтересовало. В первую очередь Лоренц, который еще до Эйнштейна вывел свою знаменитую формулу преобразования. В книге «Лекции по теоретической физике» он говорит, что «сокращение можно сфотографировать». То есть целиком и полностью ошибается. Затем Эйнштейн в своей исторической статье, скромно названной «К электродинамике движущихся сред», то есть в первой публикации по теории относительности, пишет, что твердое тело, которое в состоянии покоя выглядит как шар, при движении — если производить наблюдение из «неподвижной точки» — принимает форму эллипса, превращается в плоскую фигуру. Вот так-то. Судя по этому отрывку, Эйнштейн и сам не догадывался о связи проблемы с оптикой.

— Н-да... Значит, сам Эйнштейн ошибался.

— Это как сказать. Винить Лоренца или Эйнштейна неправильно. Ведь они изучали свойства пространства-времени, а не технику фотографирования тел, летящих на больших скоростях. Меня удивляет другое. Прошло целых пятьдесят лет, пока другие ученые сделали это открытие. Просто не замечали... Как и мы, впрочем.

— Правильно. Мне никогда и в голову не приходило...

— В формулу Лоренца вообще долго не верили, а когда поверили, решили, что это явление можно наблюдать визуально. Однажды известный физик двадцатого века написал интересную научно-популярную книгу «Страна чудес Томкинс». В этой книге он рассказывал о чудесной стране, где скорость света составляла всего двадцать километров в час. Там есть иллюстрации, на которых изображены улицы, автомобили и велосипеды, сплюснутые, как блин. Разумеется, это было ошибкой,

но ошибки никто не замечал, и книга долгое время пользовалась популярностью. Однажды автору все же указали, что он не прав. Тогда он опубликовал в одном физическом журнале статью, в которой оправдывался, говоря, что, если фотографировать со вспышкой или с радарными приборами, фотография соответствует формуле преобразования Лоренца. Это, конечно, верно, но вообще-то практически нельзя наблюдать лоренцево сокращение ни визуально, ни на фотографии...

— Да, страшная штука предвзятое мнение...

Хино замолчал. Ему было обидно, что они чуть было не зашли в тупик из-за неправильно истолкованной фотографии. Но в то же время он испытывал облегчение.

Дело о пропаже груза транспортного корабля перестало быть загадкой.

Фотография ничего не доказывала, поскольку, как они теперь установили, она могла быть сделана во время полета и скорость не играла никакой роли: в любом случае планета получилась бы на снимке круглой. Изображение кормовой части корабля, которую им показал кристаллиец, тоже ни о чем не говорило — кристаллиец мог наблюдать грузовик не только в момент посадки или старта, но и во время сверхскоростного полета.

В конечном счете вопрос должна была решить биология. Изыскатели Концерна снова отправились на Пикокк. Пришлось немного подождать, но ждали они не напрасно: пикоккцы, эти милые, правдивые существа, по истечении месяца очень их обрадовали, выделив из своих организмов прямые улики.

Теперь Хино и Сиода уже больше не трепетали перед своим шефом. Со спокойной совестью они вернулись на Землю. Однако на этом их приключения не кончились.

Через несколько месяцев они вынуждены были отправиться в путешествие, вызвавшее у них немалую досаду.

Выполняя условия пари, Хино и Сиоде пришлось кататься на катере двух молодоженов — биолога Мари Кюри и геолога Пира Дироша. Парочка решила совместить приятное с полезным — использовать космическую прогулку для некоторых исследований по своим специальностям.

Катер вывели из ангара без ведома шефа. Хмурый, все время дувшийся Хино занял кресло первого пилота.

— А все из-за тебя, — ворчал он, косясь на Сиоду. — Я тогда совсем было поверил Мари, а ты начал разводить всякую ерундистику. Теперь приходится расхлебывать.

— Каюсь, виноват, — выдавил Сиода. — Я ведь не нарочно. Хотел теоретически обосновать вопрос и допустил ошибку...

— Ладно, чего уж теперь...

Хино не мог долго сердиться на Сиоду, тем более что не сам он все-таки разобрался в той загадке. Некоторое время он с тоской смотрел на приборы, потом заговорил серьезным тоном:

— Знаешь, о чем я подумал?.. Лоренцева формула для нас, людей, — явление таинственное. Ее ведь открыли благодаря специальным опытам, подкрепленным оригинальной теорией гениальных ученых. Интересно бы узнать мнение кристаллийцев на этот счет. Ведь они в своем обычном состоянии двигаются по законам теории относительности и наблюдают субсветовые тела...

— Для них, я думаю, здесь тоже немало таинственного... — Сиода по привычке склонил голову набок. — Они со дня рождения могут наблюдать формы, которые получаются в результате сочетания формулы Лоренца и законов оптики, иными словами, видят все в иллюзорном свете. Наверно, они считают естественным, что форма

движущегося тела отличается от формы тела в состоянии покоя... Не знаю, известно ли им преобразование Лоренца. В их условиях открыть это явление и вывести соответствующее уравнение гораздо труднее, чем в наших.

— Очень возможно, — Хино кивнул. — Такое и с нами часто бывает: мелочи замечаешь сразу, а главное упускаешь...

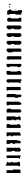
Некоторое время он добросовестно копался в приборах, потом откинулся на спинку кресла, очевидно почувствовав отвращение к автоматике, и снова заговорил:

— До чего же противно! Делать абсолютно нечего, сиди и волей-неволей слушай сюсюканье молодоженов. Будем надеяться, что это в первый и последний раз.

Молодые сердца Хино и Сиоды начинали учащенно биться, когда они представляли себе парочку, устроившуюся в салоне катера, отделенном от рубки тонкой перегородкой. Но это было еще ничего. А вот когда они вспомнили слова невесты, сказанные жениху перед стартом, их охватило настоящее бешенство. Вот что сказала Мари, нарочито громко, чтобы все слышали:

— Знаешь, дорогой, я просто боготворю старика Эйнштейна и его теорию относительности!

РОБЕРТ
ЯНГ

**ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ,
МИСТЕР КИТС**

Хаббарду уже доводилось видеть куиджи, но хромую куиджи он встречал впервые.

Правда, если не считать ее искривленной левой лапки, она, в сущности, не отличалась от прочих птиц, выставленных на продажу. Тот же ярко-желтый хохолок и ожерелье в синюю крапинку, те же прозрачно-синие бусинки глаз и светло-зеленая грудка, так же причудливо изогнутый клюв и то же странное, нездешнее выражение. Она была около шести дюймов длиной и весила, должно быть, граммов тридцать пять.

Хаббард вдруг спохватился, что уже давно молчит. Девушка с высокой грудью, в наимоднейшем полупрозрачном платье вопросительно смотрела на него из-за прилавка.

— Что у нее с лапкой? — спросил он, откашлявшись. Девушка пожала плечами.

— Сломали во время погрузки. Мы снизили на нее цену, но все равно ее никто не купит. Покупатель желает, чтобы они были первый сорт, без всяких изъянов.

— Понятно, — сказал Хаббард. И стал вспоминать то небольшое, что знал о куиджи: родом они из Куиджи, полудикого захолустья Венерианской тройственной республики; с первого или со второго раза запоминают все, что им скажешь; отзываются на сколько-нибудь знакомое слово; легко приспосабливаются к новым условиям,

однако размножаются только у себя на родине, поэтому для продажи приходится доставлять их на Землю с Венеры; по счастью, они очень выносливы и выдерживают ускорение и торможение, перелет им не опасен.

Перелет...

— Выходит, она была в космосе! — вырвалось у Хаббарда.

Девушка скорчила гримаску и кивнула.

— Космос — для птиц, я всегда это говорила.

От него, конечно, ждали, что он рассмеется. Он даже и попытался было. В конце концов, откуда девушке знать, что он бывший космонавт. С виду он самый обыкновенный человек средних лет, немало таких слоняется в этот февральский день по магазинам стандартных цен. И все-таки рассмеяться не удалось, хотя он старался изо всех сил.

Девушка как будто ничего не заметила.

— Интересно, почему одни только чокнутые летают к звездам, — продолжала она.

Потому что только они способны справиться с одиночеством, да и то лишь на какое-то время, — чуть не сказал Хаббард. Но вместо этого спросил:

— А что вы с ними делаете, если их никто не покупает?

— С кем, с птицами? Ну, берут бумажный мешок, накачивают туда немного природного газа... совсем немного... а потом...

— Сколько она стоит?

— Вы про хроющую?

— Да.

— Значит, вы вивисектор, да?.. Шесть девяносто пять, и еще семнадцать пятьдесят за клетку.

— Я ее беру, — сказал Хаббард.

Нести клетку было неудобно, чехол то и дело сползал,

и всякий раз куиджи издавал громкий писк — в аэробусе, а потом и на улице предместья все оборачивались и пялили глаза, и Хаббард чувствовал себя дурак-дураком.

Он надеялся проскользнуть в дом и подняться к себе в комнату так, чтобы сестра не углядела его покупку. Напрасная надежда. От Элис ничего не скроешь.

— Ну-ка, на что это ты выбросил свои денежки? — спросила она, появляясь в прихожей в ту самую минуту, как он переступил порог.

Хаббард покорно обернулся и ответил:

— Это птица куиджи.

— Птица куиджи!

На лице Элис появилось то самое выражение, которое он уже давно определил как «настырно-воинственное и обиженное»: она раздула ноздри, поджала губы и втянула щеки. Сорвала чехол и острым глазом впиалась в клетку.

— Ну, как вам это понравится? — воскликнула Элис. — Да еще хромая!

— Но ведь это не чудовище какое-нибудь, — сказал Хаббард. — Просто птица. Совсем маленькая пичуга. Ей не нужно много места, и я позабочусь, чтобы она никому не мешала.

Элис смирила его долгим ледяным взглядом.

— Да уж постарайся! — процедила она. — Прямо не представляю, как к этому отнесется Джек. — Она круто повернулась и пошла прочь. — Ужин в шесть, — бросила она через плечо.

Он медленно поднимался по лестнице. Его охватила усталость, ощущение безысходности. Да, правильно говорят: чем дольше пробудешь в космосе, тем меньше надежды вновь найти общий язык с людьми. Космос большой, и в космосе к тебе приходят большие мысли; там читаешь книги, написанные большими людьми. Там

меняешься, становишься другим... и в конце концов даже родные начинают видеть в тебе чужака.

А ведь, право же, стараешься быть точно таким, как все, кто окружает тебя на земле. Стараешься и говорить то же, что они, и поступать так же. Даешь себе слово никогда никого не называть крабом. Но рано или поздно с языка неизбежно срывается что-нибудь непривычное для их ушей либо поступаешь не так, как у них принято, и в тебя впадают враждебные взгляды, и всюду враждебные лица, и в конце концов неизбежно становишься отверженным. Разве можно цитировать Шекспира в обществе, чей бог — какой-то розовощекий филантроп за рулем кадиллака с крылышками? Разве можно признаться, что любишь Вагнера, когда твоя цивилизация упивается ковбойскими опереттами?

Разве можно купить хромую птицу в мире, который забыл (а быть может, никогда и не знал), что значат слова «почитай все живое».

Двадцать пять лет, думал Хаббард. Я отдал лучшие свои годы. А что получил взамен? Четыре стены, отгораживающие меня от всего мира, и жалкую пенсию, которой не хватает даже на то, чтобы сохранять чувство собственного достоинства.

И все-таки он не жалеет об этих годах; величественное, неторопливое течение звезд, непередаваемый миг, когда в поле твоего зрения всплывает новая планета — из золотого, зеленого или лазурного пятнышка превращается в шар и заслоняет собою весь космос. И прибытие, когда новый мир доверчиво приветствует тебя, возвещает о красотах — упоительных и пугающих, о неведомых горизонтах, о цивилизациях, что и во сне не снились темному человеку-крабу, который никогда не узнает вдохновения и ползает по дну глубокого океана земной атмосферы, придавленный ее миллионнотонной тяжестью.

Нет, он не жалеет об этих годах, хоть они и дорого ему дались. За все стоящее приходится платить дорогой ценой, а если у тебя не хватает смелости платить, на всю жизнь остаешься нищим. Тогда ты нищий духом и умом.

Господство духа над плотью, глубокий и чистый поток мысли: беспрепятственно проходишь по надежным коридорам знания, с трепетом вступаешь в храмы, воздвигнутые из слов; и в редкие ослепительные мгновения взору открывается звездный лик божества.

И те, другие мгновения тоже, когда душе, потрясенной одиночеством, открываются бездонные глубины ада...

Хаббард вздрогнул. И вновь медленно опустился на дно океана. Перед ним была унылая дверь его комнаты. Он неохотно взялся за ручку, повернул ее.

Напротив двери — шкаф, битком набитый старыми, очень старыми книгами. Справа — какая-то развалина, которую он искренне почитал за письменный стол, только в ящиках хранились не бумаги, не перья, не бортовой журнал, а нижнее белье, носки, рубашки и прочее снаряжение, все то, что смертный обычно наследует от предков. Кровать, узкая и жесткая, с его точки зрения именно такая, как полагается, стояла у окна, точно несгибаемый спартанец, на полу из-под края покрывала чуть выглядывали запасные башмаки.

Хаббард поставил клетку на стол, снял пальто и шляпу. Куиджи одобрительно оглядел свой новый мир, припадая на левую ногу, соскочил с жердочки и принялся клевать зерна пива из посудинки, которая продавалась вместе с клеткой. Хаббард некоторое время наблюдал за ним, потом сообразил, что невежливо смотреть, как другой ест, даже если этот другой всего лишь птица; повесил пальто и шляпу в стенной шкаф, прошел через коридор в ванную и умылся. Когда он вернулся, куиджи уже покон-

чил с трапезой и теперь задумчиво себя рассматривал: в клетке было и зеркальце.

— Пожалуй, пора дать тебе первый урок,— сказал Хаббард.— Поглядим, как ты справишься с Китсом. «Красота — это истина, истина есть красота — только это и ведомо вам на Земле, только это вам надобно знать».

Куиджи, склонив голову на бок, глядел на него синим глазом. Стремглав убегали секунды.

— Ладно,— сказал наконец Хаббард,— попробуем еще раз: «Красота — это истина...»

— Истина есть красота — только это и ведомо вам на Земле, только это вам надобно знать!

Хаббард отшатнулся. Слова эти сказаны были почти без выражения, довольно скрипучим голосом. Но все равно они звучали четко и ясно, и это впервые в жизни — если не считать разговоров с другими космонавтами — он слышал слова, которые не имели никакого отношения к телесным нуждам или отправлениям. Он провел ладонью по щеке — оказалось, рука слегка дрожит. Ну почему он давным-давно не догадался купить куиджи?!

— По-моему,— сказал он,— прежде чем двигаться дальше, надо дать тебе имя. Пускай будет Китс, раз уж мы с него начали. Или, пожалуй, лучше Мистер Китс, ведь надо же обозначить, какого ты пола. Конечно, я действую наобум, но мне не пришло в голову спросить в магазине, мужчина ты или женщина.

— Китс,— сказал Мистер Китс.

— Прекрасно! А теперь попробуем строчку-другую из Шелли.

(Краешком сознания Хаббард уловил, что к дому подъехала машина, слышал голоса в прихожей, но, поглощенный Мистером Китсом, не обратил на это никакого внимания.)

Скажи, звезда с крылами света,
Скажи, куда тебя влечет?
В какой пучине непроглядной
Окончишь огненный полет?

— *Скажи, звезда...* — начал Мистер Китс.

— Значит, это правда. Только этого не хватало в моем доме — птицы кунджи, которая декламирует стихи! Хаббард нехотя обернулся. На пороге стоял его зять. Обычно Хаббард запирает дверь. А сегодня забыл.

— Да, — сказал Хаббард. — Она декламирует стихи. Разве это запрещено законом?

— ...с крылами света... — продолжал Мистер Китс.

Джек помотал головой. Ему было тридцать пять, выглядел он на все сорок, а соображения — как у пятнадцатилетнего.

— Нет, не запрещено, — сказал он. — А надо бы запретить.

— *Скажи, куда тебя влечет?..*

— Не согласен, — сказал Хаббард.

— *В какой пучине непроглядной...*

— И еще нужен бы закон, чтобы запрещалось приносить их в дома, где живут люди.

— *Окончишь огненный полет?*

— Ты что, хочешь сказать, что мне нельзя держать ее у себя?

— Не совсем так. Но предупреждаю, держи ее от меня подальше! Сам знаешь, они носители микробов.

— Ты тоже, — сказал Хаббард. Он не хотел этого говорить, но не удержался.

Джек раздул ноздри, поджал губы и втянул щеки. Забавно, подумал Хаббард, после двенадцати лет совместной жизни у мужа и жены становится совершенно одинаковое выражение лица.

— Держи ее подальше от меня, вот и все! И от детей тоже. Я не желаю, чтобы она отравляла их мозги треску-чей болтовней, которой ты ее учишь!

— Можешь не волноваться, я буду держать ее подальше от детей.

— Мне уйти, что ли?

— Да.

Джек так хлопнул дверью, что в комнате все задрожало. Мистер Китс чуть не проскочил меж прутьев клетки. Хаббард в бешенстве кинулся было из комнаты.

Но сразу остановился. Стоит ли давать им тот самый повод, которого они только и ждут, чтобы выставить его из дому? Пенсия у него ничтожная, с нею никуда не пересялишься — разве что в Зброшенныя дома, — а наниматься куда попало на работу просто ради денег — это не по нем. Рано или поздно он неминуемо выдаст себя перед сослуживцами, как случилось с ним всегда и везде, и либо оговором и напраслиной, либо насмешками его все равно выживут с работы.

С тяжелым сердцем он шагнул назад, в комнату. Мистер Китс уже немного успокоился, но его бледно-зеленая грудка все еще поднималась и опускалась слишком часто. Хаббард склонился над клеткой.

— Извини, Мистер Китс, — сказал он. — Наверно и у птиц, как у людей: будь как все, не то плохо тебе придется.

К ужину он опоздал. Когда он вошел в столовую, Джек, Элис и дети уже сидели за столом, и до него донесли слова Джека:

— Я сыт по горло его наглостью. В конце концов, куда бы он девался, если бы не я? Докатился бы до Зброшенных домов!

— Я с ним поговорю,— сказала Элис.

— Хоть сейчас,— сказал Хаббард, сел к столу и вскрыл свой пакет с синтетическим ужином.

Элис бросила на него оскорбленный взгляд, нарочно приберегаемый для таких случаев.

— Джек только что мне рассказал, как грубо ты с ним обошелся. Не мешало бы тебе извиниться. В конце концов, это ведь его дом.

У Хаббарда внутри все дрожало от напряжения. Обычно, всякий раз как его попрекали, что он живет здесь из милости, он отступал. Но сегодня он почему-то не мог отступить.

— Да, конечно, вы дали мне крышу над головой и кормите меня, и за то и за другое я плачу вам слишком мало, так что от меня нет никакой выгоды. Но подобная щедрость вряд ли дает вам право покушаться на частицу моей души всякий раз, как я пытаюсь отстоять свое человеческое достоинство.

Элис тупо на него поглядела. Потом сказала:

— Кому нужна частица твоей души? Почему ты так странно говоришь, Бен?

— Он так говорит, потому что он был астронавтом,— прервал Джек.— В космосе они все так разговаривают... сами с собой, конечно. Это помогает им не спать... или не замечать, что они уже спятили!

Восьмилетняя Нэнси и одиннадцатилетний Джим разом захихикали. Хаббард отрезал небольшой кусочек от своего почти настоящего бифштекса. Все внутри дрожало еще мучительнее. А потом он подумал о Мистере Китсе и дрожь унялась. Он холодно огляделся. Впервые за многие годы он не боялся.

— Если вот это собрание соответствует норме,— сказал он,— тогда мы, наверно, и в самом деле спятили. Слава богу! Значит, еще не все потеряно!

У Джека и Элис лица стали точно туго натянутые маски. Но оба промолчали. Ужин продолжался. Хаббард обычно ел мало. Он редко бывал голоден.

Но сегодня у него был отличный аппетит.

Назавтра была суббота. Субботним утром Хаббард всегда мыл машину Джека. Но нынче он не стал этого делать. После завтрака он ушел к себе и три часа провел с Мистером Китсом. На сей раз занялись Декартом, Ницше и Хьюмом. Правда, с прозой Мистер Китс справлялся не так блестяще. Из каждой темы он запоминал лишь одну-две фразы, не больше.

Его сильным местом явно была поэзия.

Днем Хаббард по обыкновению побывал на космодроме, смотрел, как садятся и взлетают межпланетные гиганты ближних линий. «Пламя» и «Странник», «Обещание» и «Песнь». Хаббард больше всех любил «Обещание». Когда-то он и сам всплывал на нем, — кажется, что это было очень, очень давно, а ведь на самом деле прошло не так уж много времени. Каких-нибудь два-три года, не больше... Переправлял снаряжение и людей на орбитальные сортировочные станции, на Землю доставлял бокситы с созвездия Центавра, руду с Марса, хром с Сириуса и прочие полезные ископаемые, в которых нуждается человек, чтобы питать свою хитроумную цивилизацию.

Сначала ходишь в ближние рейсы, это как бы прелюдия, а потом становишься пилотом орбитальной станции. Тут можно проверить, по силам ли тебе пугающее мгновение, когда всплываешь со дна и начинаешь вольно плыть по усеянному звездными островами океану космоса. Если ты справился с этим, не испугался и не отступил, значит, годишься для работы на больших кораблях, что уходят в дальние и длительные рейсы.

Вся беда в том, что, сколько ни старайся, с годами твой внутренний мир как бы ссыхается. И мало-помалу становится все труднее выносить одиночество дальних перелетов; одиночество растет и подавляет тебя, и тогда уже не спасают ни коридоры знаний, ни храмы, воздвигнутые из слов, оно подавляет тебя, и ты теряешь над собой власть — чем дальше, тем чаще, и в конце концов тебя списывают с корабля и обрекают до конца жизни ползать по дну океана. Если бы водить космический грузовик дальнего следования было сложно и ты все время был бы занят делом, а не просто нес долгую одинокую вахту в кабине, заполненной самоуправляющимися приборами, или если бы перелеты на межзвездных лайнерах и иных космических кораблях стоили не так дорого и каждый грамм груза не был бы на счету... ведь сейчас и думать нечего взять с собой хоть что-нибудь сверх самого необходимого... вот тогда все было бы иначе.

Если бы... думал Хаббард, стоя в снегу у ограды космодрома. Если бы... думал он, глядя, как приземляются корабли, как к ним подкатывают огромные автопогрузчики и наполняют свои прожорливые бункеры рудой, бокситом, магнием. Если бы... думал он, наблюдая, как малые корабли уходят сквозь голубизну ввысь, туда, где по беззвучному океану плывут гигантские орбитальные станции...

Тени становились длиннее, день клонился к вечеру, и он, как всегда, заколебался — не пойти ли к Маккаффри, начальнику космодрома. И, как обычно, и все по той же причине, решил, что не стоит. Причина была та же, что заставляла его избегать общества таких же, как и он сам, бывших космонавтов: встречи эти пробуждали слишком острую, слишком мучительную тоску.

Он повернулся, прошел вдоль ограды к воротам и, дождавшись аэробуса, отправился домой.

Наступил март, зима незаметно перешла в весну. Дожди смыли снег, по канавам побежали грязные ручьи, лужайки обнажились. Прилетели первые малиновки.

Хаббард приколотил для Мистера Китса жердочку у окна. И Мистер Китс сидел там весь день, только время от времени залетал в свою клетку подкрепиться зернами пива. Больше всего он любил утро: по утрам солнце, золотое, ослепительное, поднималось над крышей соседнего дома, и, когда ослепительная волна ударяла в окно и вливалась в комнату, он принимался стремительно летать, в радостном иступлении выписывал восьмерки, петли, спирали, громко щебетал, садился на жердочку и даже ухитрялся подскакивать на одной ножке — золотая пылинка, крылатая живая частица самого солнца, частица утра, оперенный восклицательный знак, утверждающий каждое новое чудо красоты, которое дарил день.

Благодаря урокам Хаббарда репертуар его становился все обширнее. Стоило произнести фразу, в которой было хотя бы одно уже знакомое ему слово, способное вызвать какой-то отклик, и он отвечал любой цитатой, от Ювенала до Джойса, от Руссо до Рассела или от Эврипида до Элиота. У него было пристрастие к двум первым строкам «Берега у Дувра», и он часто декламировал их сам по себе, без всякого повода.

Все это время сестра и зять не докучали Хаббарду, просто оставили его в покое. Даже о том, что он уклоняется от своей субботней обязанности — перестал по утрам мыть машину, — ничего не сказали, даже о Мистере Китсе ни разу не упомянули. Но Хаббарда было не так-то легко провести. Они выжидали, и он это понимал, выжидали какого-нибудь подходящего случая, выжидали, когда он забудет об осторожности, чтобы с ним рассчитаться.

Он не слишком удивился, когда, вернувшись однажды с космодрома, увидел, что Мистер Китс притулился на

жердочке в углу клетки — он был весь какой-то несчастный, взъерошенный, и в его синих глазах застыл испуг.

Позднее, за ужином, Хаббард заметил, что по столовой крадется кошка. Но он ничего не сказал. Кошка — психологическое оружие: раз уж хозяин дома позволил, чтобы ты держал милую тебе зверушку, ты вряд ли можешь возразить, если он завел любимчика другой породы. Хаббард просто купил новый замок и сам вставил его в дверь своей комнаты. Потом купил новую задвижку для окна и всякий раз, уходя из дому, проверял, хорошо ли закрыты окно и дверь.

И принялся ждать следующего их шага.

Ждать пришлось недолго. На этот раз им незачем было изобретать, как бы избавиться от Мистера Китса, удобный случай сам подвернулся.

Однажды вечером Хаббард спустился в столовую и, едва взглянув на них, понял, что час настал. Это можно было прочесть и по лицам детей — не столько по тому, как они на него смотрели, сколько по тому, как избегали встречаться с ним взглядом. Газетная вырезка, которую сунул ему Джек, словно бы даже разрядила напряжение.

«Куиджи-лихорадка поразила семью из пяти человек, Дитвил, штат Миссури, 28 марта 2043 года. Сегодня доктор Отис Фарнэм определил заболевание, которое одновременно уложило в постель мистера и миссис Фред Крадлоу и их троих детей, как куиджи-лихорадку.

Недавно миссис Крадлоу купили в местном магазине стандартных цен пару птиц куиджи. Несколько дней назад вся семья Крадлоу стала жаловаться на боль в горле и на ломоту в руках и ногах. Пригласили доктора Фарнэма. «То обстоятельство, что куиджи-лихорадка лишь немногим серьезнее обыкновенной простуды, не должно влиять на наше отношение к этому никому не нужному

заболеванию,— сказал доктор Фарнэм в своем заявлении для печати.— Я давно возмущался, что у вас совершенно бесконтрольно продают этих внеземных птиц, и я намерен немедленно обратиться во Всемирную медицинскую ассоциацию с предложением, чтобы во всем мире все птицы, доставленные с Венеры и находящиеся в магазинах стандартных цен, а также купленные разными людьми, которые содержат их у себя дома, были подвергнуты тщательнейшему осмотру. Куиджи не приносят никакой пользы, и без них на Земле будет только лучше».

Хаббард дочитал и невидящим взглядом уставился в стол. В глубине его сознания жалобно пискнул Мистер Китс.

Джек сиял.

— Вот видишь, я говорил, что они — разносчики микробов,— сказал он.

— Доктор Фарнэм — тоже разносчик,— возразил Хаббард.

— Ну что ты говоришь! — вмешалась Элис.— Какие микробы может разносить доктор?

— Те самые, которые разносят все надутые, беспринципные людишки, скажем вирусы «жажда славы»... «необдуманное действие», «ненависть ко всему непривычному»... Этот провинциал, обыватель на все готов, лишь бы добиться известности. Дай ему волю, он бы собственными руками истребил всех птиц куиджи во всем мире.

— Что ни толкуй, а на этот раз не вывернешься,— сказал Джек.— В статье ясно сказано, что держать птиц куиджи опасно.

— И собак, и кошек тоже... И автомобили. Если ты прочтешь о несчастном случае, об автомобильной катастрофе в Дитвиле, штат Миссури, ты что же, расстанешься со своей машиной?

— Ты про мою машину лучше молчи! — закричал

Джек.— И чтоб завтра же утром здесь и духу не было этой паршивой птицы, а не то убирайся отсюда сам!

Элис потянула его за руку.

— Джек...

— Заткнись! Надоели мне его пышные слова. Воображает, что раз он когда-то был космонавтом, так мы ему в подметки не годимся. Задирает перед нами нос оттого, что мы живем на Земле.— Джек повернулся лицом к Хаббарду и продолжал, тыча в него пальцем:— Ну хорошо, скажи мне, раз уж ты такой умник! Долго бы, по-твоему, просуществовали космонавты, если бы не было нас, которые ходят по земле и потребляют и используют все, что вы привозите с этих проклятых планет? Не будь потребителя, во всем небе не летал бы ни один корабль. Цивилизации, и той бы не было!

Хаббард смерил его долгим взглядом. Потом встал из-за стола и произнес то самое слово, которое он обещал себе никогда не бросать в лицо прикованному к Земле смертному — самое страшное ругательство в языке космонавтов, сокровенный смысл которого непостижим для тупых подслеповатых тварей, ползающих по дну океана...

— Краб! — сказал он и вышел из комнаты.

Когда он поднялся по лестнице, руки его все еще дрожали. Он помедлил перед своей дверью, пока дрожь не унялась. Не надо Мистеру Китсу видеть, как он подавлен.

Он поймал себя на этой мысли и задумался. Не следует чересчур очеловечивать животных. Хоть и кажется, что в Мистере Китсе много человеческого, он всего лишь птица. Он может разговаривать, и у него есть характер и свои симпатии и антипатии, но все-таки он не человек.

Ну а Джек разве человек?

А Элис?

А их дети?

Н-ну... разумеется.

Почему же тогда он предпочитает общество Мистера Китса?

Потому что Элис, Джек и их дети живут в другом мире, в мире, который Хаббард давным-давно покинул и в который уже не в силах вернуться. Мистер Китс тоже не принадлежит к тому миру. Он тоже отверженный, и с ним возможно то, в чем больше всего нуждается человек,— общение.

И он весит всего каких-то тридцать пять граммов...

Хаббард как раз вставлял новый ключ в новый замок, когда мысль эта пришла ему в голову и словно прозрачным ледяным вином омыла его душу. Руки его вдруг снова задрожали.

Но теперь это было уже неважно.

— Садись, Хаб, — сказал Маккафри. — Тысячу лет тебя не видел.

Хаббард так долго шел по космодрому и так долго ждал в переполненной приемной, в глубине которой холодно мерцало матовое стекло двери, что уже не чувствовал прежней уверенности. Но ведь Маккафри старый друг. Кто же его поймет, если не Маккафри? Кто еще ему поможет?

Хаббард сел.

— Не стану отнимать у тебя время на пустые разговоры, Мак, — сказал он. — Я хочу снова летать.

В руке у Маккафри был зажат карандаш. Рука опустилась, и острый кончик карандаша дробно, отрывисто застучал по столу.

— Наверно, незачем напоминать, что тебе уже сорок пять, и самообладание изменяло тебе много раз, больше, чем допускают правила, и что, если ты полетишь и оно снова тебе изменит, ты лишишься жизни, а я — работы.

— Да, об этом напоминать незачем,— сказал Хаббард,— ты знаешь меня двадцать лет, Мак. Неужели ты думаешь, я просил бы разрешения лететь, если бы не был твердо уверен, что справлюсь?

Маккафри поднял карандаш, снова опустил. Острый его кончик застыл, уткнувшись в одну точку, а в ушах все еще звучало озабоченное постукивание.

— А откуда у тебя такая уверенность?

— Если самообладание мне не изменит, я скажу тебе, когда вернусь. А если изменит, ты скажешь, что я украл корабль. Тебе это нетрудно уладить.

— Все нетрудно... только ведь меня совесть заест.

— А когда ты сейчас смотришь на меня, твоя совесть молчит?

Карандаш снова застучал по столу. Тук-тук-тук... тук-тук...

— Говорят, у тебя есть акции «Межзвездных сообщений», Мак, ты вложил в это дело капитал.

Тук-тук-тук... тук-тук...

— Я оставил на «Межзвездных» кусок души. Значит, ты вложил капитал и в меня.

Тук-тук-тук... тук-тук...

— Я знаю, что доход или убыток может зависеть от каких-нибудь ста или двухсот фунтов. Я не виню тебя, Мак. И я знаю; пилоты — товар дешевый. Чтобы научиться нажимать на кнопки, много времени не требуется. Но все равно, подумай, сколько денег сэкономят «Межзвездные», если пилот сумеет прослужить не двадцать лет, а сорок.

— Ты в первую же минуту сможешь сказать, не ошибся ли,— задумчиво сказал Маккафри.— Как только вынырнешь на поверхность.

— Верно. В первые же пять минут мне все станет ясно. А через полчаса узнаешь и ты.

Маккафри вдруг решил.

— На «Обещании» нет пилота...— сказал он.— Будь здесь завтра утром в шесть ноль-ноль. Секунда в секунду.

Хаббард встал. Дотронулся до щеки и почувствовал, что она мокрая.

— Спасибо, Мак. Я никогда этого не забуду.

— Уж пожалуйста, старый ты журавль! И постарайся вернуться в целости и сохранности, не то не знать мне покоя до конца моих дней.

— До встречи, Мак.

Хаббард поспешно вышел. До шести ноль-ноль еще столько дел. Соорудить специальный ящичек, побеседовать напоследок с Мистером Китсом...

Господи, как давно он не поднимался на рассвете. Он уже забыл этот цвет спелого арбуза, в который окрашивается восточный край неба на заре, забыл, как неторопливо, спокойно и величественно свет заливает землю. Забыл все самое прекрасное, все кануло в прошлое. Это ему только казалось, что он помнит. Чтобы понять, как много утрачено, надо пережить все заново.

В пять сорок пять он сошел с аэробуса у ворот космодрома. Сторож был новый, он не знал Хаббарда. По просьбе Хаббарда он вызвал Мака. Тот сразу же распорядился, чтоб его пропустили. Хаббард пустился в долгий путь по космодрому, стараясь не смотреть на высокие шпили кораблей ближнего следования, которые, точно волшебные замки, возвышались на фоне лимонно-желтого неба. За годы, проведенные на Земле, он отвык от космического комбинезона и неуклюже шагал в тяжелых башмаках. Руки он засунул в глубокие, вместительные карманы куртки.

Мак стоял возле «Обещания» на краю стартовой площадки.

— В шесть ноль девять встретишься с «Канаверал», — сказал он. И больше не произнес ни слова. Что тут было говорить?

Перекладины трапа были просто ледяные, руки сразу онемели. Казалось, трапу не будет конца. Нет, вот и конец. Задохнувшись, Хаббард шагнул в люк. Помахал Маку. Потом закрыл люк и шагнул в тесную кабину управления. Закрыл за собой дверь кабины. Сел в кресло пилота и пристегнулся. Потом достал из кармана куртки ящичек с дырками. Вынул из него Мистера Китса, выдвинул крохотный матрасик, тонкими ремешками пристегнул к нему Мистера Китса и поместил обратно в клетку — теперь можно не бояться ускорения.

— Звезды зовут, Мистер Китс, — сказал Хаббард.

Он включил сигнал готовности, и тотчас башенный техник начал отсчет. Десять... Числа, подумал Хаббард... Девять... Он словно вел счет годам... восемь... словно вел счет прошедшим годам... Семь... Одиноким, беззвездным годам... Шесть... Скажи, звезда... Пять... с крылами света... Четыре... Скажи, куда тебя влечет?.. Три... В какой пучине непроглядной... Два... Окончишь огненный полет?.. Один...

Теперь ты уже знаешь, как будет в полете — по тому, как беспомощно распласталось отяжелевшее тело, как ощущает оно каждой клеточкой нарастающую скорость; знаешь по тошноте, которая подступает к горлу, и по первым, словно бы испытующим уколам страха где-то в мозгу; знаешь по тому, как сгущается тьма в иллюминаторе, и, прорываясь сквозь нее, в тебя вливаются первые колкие лучи звезд.

Но вот наконец корабль вынырнул из глубин и поплыл, словно бы без всяких усилий, по океану Вселенной.

Далеко-далеко сияли звезды, точно сверкающие бакены, указывающие путь к каким-то неведомым берегам.

По кабине прошла легкая дрожь — это заработал аппарат искусственного тяготения. Все неприятные ощущения как рукой сняло: Хаббард смотрел в иллюминатор, и ему было страшно. Один, думал он. Один в океане Вселенной. Он впился пальцами в ворот комбинезона, страх распирал его и душил. ОДИН. Слово это белым лезвием ничем не смягченного ужаса все глубже вонзалось в мозг. ОДИН. Скажи это вслух, приказал он себе. Скажи вслух! Пальцы его отпустили воротник, охватили ящик с дырками и принялись неловко расстегивать тонкие ремешки. Скажи!

— Один,— хрипло произнес он.

— Ты не один,— отозвался Мистер Китс, соскочил со своего матрасика и примостился на ящике.— Я с тобой.

И вот уже нет белого лезвия, медленно затихает боль. Мистер Китс взлетел и уселся перед иллюминатором. Синей бусинкой глаза глянул в космос. Бодро взъерошил перышки.

— Я мыслю, значит, я существую, *cogito ergo sum*,— сказал он.

УИЛЬЯМ
МОРРИСОН

„КОРОВИЙ
ДОКТОР“

Он давно уже примирился с мыслью, что удача упорно его обходит и что так будет до конца его дней. И теперь, когда она пришла к нему так неожиданно и так поздно, он ей как-то даже не очень обрадовался.

В этот вечер он рано лег спать; день выдался особенно трудный. Кроме обычного приема больных, пришлось делать прививки,— надвигалась эпидемия,— да еще принять в Марсополисе младенца и двух преждевременно родившихся телят.

Не успел он натянуть на себя одеяло, как зазвонил телефон, но доктор не шевельнулся: пусть жена снимет трубку. Нет уж, он не встанет с постели до самого утра, разве только стрясется что-нибудь из ряда вон выходящее. Но, видно, ничего серьезного не произошло, раз Майда его не позвала, и, уже засыпая, он благодарно подумал, какая все-таки умница у него жена.

Телефон вновь зазвонил, и тут уж было не до благодарности. Доктор вздрогнул и пробудился. Дом был еще погружен в ночную тьму, рядом тихонько посапывала жена. В детской за стеной кто-то из ребят — доктор не разобрал кто — сонно пробормотал: «Не надо будильника!» Видно, этот трезвон еще не совсем их разбудил.

Доктор лежал в постели, слишком сонный, чтобы двинуться с места. Майда чуть застонала во сне, и доктор подумал: если это опять старик Бендер насчет своего запо-

ра, я заставляю его глотать динамит! Потом он потянулся к столику, где стоял телефон, и усилием воли заставил себя снять трубку.

— Кто это?

— Доктор Мелцер? — Он узнал хриплый взволнованный голос Тома Линтона, начальника городской службы порядка. — Приезжайте поскорей.

— Что случилось, Том? Куда мне ехать?

— На космодром. Корабль потерял управление, на подходе чуть не врезался в Фобос и здорово грохнулся при посадке. Вас ждут сейчас же.

— Еду.

Сон как рукой сняло. Доктор схватил чемоданчик первой помощи, подбавил антибиотиков и эластичных бинтов. Надо запасти на весь экипаж — кто знает, сколько там раненых.

На улице его ждал бикар. Доктор бросил туда чемоданчик и вскочил сам. Поворот выключателя — управляемый по радио мотор заработал на полную мощность, и в мгновение ока машина уже мчалась по гладкому шоссе через засеянные поля, отвоеванные у пустыни.

До космодрома не было и двадцати миль — каких-нибудь десять минут езды. Едва он подъехал к перекрестку, светофор мигнул зеленым. Ага, подумал доктор, хоть этим хороша моя служба: уж зеленая-то улица для меня всегда открыта. А еще что в ней хорошего? Сразу и не придумаешь. С блеском заканчиваешь курс наук, мечтаешь спасти человечество, открывать новые вакцины, надеешься изобрести способ продлить жизнь человека и дать ему еще немного счастья. И вдруг оказывается, что ты в тупике. Отправляешься к черту на рога, надеясь, что это всего лишь трамплин к будущим великим делам, — и застреваешь тут на всю жизнь. Выясняется также, что самые главные твои пациенты вовсе не люди, а домаш-

ний скот. Людей на Марсе сколько угодно, а коровы и овцы — наперечет. Вот кого научись пользоваться — заслужишь почет и уважение. Спаси от смерти корову — и весть об этом распространится куда быстрее, чем если спасешь человека. И вот, мало-помалу становишься «коровым доктором», и теперь все тебя знают и любят. Женишься, появляются дети, незаметно попадаешь в однообразную колею и перестаешь замечать, что дни-то бегут... И вот тебе уже пятьдесят — и вдруг спохватываешься, что жизнь обошла тебя стороной. Половины отпущенного тебе срока как не бывало, а что ты успел? Все великие свершения, до которых, казалось, рукой подать, — где они?

Годы отняли многое, а что ты приобрел? Одну жену, одного сына, одну дочь...

Радиолуч с космодрома резко затормозил его машину. Это вывело доктора из раздумья, и он заметил, что все вокруг залито светом. Посреди летного поля лежал огромный космический корабль. Он был длиной по крайней мере тысячу футов, и доктор сразу прикинул, что в команде никак не меньше двух десятков человек. Хоть бы убитых не было!

— Док!

Навстречу ему бежал Том.

— Много раненых, Том?

— Мы отделались царапинами, доктор, — вмешался резкий голос. — Тут-то я и сам могу управиться.

Доктор разочарованно поглядел на человека в шитой золотом форме, который стоял рядом с Томом. Если никто серьезно не ранен, к чему вся эта паника? Почему они не связались с ним еще раз, пока он ехал сюда, и не сказали, что в нем нет нужды и он может вернуться в постель?

— Я думал, вы тут разбились.

— Нет, доктор, не разбились. Просто Линтон испугался — мы ведь чуть не наскочили на Фобос. Но сейчас некогда это обсуждать. Как я понимаю, доктор Мелцер, вы первоклассный ветеринар?

Доктор вспыхнул.

— Надеюсь, вы меня вытащили из постели не затем, чтобы лечить заболевшую собачку. Я не любитель болонок...

— Это не болонка. Пойдемте, я вам покажу.

Капитан двинулся по трапу в глубь корабля, доктор молча следовал за ним. Внутри ничто не указывало на то, что корабль потерпел крушение. Правда, кое у кого головы были забинтованы, но люди, видимо, вполне могли передвигаться и делать свое дело.

Капитан привел доктора к эскалатору, который быстро перенес их на триста футов, в кормовую часть корабля. Капитан сошел с эскалатора, доктор за ним. И тут он поневоле раскрыл рот и вытаращил глаза.

Почти весь хвост корабля, примерно треть его длины, занимала огромная, красноватого цвета зверюга; она лежала неподвижно, точно глыба мяса из какой-то великанской мясной лавки. От остального помещения зверюгу отгораживала стена прозрачного пластика. Сквозь эту стену доктор Мелцер увидел тридцатифутовую щель — это была пасть чудища. Повыше тесной кучкой разместились дыхательные отверстия — точь-в-точь норки суслика, — а еще выше, полукругом, — шесть громадных глаз, полузакрытых и затуманенных, словно от боли.

Доктор Мелцер в жизни не видел ничего подобного.

— О господи, это еще что такое?

— Как она называется, не известно, мы зовем ее космической коровой. Конечно, она живет не в открытом космосе, мы ее подобрали на Ганимеди, и притом, сами видите, она ничуть не похожа на корову.

— Так это и есть моя будущая пациентка?

— Именно, доктор.

Мелцер рассмеялся, больше от злости; ему было совсем не весело.

— Я понятия не имею, что это за бегемот и что у него может болеть. Как же мне его лечить?

— Это уж ваше дело. Пойдите, доктор, не возмущайтесь. Эта туша больна. Она ничего не ест. Почти не двигается. И ей становится все хуже и хуже с той самой минуты, как мы снялись с Ганимеда. Мы собирались сесть в Марсополисе и заняться ею там, но случайно проскочили мимо, а потом забарахлил двигатель и нам пришлось садиться здесь.

— А в городе разве нет врачей?

— Они знают ничуть не больше вашего. Я говорю серьезно, доктор. Ветеринары Марсополиса вечно выхаживают комнатных собачек и кошечек, встречаются с одними и теми же привычными болезнями, а с крупными животными обращаться не умеют, не то что вы. И они никогда не сталкиваются с такими сложными случаями, как вы. Словом, опытнее вас нам врача не найти.

— Говорю вам, я ничего не смыслю в этой груде живого мяса.

— Значит, надо разобраться, что к чему. Мы радировали на Землю и ждем, может быть, зоопарки нам что-нибудь подскажут. А пока...

В эту минуту несколько человек из команды притащили нечто напоминавшее водолазный костюм.

— Это еще что? — подозрительно спросил доктор.

— Ваша одежда. Надевайте и полезайте внутрь.

— Куда?! В эту скотину? — На миг доктор онемел от ужаса. Потом обозлился. — Черта с два я туда полезу!

— Придется, доктор, ничего не поделаешь. Это животное нужно спасти — во-первых, для науки, а во-вторых,

может, оно годится в пищу. А как его спасти, если мы ничего о нем не знаем?

— Но для этого вовсе не обязательно лезть ему в желудок. Можно и так предостаточно узнать. Прodelать всевозможные анализы. Всякие...

Доктор прикусил язык — что за вздор он несет! Конечно, этой зверюге можно измерить температуру, но что толку? Черт ее знает, какая температура у космической коровы нормальная? И какое у нее должно быть кровяное давление — если, конечно, у нее вообще есть кровь. И как у нее нормально бьется сердце — если оно существует. Возможно, у этих тварей есть зубы и скелет, но как узнать, где все это и как оно выглядит? Такую гору мяса не просветить рентгеновскими лучами... Во всяком случае, ни в одной самой лучшей больнице он не видел подходящего аппарата.

И потом, есть вещи и поважнее, о которых он тоже понятия не имеет. Например, какой у этой коровы химический состав желудочного сока? Допустим, он все-таки полезет внутрь в этом водолазном костюме: а вдруг желудочный сок разъест костюм? Вдруг разъест и кислородные шланги, и инструменты, которые нужны, чтобы оглядеться там и исследовать необъятное нутро этого чудовища?

Доктор поделился своими опасениями с капитаном.

— Костюм испытан на прочность, кислородные шланги тоже, — ответил капитан. — Мы точно знаем, что уж на полчаса-то их хватит. А если начнут сдавать, вы сообщите нам по радио и мы тотчас вас оттуда извлечем.

— Благодарю покорно. А откуда я знаю, что костюм не разорвется сразу же, как только его начнет разъедать? И откуда я знаю, что желудочный сок не разъест мне кожу?

Отвечать было нечего. Никто ничего не знал — приходилось в этом признаваться.

Все еще споря и возражая, доктор Мелцер стал натягивать на себя водолазный костюм, легкий и тонкий, достаточно прочный, чтобы выдержать давление в несколько атмосфер, и в то же время настолько гибкий, что он не слишком затруднял движения. В герметически закрывающихся карманах доктор нашел набор необходимых инструментов и припасов. Превосходная двусторонняя связь позволит ему обмениваться мыслями с собеседником так, словно они стоят рядом. Рукава костюма заканчивались перчатками, такими тонкими, что они почти не чувствовались на руках и ничуть не мешали работе. И однако они только казались ненадежными, а на самом деле были на редкость прочные.

Но выдержат ли они биологическую среду живого организма? Вот что мучило доктора. Никто этого не знает. Тут приходится рисковать, убеждал он себя. Риски и надейся, что, если что-нибудь пойдет не так, тебя вытащат прежде, чем эта скотина тебя переварит.

Все было готово. Появились еще двое, в таких же водолазных костюмах, как у доктора, и, когда он натянул свой и проверил его, капитан подал сигнал и все трое вошли в маленький тамбур. Дверь за ними герметически закрылась, впереди открылась другая. Теперь они были в помещении, где лежало огромное животное и тихонько вздрагивало, словно от нестерпимой боли.

Двое сопровождающих обвязали вокруг талии доктора прочные, тонкие нейлоновые канаты, проверили кислородные шланги. Потом приставили прямо к морде коровы лестницу. Доктор Мелцер начал задыхаться, но совсем не потому, что кислород плохо поступал в маску: нет, давление и влажность были нормальные, и кислород был смешан с необходимым количеством инертных газов. Просто у него перехватило горло от одной только мысли, что придется лезть в брюхо этого чудовища, в странный

и устрашающий мир, неведомый, ни на что не похожий — даже вообразить невозможно, какие его там подстерегают опасности.

— А как же мне попасть внутрь? Постучаться, что ли? — спросил он в микрофон вдруг охрипшим голосом. — Пасть футах в сорока над уровнем пола. И она закрыта. Придется вам как-нибудь ее открыть, капитан. Или вы надеетесь, что я сам ее взломаю?

Двое сопровождавших раздвинули складную пластмассовую лестницу. Сила тяжести на Марсе много меньше земной, и потому взобраться вверх по ступенькам на сорок футов ничуть не трудно. Доктор Мелцер стал медленно подниматься. Через некоторое время он заметил, что огромная пасть понемногу открывается. Один из тех двоих ткнул корову электрической иглой.

Доктор добрался до нижней челюсти и с бессильным ужасом, точно кролик под взглядом удава, уставился на громадную расщелину, готовую его поглотить. Луч карманного фонарика уперся в серую слизистую поверхность и, отражаясь от этих скользких стен, померк в глубине. Футах в пятидесяти от входа «туннель» плавно сворачивал в сторону. Что там дальше, можно было только гадать.

Конечно, самое разумное было бы войти туда сейчас же, но доктор невольно колебался. А вдруг челюсти закроются как раз в ту минуту, когда он будет проходить между ними? Его раздавит, как скорлупку. Или, когда он полезет внутрь, горло зверюги сведет судорога от щекотки? Тогда его тоже раздавит. Доктор вдруг вспомнил древнее предание о человеке, который залез в чрево кита. Как же его звали? Даниил... нет, этот забрался всего лишь в логово льва. Может, Иов? Нет, опять не то, Иов весь покрылся язвами, он пал жертвой стафилококка — не гигантской твари, а, наоборот, микроскопической.

Иона, вот кто это был! И для суеверных людей его имя стало символом неудачника.

Но ученому не полагается быть суеверным. Ученый должен смело идти вперед...

Доктор шагнул с лестницы прямо в огромную пасть. Казалось, он ступил на ледяной каток. Он тотчас поскользнулся, по инерции полетел дальше и плавно въехал в разинутую глотку. Ощущение было такое, точно он летел с марсианской горки на хорошо смазанных салазках; при слабом тяготении такой спуск легок и приятен. Доктор заметил, что и канаты, обвязанные у него вокруг пояса, и шланги кислородной маски свободно тянутся за ним. Он достиг поворота, метнулся вбок, чтобы не наткнуться на серую стену, и продолжал скользить. Еще футов пятьдесят — и он шлепнулся в какую-то лужу.

Желудок? Неважно, как это называется, но, видимо, тут начало пищеварительного тракта. Вот теперь-то и выяснится, насколько прочен его водолазный костюм.

Доктор медленно погружался все глубже, пока наконец снова не почувствовал под ногами твердую почву. При свете фонарика он увидел, что жидкость вокруг него светло-зеленого цвета. Та часть пищеварительного тракта, где он стоял, была серо-голубая, пронизанная ярко-изумрудными прожилками.

— Доктор Мелцер, как вы там? — сказал вдруг ему в ухо встревоженный голос.

— Отлично, капитан. Развлекаюсь вовсю! Жаль только, что вас здесь нет.

— Что там у вас происходит?

— Я стою на дне этакого зеленоватого озера. С виду все это очень мило, но не слишком вразумительно.

— А вы еще не разобрались, что там не так?

— Черта с два разберешься тут, что так, а что не так! Я еще ни разу в жизни не лазил в утробу к таким тварям.

У меня с собой пробирки, и я хочу в различных местах взять образцы жидкостей. Здесь я беру пробу номер один. Потом можете отдать ее на анализ.

— Отлично, доктор. Продолжайте в том же духе.

Мелцер посветил вокруг себя фонариком. Зеленоватая жидкость слегка волновалась,— может быть, он сам ее всколыхнул, когда с размаху шлепнулся сюда. Серо-зеленые стены оставались недвижимы, только почва под ногами чуть подавалась под его тяжестью; но больше ничего не говорило, что его появление как-то нарушило здесь мир и покой.

Доктор двинулся дальше. Озерко все мелело, сходило на нет. Он выбрался на сушу и осторожно шагнул вперед.

— Доктор, что у вас там?

— Ничего. Просто знакомлюсь с местностью.

— Держите нас в курсе. Конечно, опасности никакой, но...

— Но, если она все же есть, вы хотите, чтобы следующий исследователь знал, чего надо опасаться? Хорошо, капитан.

— Как поступает кислород?

— Все прекрасно.— Доктор сделал еще шаг вперед.— Почва — пожалуй, будем называть это почвой — становится не такой скользкой. Теперь идти легче. От стены до стены тут примерно футов двадцать. Никаких признаков видимой флоры или фауны. Никаких искусственных сооружений. Никаких признаков разумной жизни.

— Смотрите, как бы чувство юмора не помешало вам работать, доктор.— Голос капитана прозвучал укоризненно.— Все это очень важно. Вы, верно, не представляете, насколько это важно, но...

— Погодите, капитан, я наткнулся на любопытную штуку,— прервал доктор.— На серо-зеленой стене какая-то большая красноватая шишка, фута три в поперечнике.

— А что это такое?

— Похоже на опухоль. Я сделаю срез ткани с самой стены. Это будет проба номер два. Теперь срез с опухоли, проба номер три.

Стена чуть заметно вздрогнула, когда он погрузил в нее нож. Надрез вначале был фиолетовый, но постепенно покраснел.

— А вот и еще одна опухоль, точно такая же, но на другой стене. И еще несколько. Я их больше не трогаю. Стены понемногу сужаются. Идти еще можно совершенно свободно, но... погодите, беру свои слова обратно. Впереди вижу какой-то клапан. Он судорожно закрывается и открывается.

— А вы сможете через него пройти?

— Рискованно, черт возьми! Допустим, я в него проскочу, пока он открыт, а потом, глядишь, он закроется и запросто перервет мои кислородные шланги.

— Значит, дальше идти нельзя?

— Не знаю. Дайте подумать.

Доктор пытливо всматривался в огромный клапан. Тот двигался очень быстро и четко, открываясь каждые две секунды. Наверно, он отделяет одну часть пищеварительного тракта от другой. Как привратник желудка у человека, подумал доктор. Серая ткань с зелеными прожилками ничуть не напоминала человеческие мышцы, но служила, видно, для тех же целей. Хорошо бы подобрать наркотик, от которого мышцы расслабятся.

Доктор нащупал в одном из карманов большой шприц. Выждал, когда клапан откроется, быстро погрузил в него иглу. Впрыснул в «мышцу» пинту снотворного и мигом отдернул шприц. Клапан закрылся, но медленнее прежнего. Снова открылся, закрылся, опять открылся — да так и остался открытым.

Скоро ли он опять начнет действовать и отрежет ему путь к отступлению? Этого доктор не знал. Но если уж выяснять, что находится там, дальше, нужно спешить. Он кинулся вперед, чуть не поскользнулся второпях и проскочил через неподвижный клапан.

Потом по радио сообщил об этом капитану.

— Вы бы все-таки поосторожнее, доктор,— тревожно сказал капитан.

— Я здесь затем, чтобы исследовать эту скотину. И пока я еще ничего не узнал. Между прочим, стены опять расширяются. И впереди опять озеро. Но на этот раз голубое.

— Вы берете образец?

— Всю жизнь только этим и занимаюсь, капитан!

Доктор вошел в озеро, наполнил пробирку голубой жидкостью и сунул в карман. Вдруг прямо перед ним что-то на миг высунулось наружу и тотчас скрылось в глубине.

Доктор замер на месте.

— Стойте, капитан! Фауна, кажется, все-таки есть.

— Что-о? Живое существо?

— Еще какое живое!

— Осторожней, доктор! В одном из карманов у вас должен быть револьвер. В случае чего стреляйте не задумываясь.

— Револьвер? Это жестоко, капитан! Вам бы понравилось, если бы у вас внутри стали палить из револьвера?

— Говорю вам, будьте осторожны!

— У меня свое оружие — шприц.

Но вокруг все снова стало тихо и недвижно, и доктор побрел дальше через голубое озеро. Когда он погрузился с головой, перед глазами опять мелькнуло то же существо.

— Похоже на большущего головастика, фута два длиной.

— Он к вам приближается?

— Нет, кидается прочь. А вот и еще один. Наверно, их переполюшил мой фонарик.

— А нападать на вас не собираются?

— Кто их знает. Возможно, они паразитируют в этой громадине, а может, и наоборот, живут с ней в симбиозе.

— Сторонитесь их, доктор! Не к чему зря рисковать.

И вдруг — трепетный голос:

— Ларри, ты цел?

— Майда! Что ты здесь делаешь?

— Я проснулась, когда ты уезжал. И никак не могла уснуть.

— Но зачем ты приехала на космодром?

— Что-то очень разлетались над головой корабли, и я забеспокоилась, не случилось ли чего. Позвонила сюда... и мне сказали.

— Как так — разлетались корабли?

— Это налетели всякие корреспонденты, доктор, — вмешался капитан. — О вашей пациентке пронюхали газеты и радио. Я не хотел вам говорить, но не удивляйтесь, если вылезете оттуда знаменитым человеком.

— Радио и газеты меня мало трогают. А с Земли вестей нет, капитан?

— Пока нет. Но нам ответил попечитель зоопарка в Марсополисе.

— Что же он говорит?

— Он в жизни не слыхивал ни о какой космической корове и ничего посоветовать не может.

— Прекрасно! Кстати, капитан, не прислали там газеты и радио хоть одного фотографа?

— С полдюжины найдется. Тут и фотографы, и кинооператоры, и с телевидения...

— Может, пришлете их сюда? Пускай сделают несколько снимков.

Короткое молчание. Потом вновь послышался голос капитана.

— Пока им, пожалуй, сложно залезть к вам туда. Может быть, попозже.

— Почему же не сейчас? В компании веселее. Если пасть этой зверюги еще открыта...— И вдруг ему в голову пришла ужасная мысль.— Послушайте, а она еще открыта?

Голос капитана прозвучал напряженно:

— Только не волнуйтесь, доктор. Мы делаем все, что можно.

— Значит, пасть закрыта?

— Да. Я не хотел вам говорить, но она вдруг закрылась, а потом мы и в самом деле хотели послать к вам туда фотографа — и никак не могли ее открыть. Видно, эта тварь освоилась с электрическим шоком.

— Но как-нибудь открыть, наверно, можно?

— Конечно, можно. Способ всегда найдется. Не волнуйтесь, доктор, мы тут действуем вовсю. Мы найдем выход.

— Но кислород...

— Шланги очень прочные, и она их не перекусит, пасть закрыта не плотно. Ведь вы дышите свободно?

— Да, вы правы. Спасибо, что сказали, теперь я и сам это замечая.

— Вот видите, доктор, дело обстоит не так уж плохо.

— Просто великолепно! Ну, а если начнет разъедать мой костюм или шланги?

— Мы вас вытащим. Так или иначе, а пасть мы ей откроем. Только не застряньте за тем клапаном, доктор!

— Спасибо за совет. Просто не знаю, что бы я без него делал!

Доктор вдруг обозлился. Что может быть отвратительнее хороших советов, когда советчику ничего не грозит, а твоя жизнь на волоске! Смотрите, чтобы не случилось того-то, не зацепитесь за то-то, поберегитесь, поостерегитесь... А ты пришел сюда делать дело и пока еще ровно ничего не сделал. И все еще не имеешь ни малейшего понятия, как устроена эта чертова корова!

Да, пожалуй, так ничего и не узнаешь. Всякое животное нужно обследовать снаружи, а вовсе не изнутри. Наблюдаешь, как оно ест, следишь, как пища переходит из одной части организма в другую, проверяешь циркуляцию соков внутри организма, может быть, при помощи меченых атомов, если никакой другой метод не подойдет; можно, наконец, вскрыть типичную особь и изучить ее внутреннее строение. Капитан должен бы иметь на борту ученых, чтобы они всем этим занимались, а он только сидел и глазел на эту самую корову. Но нет, это было бы слишком просто. И им непременно надо было дожидаться его, доктора Мелцера, хладнокровно засунуть его в утробу зверя, о котором он не имеет никакого понятия, и надеяться на чудо! Наверно, они воображают, что какая-нибудь кишка или железа внутренней секреции выйдет мне навстречу и скажет: «Что-то я неправильно функционирую, полечи меня — и все будет прекрасно».

К нему не спеша подплывал еще один головастик, передняя часть его тела подергивалась, как нос любопытной собачонки. Но, как и первые два, он тут же повернулся и кинулся прочь. Может, в них-то и кроется корень зла, подумал доктор. Может, это паразиты и все дело в них?

Да, но... С таким же успехом может оказаться, что эта живность так или иначе необходима для благополучия коровы. Все та же неразрешенная задача. Находишься в мире, о котором ничего не знаешь. Но если все здесь для

тебя загадка, как разобраться, что нормально, а что — нет?

Ну, а раз ничего не понятно, пойдем дальше, решил доктор. И пошел.

Голубое озеро было довольно мелким, и вскоре он снова вышел на так называемую сушу. Стены опять сблизились. Вскоре уже можно было коснуться обеих стен разом, протянув руки в стороны.

Доктор осветил фонариком узкий проход впереди — ярдов через двенадцать он упирался в стену. Тупик, подумал Мелцер. Надо поворачивать назад.

— Доктор, у вас все в порядке? — донесся до него голос капитана.

— Лучше некуда. Я проделал интереснейшее путешествие. А кстати, вы еще не заставили эту скотину разинуть рот?

— Мы делаем все возможное.

— Желаю удачи. Может быть, когда вам ответит Земля...

— Земля уже ответила. В земных зоопарках никто ничего не знает о космических коровах. Электрический шок на нее почему-то больше не действует, мы пускаем в ход всякие другие стимуляторы.

— Как я понимаю, толку от них нет.

— Пока нет. Один фотокорреспондент предложил разъять челюсти мощными механическими зажимами. За ними уже послали, сейчас доставят.

— Делайте что хотите, — взмолился доктор. — Только ради всего святого откройте наконец эту окаянную пасть!

И доктор Мелцер сквозь зубы ругнул фотокорреспондентов, которым плевать, что с ним стрясется, лишь бы заполучить несколько фотоснимков позанятнее. Потом добавил пару теплых слов в адрес капитана, который втравил его в эту историю, и пустился в обратный путь.

Головастики как будто заинтересовались его путешествием. Они так и вертелись вокруг него, теперь он уже насчитал их с десятков. Они передвигались при помощи быстрых ударов хвоста, точно мелкие рыбешки; он видел таких давным-давно, еще на Земле, когда учился в медицинском колледже. Перед тем как рвануться вперед, головастики на миг замирали, и доктор наконец разглядел их как следует. К его удивлению, у них тоже оказалось два ряда глаз.

Видят ли эти глаза или они только рудиментарные? Если видят, значит, по крайней мере часть жизни головастики проводят вне организма коровы, в таких местах, где зрение может им понадобиться. Если же это только рудиментарные органы, то, во всяком случае, эти существа — потомки каких-то других, живущих в иной среде. Постараюсь поймать хоть одного, подумал доктор. Если удастся вытащить его наружу, я смогу основательно его изучить.

Если удастся вытащить его наружу, повторил доктор. При условии, конечно, что я сам-то выберусь.

Он снова побрел по озеру. Дошел до мелкого места, и тут его окликнули; теперь это был голос жены:

— Ларри, как ты там?

— Прекрасно. А как ребяташки?

— Они тут, со мной. Они тоже проснулись из-за суматохи, и я взяла их с собой.

— Почему же ты сразу мне не сказала?

— Не хотела тебя волновать.

— Это меня ни капельки не волнует. Обожаю милые семейные сборища. Но как же они утром пойдут в школу?

— Ну, один разок пропустят уроки, это не так страшно. Ведь такое не каждый день бывает!

— По мне, хоть бы такого совсем не было! Ну ладно, раз уж они здесь, давай я с ними поговорю.

Дети, видно, только того и дожидались: тут же послышался голос Джерри:

— Привет, пап!

— Привет, Джерри! Развлекаешься?

— Еще как! Жаль, тебя тут нет! Сколько народищу! И все с нами так носятся!

— Мам, он не дает мне поговорить, — перебила Марсия. — Я тоже хочу поговорить с папой!

— Джерри, дай и ей сказать. Ну, говори, Марсия. Скажи папе что-нибудь.

И вдруг... у доктора едва не лопнула барабанная перепонка.

— Пап, ты меня слышишь? — как будто прямо в ухо ему закричала Марсия. — Пап, слышишь?

— Слышу, слышу, и все звери слышат тоже... не кричи так, детка!

— Ой, пап, ты бы поглядел, сколько народу! Они нас тут снимают, и маму, и меня! До чего интересно!

— И меня тоже снимали, пап, — вставил Джерри.

— И карточки повсюду рассылают, и на Землю, и на Венеру, и всюду-всюду! И еще нас будут показывать по телевизору! Правда, как здорово, пап?

— Потрясающе, Марсия! Ты даже не представляешь, как мне все это помогает!

— Да она только про то и думает, чтоб ее снимали! Мам, ну пусть она лучше сама отойдет от микрофона, а то я все равно ее отпихну!

— Марсия, ты уже поговорила. Теперь дай Джерри еще поговорить с папой.

— Знаешь что, пап? Тут все говорят, ты теперь станешь знаменитый. Говорят, такого зверя еще никто никогда не видел. А уж в пузо ей только ты один залез. А мне можно к тебе туда, пап?

— Нет! — завопил доктор.

— Ну, ладно, ладно. Пап, знаешь что? Если она теперь останется живая, они ее увезут на Землю и там устроят особенный зоопарк только для нее одной.

— Поблаговари их от моего имени. Скажи-ка, Джерри, а ей открыли рот?

— Нет еще, пап, но они тащут сюда какую-то большую машину!

— Мы очень скоро раскроем ей пасть, доктор, — вмешался голос капитана. — Где вы сейчас находитесь?

— Опять подхожу к клапану. А вы за это время узнали хоть что-нибудь полезное? Может, какой-нибудь путешественник или охотник слышал про таких коров...

— Мне очень жаль, доктор, но никто про них ничего не знает.

— Да, это я уже слышал. Ладно, капитан, ждите новостей. У меня тут образовалась целая свита из этих головастики. Посмотрим, что будет дальше.

— Надеюсь, они вас не трогают?

— Пока нет.

— А как самочувствие?

— Прекрасное. Хотя начал немного задыхаться. Устал, наверно. И немного проголодался. Любопытно, какая она на вкус, эта коро... Ах, черт!

— Что случилось? — тревожно спросил капитан.

— Да этот клапан, который я парализовал. Он опять работает!

— Вы хотите сказать, открывается и закрывается?

— В том же ритме, что и прежде. И, когда закрывается, давит на кислородные шланги. Наверно, поэтому я иногда задыхаюсь. Надо отсюда выбираться!

— У вас хватит снотворного, чтобы еще раз парализовать клапан?

— Нет, не хватит. Помолчите, капитан, дайте мне подумать.

Значит, клапан опять работает — из этого и надо исходить. Можно бы попытаться проскочить через него в ту секунду, когда он раскрыт шире всего... Но для разбега нет места. Значит придется идти по скользкому склону, да еще костюм и шланги связывают движения... И если хоть на долю секунды замешкаться... прихлопнет клапаном, как мышь в мышеловке.

С минуту доктор стоял не шевелясь, холодный пот выступил у него на лбу и стал заливать глаза. Черт побери, думал он, я даже пот утереть не могу. Придется действовать почти вслепую.

Сквозь запотевший пластик шлема он заметил, что головастики теперь подплывают к нему гораздо ближе. Может, они все-таки хищники? Уж не потому ли они приближаются, что почуяли — он в опасности? Может, они окружают его, чтобы убить?

Вдруг один бросился прямо на доктора, и тот невольно пригнулся. Но в последний миг головастик вильнул в сторону, пронесся мимо доктора, вылетел из голубого озера и, извиваясь, быстро заскользил вверх по склону, прямо к клапану.

Вопреки всем ожиданиям клапан раскрылся вдвое шире прежнего, и головастик свободно прошмыгнул в него.

— Доктор Мелцер! Как вы там?

— Я еще жив, если вас интересует именно это. Вот что, капитан, я все-таки попытаюсь проскочить через клапан. Только что это проделал один головастик — и клапан для него раскрылся шире.

— Как же вы думаете действовать?

— Попробую поймать головастика, уцеплюсь за его хвост и проскочу. Надеюсь, он не хищник и не кинется на меня.

Но поймать головастика оказалось не так-то просто. Здесь, в родной стихии, они двигались куда быстрее и

проворнее, чем доктор, и, хотя их многочисленные глаза как будто смотрели куда-то мимо, они очень ловко от него увертывались.

В конце концов доктор махнул рукой на эту затею и выбрался из голубого озера. Головастики неотступно следовали за ним.

Вдруг один из самых больших рванулся вперед. Мелцер мгновенно понял его намерения и кинулся вслед. Головастик взлетел по склону и метнулся сквозь клапан. Тот широко раскрылся, и доктор с мужеством отчаяния тоже нырнул в отверстие. Клапан чуть помедлил и рывком захлопнулся. Доктора ударило по пятке.

И он тотчас почувствовал, что задыхается. Перепутались кислородные шланги.

Доктор принялся лихорадочно их распутывать, но из этого ничего не вышло. Потом понял, что делает лишнюю работу. Достаточно ослабить узел и расправить образовавшиеся петли. Когда это наконец удалось, перед глазами у него уже плыли черные пятна.

— Доктор Мелцер! Доктор Мелцер!

Оказывается, его зовут и уже довольно давно.

— Еще жив,— выдохнул он.

— Слава богу! Мы попробуем открыть ей пасть, доктор. Пройдите поскорей вперед, и мы вас достанем.

— Я и так спешу. Кстати, эти головастики все еще тут, при мне. Не отстают ни на шаг, точно обрели наконец давно утерянного друга. Я чувствую себя просто каким-то крысоловом из легенды.

— Надеюсь, они на вас не нападут.

— А я еще больше на это надеюсь!

Теперь можно было перевести дух — кислородные шланги освободились, да и пот, заливавший глаза, понемногу высох. Доктор заметил еще одну красноватую опухоль, такую же, как те, что он видел на пути сюда.

— А, семь бед — один ответ, — пробормотал он. — Конечно, удалить эту опухоль можно бы разве что топором, но взрезать ее я все-таки могу. Посмотрим, что там такое.

Он вынул из кармана большой, острый скальпель и принялся надрезать опухоль по краю.

Она судорожно пульсировала.

— Ага, что-то получается, — сказал доктор с удовольствием истинного хирурга и сделал надрез поглубже.

Опухоль прорвалась. Фонтаном взметнулись огромные сгустки красноватой жидкости, и с ними вылетел еще один головастик, совсем маленький, вдвое меньше тех, которых он уже видел.

— Батюшки мои! — воскликнул доктор. — Так вот откуда они берутся!

Головастик учуял чужого и метнулся в сторону, по направлению к клапану. Как только он приблизился, открытый клапан замер в этом положении и пропустил малыша, не раскрываясь при этом больше чем нужно. Потом снова закрылся.

Они взаимодействуют, подумал доктор. Значит, это не односторонний паразитизм, а скорее симбиоз.

Доктор двинулся дальше, к зеленоватому озерку.

И вдруг — землетрясение!

Почва под ногами заколыхалась, и доктора вверх тормашками швырнуло в озеро. Второй удар, третий... Волна прилива подхватила доктора и понесла к берегу. Его больно ударило обо что-то твердое и отбросило назад.

Теперь боковые стены начали сжиматься и стиснули доктора с обеих сторон.

— Капитан! — завопил он. — Что там у вас происходит? Что вы с ней делаете?

— Пытаемся открыть пасть. Кажется, ей это не по вкусу. Она бьется о стены корабля.

— Ради бога, прекратите! Она меня тут совсем прикончит!

Очевидно, они послушались, ибо судороги внутри сразу стали слабее. Но стены еще некоторое время конвульсивно вздрагивали.

Доктор выкарабкался из озера и тщетно попытался все-таки отереть со лба вновь выступивший пот.

— Ну как у вас там, доктор, лучше?

— Лучше. Только больше ничего такого не делайте,— задыхаясь, выговорил доктор.

— Но ведь надо же как-нибудь открыть эту пасть.

— Попробуйте электрический шок, только посильнее.

— Что ж, если вы не против, мы попробуем. Но, пожалуйста, вам опять достанется.

— Тогда погодите минуту. Дождитесь, пока я доберусь к выходу из глотки.

— Ждем вашей команды. Скажите нам, когда начинать.

Надо спешить, подумал доктор. Фонарик светит уже не так ярко. Когда он совсем погаснет, нервы могут сдать. Еще начну, чего доброго, орать, чтобы любой ценой вытащили меня отсюда.

А как костюм и кислородные шланги? Кажется, желудочный сок начинает на них действовать. Трудно сказать наверняка, ведь свет совсем тусклый, но, по-моему, они уже не такие прозрачные, как были. А когда им придет конец, конец и мне.

Доктор пытался ускорить шаги, но поверхность под ногами была слизистая и при малейшем неверном движении он начинал скользить. И шланги опять перепутались. Но раз пасть закрыта, дергать за канат, обвязанный вокруг пояса, бесполезно. Его все равно не смогут вытащить.

— Доктор Мелцер!

Он не отозвался. Вынул ланцет и обрезал теперь уже бесполезные канаты. Кислородные шланги тоже, в сущности, мешали ему — все время надо следить, чтобы они не запутались и не перекрутились, ведь они больше уже не натянуты. Но кислород все же проходит и будет проходить... пока шланги не разъест желудочный сок этой твари.

А странные головастики положительно в него влюбились! Окружили плотным кольцом, — правда, не подплывают так близко, чтобы удалось поймать хоть одного, а все же как-то не по себе. Кто их знает, вдруг вздумают отведать на вкус его костюм или цапнуть за кислородный шланг... Пластмасса уже не такая прочная, как была, чуть тронь — и конец.

Доктор добрался до крутого склона — это начиналась глотка.

— Доктор Мелцер!

— Что вам?

— Почему вы не отвечали?

— Некогда было. Я обрезал канаты, которыми меня обвязали. Сейчас попробую влезть к ней в горло.

— Может, дадим еще раз электрический шок?

— Валяйте.

У него были с собой два маленьких хирургических зажима, и он взял по одному в каждую руку. Фонарик сунул в карман у пояса. Потом опустился на четвереньки и пополз, поочередно захватывая зажимами почву, чтобы не скользить. Всякий раз как зажимы впивались в живую плоть, по ней зыбью пробегала дрожь; в остальном корова сносила беспокойство довольно терпеливо.

Не пополз он и полпути, как его застигло новое землетрясение. От первого же толчка доктор кувырком покатился по склону. При последующих его только очень

больно колотило головой о стенки. Шок был, видимо, очень сильный, ток даже передавался доктору, по коже забегали мурашки. Фонарика он не потерял, но теперь в его тусклом свете уже почти ничего нельзя было разглядеть. Далеко впереди, где должна была быть открытая пасть, царила непроглядная тьма.

— Что, капитан, не вышло?

— Нет. Попробуем еще раз.

— Не надо. От этого только хуже.

— Ларри, ты ранен? Ларри...

— Подожди, Майда, не мешай,— резко ответил доктор.— Мне надо сообразить, как отсюда выбраться.

Из кислородного шланга послышался легкий свист. Течь. Да, времени осталось мало.

Головастики вертелись вокруг все быстрее. Наверно, их тоже разволновал электрический шок. Один кинулся вперед, обогнал доктора, и скоро его извивающийся хвост скрылся в темноте.

Да ведь и они хотят отсюда выбраться, мелькнуло у доктора. Может, мы сделаем это сообща? Неужели невозможно так или иначе заставить эту корову разинуть рот? Ну хорошо, капитан не в силах сделать это снаружи; но я-то внутри, там, где чувствительность всего больше. Можно ударить, порезать, пощекотать, наконец...

Вот это мысль! Пощекотать. Конечно, чудовище есть чудовище и щекотать его надо каким-нибудь чудовищным образом, но рано или поздно что-нибудь да подействует.

Доктор изо всей силы топнул ногой. Ничего. Он вынул из кармана большой ланцет и глубоко погрузил его в мышцу животного. По мышце пробежала дрожь — и только.

И тут его осенило. Зеленое «озеро», несомненно, содержит в себе гормоны. Гормоны, ферменты, коферменты, антибиотики, всевозможные биохимические элементы.

Некоторые ткани приспособились к этим элементам, а другие — нет. И те, которые не приспособились, будут реагировать очень бурно.

Доктор вернулся к озерку, наполнил шприц зеленоватой жидкостью и вновь устремился вперед. Фонарик почти погас. Зловещий свист в кислородном шланге становился все громче, но доктор прѣбрался вперед, насколько мог, потом вонзил иглу в мышцу и сделал впрыскивание.

Огромная туша заколыхалась. Доктор выронил шприц, зажимы и фонарик и отдался на волю судьбы. Сначала его подбросило вверх. Потом швырнуло вниз, но не назад, а на прежнее место. На него кинуло двух головоастиков. Потом он опять вознесся вверх, но на этот раз еще и продвинулся вперед. И вдруг впереди разверзлась огромная расселина. Серую поверхность залило светом, и он вылетел наружу.

В глазах зарябило, и доктор еще успел подумать: нехватка кислорода. Костюм лопнул, шланги наконец не выдержали.

И все заволочло тьмой.

Когда доктор пришел в себя, рядом была Майда. Глаза у нее опухли — верно, плакала. Поодаль стоял капитан, осунувшийся, но бодрый.

— Ларри, милый, тебе лучше? Мы уж думали, ты век оттуда не выберешься!

— Я чувствую себя отменно.— Доктор сел и увидел по другую сторону постели своих детей, встревоженных и полных благоговения. Оба молчали, и это яснее всего показывало, как они потрясены.

— Надеюсь, ребятки, вы не очень за меня волновались?

— Я-то ни капельки не волновался,— храбро отвечал Джерри.— Я так и знал, что ты молодчина, пап. Я так и знал — ты что-нибудь да придумаешь!

— Раз уж об этом зашла речь,— вмешался капитан,— скажите, как вы все-таки выбрались?

— После расскажу. Как моя пациентка?

— Прекрасно. Кажется, совсем выздоровела.

— Сколько головастика вылетело вместе со мной?

— Штук шесть. Мы держим их в тех же условиях, что и корову, при малом содежании кислорода в воздухе. Их будут всесторонне изучать. Если это паразиты...

— Это не паразиты. Я наконец сообразил. Это ее детеныши.

— Что-о?!

— Детеныши. При толковом уходе они в конце концов вырастут в такие же чудища, как их почтенная мамаша.

— Господи, где же мы их будем держать?

— Это уж ваша забота. Постройте зоопарк побольше — не для одной коровы, а для всей семейки. Вот где вы раздобудете денег, чтобы их всех прокормить,— ума не приложу,

— Но что же это было...

— Вся болезнь вашей крошки заключалась в том, что она была в приятном ожидании.

— В ожидании?

— Это значит беременная,— объяснил Джерри.

— Я и сам знаю.— Капитан покраснел.— Послушайте, а нельзя ли обойтись без ребятишек, пока мы говорим о таких вещах?

— Зачем же? Они дети врача и отлично все понимают. Они своими глазами видели, как появляются на свет телята и другие животные.

— Сто раз,— вставила Марсия.

— Этой зверюге пришлось лежать у вас на корабле неподвижно, а ей необходимо было двигаться. Поэтому детеныши никак не могли родиться.

— Но ведь вы влезли в пищеварительный тракт...

— Ну и что же? Не все животные рождаются одинаково. И почти все дети думают, что ребенок растет у матери в желудке.

— Некоторые ребята совсем дураки,— провозгласил Джерри.

— Ну, в этом случае они оказались не так глупы. В желудке удобнее всего получать пищу, которую ест мать, и притом во всех стадиях — от сырой до переваренной. Этой корове не хватило только мышечного усилия, чтобы разродиться. Отчасти вы подтолкнули ее снаружи, а я довел дело до конца тем, что впрыснул ей в мышцу ее же собственный желудочный сок. Это и вызвало такую милую реакцию.

Капитан поскреб в затылке.

— Вы славно потрудились, доктор. Может, возьметесь присматривать за ней постоянно? Я бы вас рекомендовал...

— Как, опять залезать в эту пасть? Нет уж, спасибо. Впредь я буду заниматься только мелкими зверюшками. Овцами там, коровами, ну и... людьми.

В коридоре послышался топот множества ног. Дверь рывком распахнулась. Засверкали лампы невидимого света, на сверхвысокой частоте чуть слышно застрекотали камеры. На доктора угрожающе нацелились бесчисленные телеобъективы, и его изображение понеслось на Землю и на далекие планеты. Репортеры забросали его вопросами.

— Господи боже,— устало пробормотал доктор.— Этих-то зверей зачем сюда впустили? Те, что в голубом озере, не так меня донимали.

— Будь с ними повежливее, милый,— ласково упрекнула Майда.— Они делают тебя великим человеком.

Потом Майда, Джерри и Марсия расположились вокруг него и аппараты опять застрекотали. Надо было видеть эти гордые физиономии! И доктор понял, что он тоже рад,— хотя бы ради них!

Удача наконец постучалась к нему в дверь, и, когда он ее впустил, она оказалась утомительной гостьей. А все же он для нее неплохой хозяин, совсем неплохой, подумал доктор. И черты его смягчились, и на лице появилась усталая улыбка, мгновенно ставшая знаменитой.

АРТУР
КЛАРК

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ
НА МАРСЕ**

— На Марсе совершается мало преступлений,— с некоторым сожалением сказал инспектор сыскной полиции Роулингс.— Именно поэтому я и возвращаюсь в Скотленд-Ярд. Если бы я остался на Марсе, то полностью потерял бы свою квалификацию.

Мы сидели на главном наблюдательном пункте межпланетного порта Фобос и смотрели на освещенные солнцем зубчатые скалы здешней маленькой Луны. Пассажирская ракета, которая доставила нас с Марса, десять минут назад отправилась в долгий обратный путь к коричнево-желтому шару, висящему среди звезд. Через полчаса мы сядем на лайнер, летящий к Земле — планете, где большинство пассажиров никогда не бывали, но которую они все же называли «домом».

— Однако,— продолжал инспектор,— иногда и на Марсе бывают случаи, которые делают жизнь интересной. Вы ведь антиквар, мистер Маккэр, и, наверное, слышали о неприятностях, происшедших в городе Меридиане несколько месяцев назад.

— Нет, не слышал,— ответил маленький загорелый толстяк, которого можно было принять за туриста, возвращающегося домой. По-видимому, инспектор уже просмотрел список пассажиров; я не знал, какие сведения обо мне были у него, и пытался сам себя уверить, что совесть моя, так сказать, достаточно чиста. Кроме того,

каждый из нас уже усвоил некоторые марсианские обы-
чаи.

— Это дело сразу замяли,— сказал инспектор,— но подобные вещи не удастся скрыть надолго. Профессиональный похититель драгоценностей с Земли пытался украсть величайшее сокровище музея Меридиана — богиню Сирену.

— Что за чепуха,— возразил я.— Конечно, богиня — бесценное сокровище, но ведь она всего лишь кусок песчаника. Продать-то ее ведь никому нельзя; это все равно что украсть Монну Лизу.

Инспектор ухмыльнулся, однако не слишком весело.

— Тем не менее это случилось. Возможно, что мотивы похищения были вот какие. Есть коллекционеры, которые все отдадут за такое произведение искусства, даже если никто, кроме них, никогда не сможет им любоваться. Вы с этим согласны, мистер Маккэр?

— Совершенно верно,— сказал антиквар.— В моем деле встречаются разного рода одержимые.

— Ну, так вот, этому фрукту — его звали Дэнни Уивер — хорошо заплатил один из таких одержимых. Но ему чертовски не повезло, иначе он отлично справился бы с делом.

Оповещательная система порта принесла извинения за небольшую задержку, вызванную заправкой горючим, и попросила некоторых пассажиров пройти в регистратуру. Пока мы ожидали отправления, я вспоминал то небольшое, что знал о богине Сирене. Хотя я никогда не видел подлинника, у меня, как и у многих других туристов, в багаже была статуэтка со свидетельством от марсианского бюро редкостей, удостоверяющим, что это выполненная в точном масштабе копия так называемой богини Сирены, найденной в море Сирены Третьей экспедицией в 2012 году (то есть в 23 году марсианского ле-

тосчисления). Это слишком маленький предмет, чтобы быть причиной стольких споров, всего лишь восемь или девять дюймов высоты,—если бы вы увидели его в музее на Земле, вы бы вернулись к витрине взглянуть на него еще раз. Голова молодой женщины, с чертами лица, слегка напоминающими восточные, удлинненными мочками ушей, с волосами, которые вьются упругими колечками, прижатыми к голове, с полуоткрытыми губами — на них застыло выражение удовольствия или удивления,—и ничего больше.

Но эта ставящая в тупик загадка вдохновила сотню религиозных сект и свела с ума нескольких археологов. Ибо идеальная человеческая голова никак не может быть найденной на Марсе, единственными разумными обитателями которого были ракообразные — «раки с образованием», как их любили называть газеты. Коренные обитатели Марса никогда и не могли решить проблему освоения межпланетного пространства, и в любом случае их цивилизация умерла еще до зарождения человечества на Земле.

Не удивительно, что эта богиня — загадка номер один солнечной системы. Я не думаю, что мы разгадаем ее при жизни моего поколения — если мы это вообще когда-нибудь сделаем.

— План Дэнни был изумительно прост,— продолжал инспектор.— Вы знаете, как пустынно марсианские города по воскресеньям, когда все закрыто и колонисты остаются дома, чтобы смотреть телевизионные передачи с Земли. Дэнни рассчитывал именно на это, когда остановился в отеле Западного Меридиана, в пятницу вечером. Субботу он хотел посвятить ознакомлению с музеем, а спокойное воскресенье — самому делу; в понедельник утром он был бы уже в числе туристов, покидающих город...

В субботу рано утром он побродил по маленькому парку и прошел к Восточному Меридиану, где находится музей. Если вы не знаете, сообщаю, что город получил свое название оттого, что расположен на долготе 180 градусов: в парке есть большая каменная плита, на которой выгравирован первый меридиан. Посетители могут фотографироваться, стоя одновременно в двух полушариях. Удивительно, какие простые вещи забавляют некоторых людей.

Дэнни провел день, расхаживая по музею, как и любой другой турист, желающий оправдать затраченные деньги. Но к моменту закрытия он не покинул музея, а спрятался в одной из галерей, еще не открытых для посетителей. Здесь музей наметил разместить экспозицию эпохи Позднего Канала; но денег не хватило и работа осталась незаконченной. Он пробыл там почти до полуночи, на случай, если какие-либо энтузиасты ученые задержатся в помещении. Затем он вышел оттуда и приступил к работе.

— Обождите,— прервал я его.— А как же ночной сторож?

— Дорогой мой! На Марсе такой роскоши не водится. Там никогда не было ночных грабителей, ибо кому придет в голову воровать груды камней? Кроме того, богиня была искусно упрятана в крепкий футляр из стекла и металла — вдруг она соблазнит какого-либо охотника за сувенирами? Но, даже если бы ее и похитили, вору было бы негде укрыться, как только хищение обнаружили бы и, несомненно, все отъезжающие подверглись бы обыску.

Это звучало достаточно правдоподобно. Я ведь мыслил земными категориями, забыв о том, что любой город на Марсе — замкнутый маленький мирок, огражденный от окружающей его холодной пустоты силовым полем. За этим электронным занавесом — враждебная пустота

марсианской атмосферы, в которой незащищенный человек мгновенно умирает. Это облегчает соблюдение законов; не удивительно, что на Марсе так мало преступлений.

У Дэнни был великолепный набор специальных инструментов. Самым главным из них была крошечная пила с тончайшим лезвием, которое приводилось в движение ультразвуковым устройством и делало миллион оборотов в секунду. Лезвие проходило сквозь металл или стекло как сквозь масло и делало разрез не толще человеческого волоса. Именно это было очень важно для Дэнни, который не хотел оставлять никаких следов своей работы.

Я думаю, вы догадались, как он собирался действовать. Он хотел разрезать основание футляра и вместо подлинной богини положить туда копию — сувенир. Прошло бы несколько лет, прежде чем какой-либо пытливый специалист открыл бы обман; задолго до этого сам подлинник был бы увезен на Землю, великолепно оформленный как копия, с приложением свидетельства. Неплохо задумано, а?

Должно быть, странной могла показаться эта работа в темной галерее, в которой находились все эти изделия, пролежавшие миллионы лет, и загадочные произведения искусства. Музей и на Земле место достаточно мрачное, но по крайней мере на нем лежит отпечаток человека. А третья галерея, где помещалась богиня, особенно мрачная. В ней полно барельефов, изображающих каких-то фантастических животных, борющихся друг с другом. Они похожи на гигантских жуков, и большинство палеонтологов решительно отрицает, что они когда-либо могли существовать. Но независимо от того, были ли они выдуманы или нет, они принадлежали к этому миру, и Дэнни беспокоили не столько они, сколько богиня. Она

смотрела на него сквозь века, требуя объяснения, зачем он здесь находится. Откуда я об этом знаю? Он мне сам рассказал.

Дэнни приступил к работе над футляром с осторожностью ювелира, готовящегося разрезать драгоценный камень. Почти вся ночь у него ушла на то, чтобы выпилить люк, и уже почти светало, когда он устроил перерыв и отложил пилку. Ему еще оставалось сделать много, но самое трудное было уже позади. Поместить копию в футляр, сверившись с фотографиями, которые он предусмотрительно захватил, и убрать за собой — все должно было занять изрядную часть воскресенья, но, в конце концов, это его не волновало. У него впереди были еще целые сутки, и он, несомненно, дождался бы первых посетителей в понедельник, чтобы затеряться среди них и выйти незамеченным.

Для него было страшным ударом, когда в половине девятого утра главные двери с шумом распахнулись и музейные служащие — а их было шесть — открыли музей. Дэнни помчался к запасному выходу, оставив все: богиню, инструменты и свои вещи. Еще один сюрприз ждал его на улице. Улицы должны были быть пустыми в этот час дня — всем полагалось сидеть дома и читать воскресные газеты. Но он увидел жителей Восточного Меридиана, направляющихся на заводы и в конторы, как в обычный рабочий день.

В то время как бедный Дэнни шел к своему отелю, мы уже поджидали его. Мы не представляли, чтобы землянин, даже только недавно приехавший, мог не учесть самой главной особенности города Меридиана. Я думаю, вы знаете, что я имею в виду.

— Честное слово, не знаю, — ответил я. — За шесть недель не очень-то много можно увидеть на Марсе, и я не заезжал дальше Большого Сырта.

— Ну, да ведь это до абсурда просто, но мы не должны быть слишком строги к Дэнни. Даже местные жители иногда попадают в эту ловушку. Эта проблема не волнует нас на Земле, ибо условная линия, отделяющая один день от другого, проходит в Тихом океане. Но весь Марс, как вы знаете, состоит из суши; а это означает, что кто-то должен жить на границе часового пояса.

Дэнни, видите ли, планировал всю свою операцию в Западном Меридиане. Там действительно было воскресенье, и воскресенье все еще продолжалось, когда его задержали в отеле. Но в Восточном Меридиане, в полумиле отсюда, была еще только суббота. Эта маленькая прогулка по парку и была причиной всего. Я говорю вам, ему чертовски не повезло.

Какое-то время я в глубине души сочувствовал Дэнни а затем спросил:

— Сколько ему дали?

— Три года, — сказал инспектор Роулингс.

— Не так уж много.

— Но ведь это марсианские годы — то есть почти шесть наших лет. И еще большой штраф, который по редкому совпадению равнялся стоимости его обратного билета на Землю. Само собой разумеется, он не в тюрьме: Марс не может позволить себе такой роскоши. Дэнни должен трудиться, зарабатывая себе на пропитание, под наблюдением, не отличающимся, однако, строгостью. Я вам говорил, что музей Меридиана не мог позволить себе учредить должность ночного сторожа. Ну, так теперь он у него есть. Вы догадываетесь, кто это.

— Всем пассажирам приготовиться к посадке в течение десяти минут! Просьба собрать вещи! — приказывали громкоговорители.

Так как мы уже направились к месту посадки, то я поспешил задать еще один вопрос:

— А что вы скажете о людях, которые стояли за Дэнни? Они обещали ему много денег. Вы их еще не нашли?

— Пока еще нет, они тщательно замели свои следы. Но я верю, что Дэнни не врал, говоря, что не может нам ничего подсказать. Да это и не мое дело. Я вам уже сказал, что возвращаюсь к старой работе в Скотленд-Ярде. Но у полицейского глаз наметанный, как у антиквара, не правда ли, мистер Маккэр? Что это с вами, вы побледнели? Вот, пожалуйста, таблетки от тошноты.

— Нет, благодарю вас,— ответил мистер Маккэр,— я вполне здоров.

Он промолвил это явно недружелюбным тоном. Теплота наших отношений, казалось, за последние несколько минут упала ниже нуля. Я взглянул на мистера Маккэра, затем на инспектора. И внезапно почувствовал, что наше путешествие будет очень интересным.

АРТУР
ПОРДЖЕС

ЦЕННЫЙ
ТОВАР

Когда лейтенанта Гаррета вызвали в контрольную рубку, прежде всего ему пришло в голову, что умер капитан. Чем еще можно объяснить такое волнение в голосе мичмана? Он соскочил с койки, промчался по коридору к рубке и, просунув голову в дверь, выпалил:— Ну, что случилось, Луи? Лекарство не помогло? Капитан ум...

Гарсия посмотрел на Гаррета таким отсутствующим взглядом, что лейтенант умолк на полуслове.

— Лекарство? — переспросил юноша. Казалось, его мысли были где-то далеко-далеко. — Нет, шкипер в порядке. Я хотел получить ваше разрешение на перемену курса. Вы можете принять меня за сумасшедшего, лейтенант, но, клянусь всевышним, через несколько часов мы протараним С-2. Он летит всего в четырех градусах от нашего курсового вектора.

— С-2? Не говори чепухи! Последний С-2 был убит одиннадцать, нет, постой, четырнадцать лет назад. У тебя галлюцинации, парены!

— Мне сначала тоже так показалось. Но потом я увидел его парус на микроэкране. И если это не галлюцинации, парус очень большой, лейтенант. Чертовски большой.

Юноша услышал, как лейтенант присвистнул. И понятно почему.

В 1870 году китолов или вообще мореплаватель, которому удавалось найти большой кусок таинственной суб-

станции под названием «амбра», почитал себя счастливым. Он мог выручить за этот кусок немалую сумму. В 2270 году точно так же мог считать себя счастливым космонавт, которому удавалось добыть С-2. Однако С-2, или Солнечный Странник, попадался гораздо реже и стоил несравненно дороже амбры.

Первый Солнечный Странник был замечен в 2164 году, и это открытие произвело грандиозный переполох в научном мире. Сама мысль о том, что живой организм мог существовать и расти в безвоздушном, пронизанном смертельной радиацией пространстве с температурой, равной абсолютному нулю, казалась настолько необычной и неприемлемой, что космонавтов с межпланетного корабля «Алеут», обнаруживших первого Солнечного Странника, долгое время считали обманщиками или в лучшем случае шутниками, которые с помощью поддельных фотографий пытались одурачить человечество.

Однако, после того как в космосе было замечено еще несколько Солнечных Странников, стало невозможно отрицать факт их существования. Пришлось с этим примириться.

С-2, подобно «португальскому кораблику» земных морей, состоит из желеобразного тельца, от которого отходит парус. Под давлением солнечного света Солнечный Странник путешествует по всему космосу. Питается С-2, очевидно, космической пылью, подобно тому как киты питаются планктоном. Солнечный Странник обладает способностью сворачивать или перекашивать этот парус — свое бесценное сокровище — и таким образом управлять собственным полетом в космосе. Поскольку С-2 не имеет мышц, этот процесс происходит исключительно медленно, и никому еще не удавалось наблюдать его. По-

хоже, что он избегает сильных гравитационных полей из боязни врезаться в планету или сгореть в лучах солнца. Поэтому Солнечный Странник появляется только там, где давление фотонов на его парус превосходит гравитацию материи.

Поскольку все попытки вступить в контакт с таинственным организмом потерпели неудачу, Галактическому совету пришлось объявить Солнечных Странников животными низшего порядка с неразвитым сознанием и разрешить охоту на них.

Парус Солнечных Странников — именно он-то и представлял огромную коммерческую ценность — состоял из вещества, не встречающегося больше нигде во всей Галактике. Тонкий и легкий, как самая изящная паутинка, он был прочнее всех известных синтетических материалов, начиная с гамма-нейлона и кончая дюреттом. Только самые мощные механические ножницы, сделанные из особого сплава, могли его разрезать. «Материя» паруса была огнестойкой, водонепроницаемой и не поддавалась воздействию химических реагентов, даже самых сильнодействующих. Кроме того, она была почти идеальным проводником электричества, с сопротивлением, близким к нулю при любой температуре. И наконец, этот удивительный материал сверкал, подобно радуге, под воздействием всякого рода излучений, начиная с космических лучей и кончая самыми длинными радиоволнами. Для чего бы он ни употреблялся — для точнейших прецизионных инструментов или вечерних платьев жен и дочерей мультимиллионеров, — материал был настолько редким и пользовался таким неслыханным спросом, что цену на него диктовали публичные аукционы.

Все попытки воспроизвести это таинственное вещество искусственным путем в лабораториях потерпели неудачу; многие считали, что причиной этого была недо-

оценка фактора времени. Солнечному Страннику требовалась по крайней мере тысяча лет, чтобы вырастить парус, молекула за молекулой, под лучами самых разнообразных звезд, в абсолютной пустоте космического пространства — создать подобные условия в лаборатории было невозможно.

Так что взволнованные нотки в голосе Альвареца были легко объяснимы. Помимо того, что погоня сама по себе была увлекательной, юноша уже представлял, как перед ним одно за другим рушатся все препятствия. Перед его глазами встало прелестное лицо Джулии Марлоу, отец которой, старший член Галактического совета, не позволил бы ей выйти замуж за нищего мичмана. Правда, девушке нравился этот темноволосый мужественный юноша атлетического сложения; но она только на косметику тратила гораздо больше, чем он зарабатывал. Джулия была прелестна, весела, великодушна и нежна, однако отцовское воспитание сказывалось и девушка никогда не считала, что с милым рай и в шалаше.

Но теперь, когда юноша получит треть суммы от продажи громадного паруса Солнечного Странника...

Голубые, холодные как лед глаза Гаррета внимательно изучали растущее на экране изображение С-2.

— Клянусь богом, ты прав! А я-то никогда в них не верил! Луи, мой мальчик, ты даже и не подозреваешь, что означает для нас эта штука.

Гаррет отлично понимал, что означала «эта штука» для него лично. Он слишком засиделся в лейтенантах и скоро должен быть уволен в отставку с мизерной пенсией. Первоклассный офицер, храбрый, изворотливый, он обладал лишь одним недостатком — вспыльчивостью. И это очень помешало его военной карьере. Широкопле-

чий и коренастый, с горящими глазами, он всегда предпочитал действия словам — король в драке, Гаррет не мог предвидеть более чем на десять минут вперед.

— Понимаю ли я? — ответил мичман на вопрос Гаррета. — Этот парус означает для нас миллион долларов, и каждому достанется треть. Если выживет капитан, — быстро добавил он. — И тогда я попрошу руки Джулии.

— Отлично! — машинально ответил лейтенант. Он был занят мыслями о своей доле. Ему больше не придется думать о том, как бы прожить на крохотную пенсию, или о том, где найти работу, спекулируя своим прежним званием и наградами. Теперь перед ним откроется роскошная жизнь — вино, женщины, музыка... Впрочем, он обойдется без музыки: шелест крупных кредиток всегда казался ему самым мелодичным звуком на свете.

— Ну, — спросил Альварец, улыбаясь во весь рот, — чего мы ждем? Я слышал, что, если направить лазерный луч вон в то большое синеватое пятно недалеко от центра, со Странником все будет покончено. И никакого риска повредить парус — впрочем, вряд ли его вообще можно повредить.

— Верно. Курс на сближение. Через час С-2 будет в пределах досягаемости лазерного луча. Подумать только, первый за целых четырнадцать лет! — с торжеством прошептал он. — Они, очевидно, почти все вымерли, а некоторых выловили. Может быть, они живут в какой-нибудь другой галактике, а те немногие, которые попадались на глаза людям, залетели к нам случайно. — Лейтенант несколько секунд манипулировал ручками микрометра и наконец заметил с удовольствием: — По моим измерениям, площадь паруса равна пятистам квадратным футам. А так как последнего Солнечного Странника поймали бог знает сколько лет назад, мы сумеем продать нашего не за миллион — об этом и речи быть не может, —

а по крайней мере за два миллиона долларов! В противном случае я готов съесть эту медузу целиком — без паруса, конечно, и даже без хлеба.

Мичман повернул тумблеры, и космический корабль начал быстро приближаться к Солнечному Страннику. Вдруг из громкоговорителя внутренней связи донесся слабый, но отчетливый голос капитана:

— Лейтенант Гаррет, немедленно явитесь в мою каюту. И вы, Альварец, тоже.

— Смотри-ка! — воскликнул юноша. — Подействовало! Похоже, что кризис миновал. Это лекарство или убивает, или ставит на ноги, сказали врачи, и они правы. Если бы не инъекция, он был бы уже мертв — помнишь, как плох он был вчера вечером.

— Поистине, какой сегодня счастливый день, — заметил лейтенант с едва уловимой иронией. — Краткий экскурс в учебник медицины — и ты спасаешь жизнь шкиперу; тебе везет, сынок. Ну-ка, поставь корабль на автопилот и пойдем к капитану. Приятная новость окончательно поднимет его на ноги.

Когда они вошли в каюту, капитан Линг с трудом приподнялся на койке; его глаза лихорадочно блеснули, и он тяжело дышал.

— Снаружи кто-то есть, — сказал он едва слышно. — Он только что вступил со мной в контакт, конечно телепатический.

Вошедшие воззрились на капитана.

— Кто? — спросил наконец юноша.

— Солнечный Странник, — ответил капитан. — Разве вы его не заметили? Хороши же вы двое — пока я болен, вы... впрочем, ладно. Может быть, он еще слишком далеко. Во всяком случае, один Солнечный Странник пе-

редавал другому: «Скоро я погибну; убийцы совсем рядом и неотступно преследуют меня. Мы не можем общаться с ними, и они всегда убивают нас, не знаю почему. Прощай...» — Я не расслышал имени, а может, у него и не было никакого имени. Другой Солнечный Странник был далеко, где-то не в нашей галактике. Тем не менее они тут же установили связь, через гигантскую пропасть в миллион световых лет.

— У вас галлюцинации, капитан, — сказал Гаррет. — Вы отлично знаете, что еще ни разу не удавалось установить контакт с Солнечными Странниками. Ведь это просто низшие животные — своего рода космические медузы. Станные и красивые, это верно, но с интеллектом не выше, чем у дождевого червя.

Линг выпрямился, его губы искривились.

— Значит, вы заметили Солнечного Странника?

— Так точно, сэр, — неохотно признался лейтенант и пристально посмотрел на капитана. — Как вы знаете, сэр, телепатия возможна между живыми существами. Ею нельзя управлять, но она существует. Вы, может быть, уловили обрывок моих мыслей или мыслей Луи. Это единственное объяснение.

Капитан не знал, что ответить; болезнь еще не отпустила его, и он не мог сосредоточиться. Откинувшись на подушку, он тяжело вздохнул.

— Может быть, вы и правы, но необходимо убедиться в этом, — твердо сказал он. — А пока я запрещаю убивать этого Солнечного Странника. Это приказ.

— Но, капитан, — запротестовал Гаррет, — С-2 официально объявлен существом низшего порядка, и охота на него разрешена! Ваш приказ, сэр, является незаконным. Я уже не хочу напоминать вам о том, чего стоит подобная находка. Ваша доля будет составлять по крайней мере...

— Это совершенно неважно, — огрызнулся капитан. — Не забудьте, лейтенант, что этим кораблем командую я. Если мой приказ кажется вам незаконным, то вам известен Устав — исполнить приказ и обжаловать его по прибытии на базу. Очень жаль, что приходится напоминать об этом офицеру с вашим стажем.

— Но ведь он улизнет от нас! — рассердился Гаррет. — Может быть вам наплевать, но я не собираюсь упускать свое счастье; целое состояние пролетает у нас мимо носа. Нам редко что перепадает. Мы здесь трудимся круглые сутки, в то время как эти парни на Земле спекуляциями зарабатывают за день больше, чем я за целый год!

Глаза Линга расширились, но он спокойно ответил:

— Вы можете следовать за ним некоторое время. Возможно, мне еще удастся вступить с ним в контакт.

— Я уверен, что это действие нового лекарства, капитан, — вставил Альварец. — Вы были в безнадежном состоянии, и мы решили впрыснуть вам дозу психического энергизатора. Очевидно, он и вызвал галлюцинации.

— Но все это было так отчетливо — и так логично, — проговорил Линг, словно обращаясь к самому себе. — Темп их жизни очень медленный по сравнению с нашим, они путешествуют из одной вселенной в другую, пролетая через чудовищно большие пропасти, разделяющие их. У нас еще нет технических средств для этого. Солнечные Странники избегают скоплений материи; может быть, поэтому они встречаются у нас так редко. Они не могут противостоять гравитационному полю. У них такая маленькая масса — проходят многие тысячелетия, прежде чем они вырастают до нормальных размеров, питаются крошечными частицами космической пыли. Их мысли ка-

жуются слишком медленными, и их движения тоже. Они просто не успевают вовремя послать сигнал с просьбой о пощаде. Совсем беспомощные — как это ужасно! Если бы я только мог замедлить процесс своего мышления, записать их речь... мы могли бы воспроизвести запись с любой скоростью... но мысли... — Капитан устало закрыл глаза.

— Каким же образом вы предполагаете вступить в контакт с Солнечным Странником, сэр? — угрюмо спросил Гаррет. — Мы не можем вечно следовать за ним, в конце следующего месяца нам нужно прибыть на Ригель-3.

— Не знаю, — признался капитан, все еще сидевший с закрытыми глазами. — У меня голова идет кругом, и я никак не могу сосредоточиться. — Внезапно он устался в одну точку. — Впрочем, такой способ есть. Вы должны впрыснуть мне еще одну дозу этого нового лекарства!

— Но, капитан, — запротестовал Альварец, — это слишком рискованно! Один раз вам повезло. Стоит ли так искушать судьбу?

— У меня нет другого выхода. Если это вещество увеличивает чувствительность нервных окончаний и каким-то образом синхронизирует их деятельность с мыслительными процессами С-2, я должен попробовать еще раз. По крайней мере на моей совести не будет убийства высшего разумного существа. И не только разумного, но и благородного. Если бы вы могли почувствовать всю глубину его разума, чистоту мыслей. В нем нет ненависти; чистый дух...

— Я тоже был бы чистым, если бы мог летать в межпланетном пространстве один-одинешенек, — угрюмо заметил Гаррет. — Но, к сожалению, я живу на Земле, а для этого требуются деньги, и немалые.

— Вы не отдаете отчета в своих словах, лейтенант, — ответил Линг. — Я не верю, что вы так жестоки. Да, Сол-

нечные Странники не способны двигаться, как мы,—у них нет для этого органов. Но зато какой разум! С-2, в контакте с которым я был, придумывал математическую задачу. Математика — моя специальность, но после первых пяти постулатов я вконец запутался. Только подумайте, как многому можно было бы научиться! Теорема, над которой он работает, призвана объединить электричество, гравитацию, магнетизм, атом — на первый взгляд дикая комбинация, но я верю, что это возможно. Я действительно верю этому!

— Далеко не вся математика имеет практическое значение, — заметил Гаррет.

— Верно. Но подумайте только об одном. Они решили проблему космической связи. С помощью обмена мыслями они получили возможность беседовать через расстояния, о которых мы не имеем даже представления; — многие миллионы световых лет! Когда от взрослого Солнечного Странника отпочковывается крошечный «сын» — а именно так они размножаются, — они летят в разные стороны на протяжении многих тысячелетий. Ускорение их полета ничтожно — всего 0,00001 метра в секунду за секунду, но оно постоянно, и скорость непрерывно растет. И вот отец и сын совершенно свободно говорят друг с другом через огромное пространство, разделяющее их! Подумайте, как важно для нас такое открытие! Скорость света слишком медленная величина, если мы хотим вырваться за пределы солнечной системы. Она нас связывает по рукам и ногам.

Капитан снова приподнялся на постели и стиснул зубы. — Но я совсем не обязан убеждать вас в своей правоте, черт возьми! Мичман, сделайте мне инъекцию нового лекарства. Это приказ!

Приказы повсюду выполнялись беспрекословно, тем более в космическом флоте. Юноша беспомощно посмот-

рел на лейтенанта, который нахмурился, затем пожал плечами.

Два человека нетерпеливо ждали, какой будет реакция капитана на повторную дозу лекарства. На этот раз она наступила гораздо раньше. Как только капитан оправился от укола, он сказал: — Вы сами сможете убедиться в разумности Солнечного Странника. Если я слышу С-2, то и он должен слышать меня. Я... я попрошу его дать нам сигнал!

— Капитан, но это безумие, — запротестовал Гаррет. — Какой сигнал способен дать Солнечный Странник? Он не может разговаривать, не может пускать сигнальные ракеты...

— Я попрошу его свернуть парус.

Гаррет заколебался.

— Хорошо, мы будем наблюдать за ним, — ответил он наконец.

Они снова перешли в контрольную рубку и продолжали наблюдать за парусом Солнечного Странника. Часы шли — и мысли о деньгах все упорнее овладевали ими.

— Миллион долларов! — прошептал Альварец.

— Больше, гораздо больше. По крайней мере два миллиона!

— И все это там, поджидает нас. Он не в силах скрыться... Интересно, понимает ли он, что его ждет? Впрочем, даже если и понимает, он не сможет убежать от нас. Если тебя приводит в движение только солнечный свет, тут особенно не разбежишься. Два миллиона долларов!

Внезапно юноша оцепенел, его глаза остановились на шкале микрометра.

— Не может быть! — едва выговорил он.

— Что случилось? — рывкнул лейтенант, с сожалением отрываясь от мыслей о Дворце удовольствий на Риге-

ле-3, где за скромную цену можно купить радости, неизвестные на Земле.

— Он сворачивает парус! Клянусь богом, он... посмотрите! Нужно немедленно сообщить капитану!

Юноша протянул руку к микрофону и вдруг почувствовал, как сильные пальцы лейтенанта тисками сжали его запястье.

— Подождите. Мы должны убедиться сами. Подождем еще немного и потолкуем.

Долго-долго они молчали, глядя на парус, который медленно сворачивался, подобно закрывающемуся на ночь диковинному цветку. Когда все сомнения в разумности Солнечного Странника исчезли, Альварец снова протянул руку к микрофону. И снова тяжелая рука лейтенанта легла ему на плечо.

— Послушай,— угрюмо сказал лейтенант.— К чему ходить вокруг да около, скажу тебе напрямик. Если это понадобится, я буду отрицать каждое слово, которое сейчас скажу. Так вот, эта штука действительно сигналист, у этого куса слизи есть чуточка разума? Ну и что? Ведь он не такой, как мы, это же не человек — просто какая-то космическая медуза. Что бы ни говорили мудрецы из Совета Единой Вселенной, я не собираюсь признавать своим братом каждый кусок желе только потому, что ему известна таблица умножения. Давай рассуждать просто: там, за бортом, наши состояния, роскошная жизнь. Ты согласен отказаться от всего этого?

— Н-но проблема связи,— заикнулся было юноша.— Она тоже может принести нам целое состояние.

— Не говори глупостей! Ученым понадобится много лет, прежде чем они раскроют секрет космической связи Солнечных Странников. А сколько они провозятся после

этого, чтобы создать аппарат, дублирующий органы связи С-2? А ведь мы даже не знаем, как подействует это лекарство на другого человека, сумеет ли он вступить в контакт с Солнечным Странником! Вполне вероятно, что мы к тому времени обзаведемся длинными седыми бородами... но даже это еще не известно.— Лейтенант холодно взглянул на юношу.— Я сам поговорю с капитаном, а ты будешь только поддакивать — идет?

Альварец заколебался, но все-таки согласился.

Они вошли в каюту, капитан уставился на них.

— Жжет,— бормотал он,— чертово лекарство жжет мои внутренности.— Он с трудом приподнялся, сел.— Ну, что случилось? Вы ведь все видели. С-2 передал мне, что он свернул свой парус.

— Мне очень жаль, капитан,— сказал Гаррет, глядя прямо в глаза капитану,— но ничего не произошло. Мы следили за ним неотрывно, но не заметили ничего даже отдаленно похожего на ответный сигнал. Наоборот, он еще больше развернул парус и начал двигаться в сторону — очевидно, пытается скрыться. Но он двигается слишком медленно. Животная реакция, несомненно. Низшее животное инстинктивно пытается спастись. У вас просто галлюцинации из-за лекарства, капитан. Верно, Альварец?

Смертельно бледный, юноша кивнул головой.

— Совершенно верно, капитан. Никаких признаков разумного поведения. Весь этот мысленный обмен с Солнечным Странником просто галлюцинации. Жаль, очень жаль,— юноша вздохнул.

— Так я и знал,— сказал капитан с горечью и бесильно опустил на подушки.— Всего лишь галлюцинации... Ну что ж... Я и так вам помешал. Идите, хватайте свои миллионы!

— Наши миллионы,— поправил его Гаррет.— И это

на редкость большой экземпляр, капитан. Вашей доли хватит, чтобы купить имение, о котором вы так часто говорили, и еще останется куча денег.

— Уж лучше бы мой бред оказался былью. Во всяком случае, моя совесть чиста.

Выйдя из капитанской каюты, лейтенант и мичман посмотрели друг на друга.

— Его совесть чиста,— пробормотал лейтенант.— А моя совесть не стоит семисот тысяч долларов.— Он положил руку на плечо юноши.— У вас есть поговорка, которая мне очень по душе: «Бери все, что тебе нравится, но плати за это».

— Да, знаю,— нахмурился Альварец.— Мой отец часто повторяет ее. А мама всегда отвечает ему: «Верно, но, когда приходит счет, он может оказаться слишком большим». Альварец словно постарел, его круглое мальчишечье лицо осунулось.

— С другой стороны,— задумчиво ответил Гаррет,— иногда счет не приходит совсем...

ЭРИК
ФРЭНК
РАССЕЛ

АЛАМАГУСА

Уже давно на борту космического корабля «Бастлер» не было такой тишины. Корабль стоял в космопорту Сириуса с холодными дюзами, корпус его был испещрен многочисленными шрамами — ни дать ни взять измученный бегун после марафонского бега. Впрочем, для такого вида у «Бастлера» были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь, в космопорту, гигантский корабль обрел заслуженный, хотя и временный покой. Тишина, наконец тишина. Нет больше ни тревог, ни беспокойств, ни огорчений, ни мучительных затруднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Только тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и с наслаждением расслабив все мышцы тела. Атомные двигатели были выключены, и впервые за многие месяцы смолк адский грохот машин. Почти вся команда «Бастлера» — около четырехсот человек, получивших увольнение, — кутила напропалую в соседнем большом городе, залитом лучами яркого солнца. Вечером, как только первый помощник Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам отправится в благоухающие сумерки, чтобы приобщиться к сверкающей неонов цивилизации.

Как приятно наконец ступить на твердую землю! Команда получает возможность развлечься, так сказать, выпустить лишний пар, что каждый делает по-своему. Позади заботы, волнения, обязанности и тревоги. Комфорт и безопасность — награда усталым космическим скитальцам!

Старший радиоофицер Бурман вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и по лицу его было видно, что ему известно по крайней мере двадцать более приятных способов времяпрепровождения.

— Только что прибыла радиограмма, сэр, — сказал он, протянув листок бумаги, и остановился в ожидании ответа.

Капитан Макнаут взял радиограмму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командиру положение, прочитал вслух:

— ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕ-
РУ ТЧК ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙ-
ШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК КОНТРАДМИРАЛ ВЭЙН У.
КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО ТЧК
ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
СИРИСЕКТОР

Лицо капитана стало суровым. Он оторвал глаза от бумаги и громко застонал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Бурман, чуя неладное. Макнаут указал на три книжечки, лежавшие стопкой на столе.

— Средняя. Страница двадцатая.

Бурман перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: «Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность — главный инспектор кораблей и складов».

Бурман с трудом сглотнул слюну. — Значит...

— Да,— недовольно подтвердил Макнаут.— Снова как в военном училище. Красить и драить, чистить и полировать.— Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом:— Капитан, у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по списку числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось? Почему у одного из членов экипажа отсутствует официально зарегистрированная пара казенных подтяжек? Вы сообщили о их исчезновении?

— Почему он взялся именно за нас?—спросил Бурман с выражением ужаса на лице.— Ведь никогда раньше он не обращал на нас внимания!

— Именно поэтому,— ответил Макнаут, глядя на стену с видом мученика.— Пришла наша очередь получить взбучку.— Отсутствующий взгляд капитана остановился наконец на календаре.— У нас еще три дня— за это время многое можно исправить. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Бурман ушел как в воду опущенный. Вскоре в дверях появился Пайк. Несчастное выражение его лица подтверждало старую истину, что плохие новости летят на крыльях.

— Выпиши требование на сто галлонов пластикраски, темно-серой, высшего качества. И второе— на тридцать галлонов белой эмали для внутренних помещений. Немедленно отправь их на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирачный материал, который у них плохо лежит.

— Команде это не понравится,— заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

— Ничего, стерпится — слюбится, — заверил его Макнаут. — Сверкающий, отдраенный до блеска корабль благотворно влияет на моральное состояние экипажа — именно так записано в Уставе космической службы. А теперь пошевеливайся и быстро отошли требования на краску. Потом принеси мне списки инвентарного имущества. Мы должны произвести инвентаризацию до прибытия Кэссида. Когда он приедет, уже не удастся покрыть недостачу или сбавить предметы, которые окажутся в избытке.

— Есть, сэр, — Пайк повернулся и вышел из каюты, волоча ноги, с таким же траурным выражением на лице, как и у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное чувство, что в последнюю минуту все усилия пойдут прахом. Недостаток табельного имущества — дело достаточно серьезное, если только исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток — и того хуже. Если первое свидетельствует о небрежности или халатности при хранении, то второе может значить только преднамеренное хищение казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Взять, например, случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера «Свифт», — слухом космос полнится. Макнаут узнал об этом, когда «Бастлер» пролетал мимо Бутса. При инвентаризации табельного имущества у Уильямса на борту крейсера «Свифт» нашли одиннадцать катушек проводов для электрифицированных заграждений, тогда как по спискам полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и только тогда выяснилось, что этот лишний моток прово-

локи, которая, между прочим, пользовалась исключительным спросом на некоторых планетах, не был украден из складов космической службы и доставлен, или на космическом жаргоне телепортирован, на корабль. Тем не менее Уильямс получил нагоняй, что мало помогает продвижению по службе.

Макнаут все еще размышлял, ворча себе под нос, когда вернулся Пайк с толстенной папкой в руках.

— Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэръ?

— Ничего другого нам не остается,— вздохнул капитан, посылая последнее «прости» своему отдыху в городе и ярким праздничным огням.— Потребуется уйма времени, чтобы обшарить корабль от носа до кормы, поэтому осмотр личного имущества экипажа проведем напоследок.

Выйдя из каюты, капитан направился к носу «Бастлера»; за ним с видом мученика тащился Пайк.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шествие. Этот огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом, но мало заботились о чистоте породы, был полноправным членом экипажа и гордо носил ошейник с надписью «Пизлейк — имущество косм. кор. «Бастлер». Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не подпускать к трапу корабля местных грызунов и в редких случаях — обнаруживать опасность, недоступную человеческому глазу.

Все трое шествовали по коридору — Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, которые жертвуют собой во имя долга, а тяжело дышащий Пизлейк был преисполнен готовности начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

— Ты знаешь всю эту кухню лучше меня — мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать, а ты — проверять наличие. — Капитан открыл папку и начал с первого листа:

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Есть, — сказал Пайк.

— К-2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип Джи-Джи, один.

— Есть.

— К-3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсини, одна пара.

— Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел ему в лицо понимающими глазами и негромко завыл. Он начал соображать, чем занимаются эти двое. Нудная переключка была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову Пизлейка и стал играть песьими ушами, протяжно выкликая предмет за предметом.

— К-187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота.

— Есть.

К тому времени, когда первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохотной рубки внутренней радиосвязи и копались там в полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, давно покинул их.

— М-24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип Т-2, комплект из шести штук, один.

— Есть.

Выпучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

— Что здесь происходит?

— Скоро нам предстоит генеральная инспекция,— ответил Макнаут, поглядывая на часы.— Пойди-ка проверь, привезли краску или нет и если нет, то почему. А потом приходи сюда и помоги мне с проверкой— Пайку надо заниматься другими делами.

— Значит, увольнение в город отменяется?

— Конечно, до тех пор пока не уберется этот начальник веников и заведующий пайками.— Капитан повернулся к Пайку.— Когда будешь в городе, постарайся разыскать и отправить на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. И чтобы без всяких там алиби или задержек. Это приказ!

Лицо Пайка приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся и доложил:— Окрасочные материалы придут через двадцать минут.— С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

— М-47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки.

— Есть,— сказал Грегори, проклиная себя. И угроз- дило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и возобновилась с восходом солнца. К этому времени уже три четверти команды трудилось в поте лица как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за преступления задуманные, но еще не совершенные.

По узким коридорам и переходам пришлось передвигаться по-крабьи, на четвереньках — лишнее доказательство того, что представители высших форм земной жизни

испытывают панический страх перед свежей краской. Капитан во всеуслышание объявил, что первый, кто посадит пятно на свежую краску, поплатится за это десятью годами жизни.

На исходе второго дня зловещие предчувствия капитана начали сбываться. Они уже заканчивали девятую страницу очередного инвентарного списка кухонного имущества, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, пройдя две трети пути, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут побормотал скучным голосом:

— В-1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один.

— Здесь,— ответил Бланшар, постучав по кувшину пальцем.

— В-1098. Капес, один.

— Что?— спросил Бланшар, изумленно выпучив глаза.

— В-1098. Капес, один,— повторил Макнаут.— Ну, что смотришь, будто тебя громом ударило? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кому же еще знать, что находится в камбузе? Ну, где этот капес?

— Первый раз о нем слышу,— решительно заявил повар.

— Быть того не может. Он внесен вот в этот список табельного имущества камбуза, напечатано четко и ясно: капес, один. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля четыре года назад. Мы сами проверили наличие капеса и расписались.

— Ни за какой капес я не расписывался.— Бланшар упрямо покачал головой.— В моем камбузе нет такой штуки.

— Посмотри сам!— с этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар взглянул и презрительно фыркнул.

— У меня здесь есть электрическая печь, одна. Кипятильники, покрытые кожухами, с мерным устройством, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот капеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое.— Он выразительно развел руками.— Нет у меня капеса!

— Но ведь должен же он где-то быть,— втолковывал ему Макнаут.— Если Кэссиди обнаружит, что капес пропал, поднимется черт знает какой тарарам!

— А вы его сами поищите,— язвительно посоветовал Бланшар.

— Послушай, Жан, у тебя диплом Кулинарной школы Международной ассоциации отелей, у тебя свидетельство Колледжа поваров Кордон Бле, наконец, ты награжден почетным дипломом с тремя похвальными отзывами Центра питания космического флота,— напомнил ему Макнаут.— И как же ты не знаешь, где у тебя капес!

— Черт возьми!— завопил Бланшар, всплеснув руками.— Сотый раз повторяю, что у меня нет никакого капеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, так как в моем камбузе никакого капеса нет. Что я, волшебник, что ли?

— Этот капес — часть кухонного имущества,— стоял на своем Макнаут.— И он должен быть где-то, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка камбуза. А это означает, что ему надлежит находиться здесь и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

— Черта с два! Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой?— огрызнулся Бланшар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут немного подумал и ответил примирительно:

— Нет, это имущество Бурмана. Его хозяйство расползлось по всему кораблю.

— Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый капес!— заявил Бланшар с нескрываемым триумфом.

— Я так и сделаю. Если капес не твой, он должен принадлежать Бурману. Давай только сначала разделаемся с кухней. Если Кэссиди не заметит в хранении системы и тщательности, он разжалует меня в рядовые.— Капитан опять уткнулся в список.— В-1099. Ошейник собачий с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, один. Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке.— Макнаут поставил аккуратную птичку около ошейника и продолжал:— В-1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна.

— Вот она,— сказал повар, пинком отшвыривая ее в угол.

— В-1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна.

— Половина подушки,— поправил его Бланшар.— За четыре года Пизлейк изжевал вторую половину.

— Может быть, Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке.— Макнаут встал и закрыл папку.— Итак, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом насчет исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

— При осмотре камбуза выявилась недостача одного капеса,— объяснил Макнаут.— Как ты думаешь, где он может быть?

— Откуда мне знать? Камбуз — царство Бланшара.

— Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз. Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится капес?

— В первый раз о нем слышу, — озадаченно проговорил Бурман.

— Перестань болтать глупости! — заорал Макнаут, теряя всяческое терпение. — Хватит с меня бредней Бланшара! Четыре года назад у нас был капес, это точно. Загляни в инвентарные списки! Это — корабельная копия списка, все имущество проверено, и под этим стоит моя подпись. Значит, расписались и за капес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссида.

— Очень жаль, сэр, — выразил свое сочувствие Бурман, — но я ничем не могу вам помочь.

— Подумай еще, — посоветовал Макнаут. — В носу расположен указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

— Напрас, — ответил Бурман, не понимая, куда клонит хитрый капитан.

— А как ты называешь вот эту штуку? — продолжал Макнаут, указывая на пульсовой передатчик.

— Пуль-пуль.

— Ребячьи словечки, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался капес четыре года назад!

— Насколько мне известно, — ответил Бурман, подумав, — у нас никогда не было ничего похожего на капес.

— Тогда, — спросил Макнаут, — почему мы за него расписались?

— Я не расписывался. Это вы везде расписывались.

— Да, в то время как все вы проверяли наличие. Четыре года назад, очевидно в камбузе, я произнес: «Капес, один», и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: «Есть». Я поверил вам на слово. Ведь мне приходится верить начальникам служб. Я специалист по штурманскому делу, знаком со всеми навигационными приборами, а других не знаю. Значит, мне пришлось положиться на слова кого-то, кто знал или должен был знать, что такое капес.

Внезапно Бурмана осенила превосходная мысль.

— Послушайте, когда производилось переоборудование корабля, множество самых разнообразных приборов и устройств было рассовано по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько оборудования мы рассортировали, чтобы установить его в надлежащих местах? Этот самый капес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или Бланшара.

— Я поговорю с другими офицерами,— согласился Макнаут.— Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а капес должен быть найден. Или, если он отслужил положенный срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман состроил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и стал опять копать в радиоприемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с хмурым лицом.

— Несомненно, на борту корабля нет такого прибора,— заявил он с заметным раздражением.— Никто о нем не слышал, мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

— А вы вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении,— предложил Бурман.

— Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что обо всех случаях утраты или повреждения казенного имущества докладывают на базу тотчас после происшествия. Если я скажу Кэссиди, что капес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему о случившемся не информировали базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона. Нет, я не могу так просто избавиться от этого капеса.

— Что же тогда делать?— простодушно спросил Бурман, шагнув прямо в ловушку, поставленную изобретательным капитаном.

— Нам остается только одно!— объявил Макнаут.— Ты должен изготовить капес!

— Кто, я?— испуганно спросил Бурман.

— Ты и никто другой! Тем более что я почти уверен, что капес — это твое имущество.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это типично детское словечко из числа тех, о которых ты мне уже говорил. Готов поспорить на месячный оклад, что капес — это какая-нибудь высоконаучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Скажем, прибор слепой посадки.

— Прибор слепой посадки называется щупак,— информировал капитана радиоофицер.

— Вот видишь!— воскликнул Макнаут, как будто слова Бурмана подтвердили его теорию.— Так что принимайся за работу и состряпай хороший капес. Он должен быть готов завтра к шести часам вечера и доставлен ко мне в каюту для осмотра. И позаботься о том, чтобы капес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы он выглядел убедительно в момент работы.

Бурман встал, уронил руки и сказал хриплым голосом:— Как я могу изготовить капес, когда даже не знаю, как он выглядит?

— Кэссиди тоже не знает этого,— напомнил ему Макнаут с радостной улыбкой.— Он интересуется скорее количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, удостоверяет их наличие, соглашается с экспертами относительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть капес.

— Святой Моисей!— проникновенно воскликнул Бурман.

— Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей,— упрекнул его Макнаут.— Лучше воспользуемся серыми клетками, которыми нас наделил господь-бог. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к завтрашнему дню первоклассный капес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, тусклым взглядом вперился в стену и тяжело вздохнул.

Контр-адмирал Вэйн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиogramмой время. Это был краснолицый человек с брюшком и глазами мертвой рыбы. Он не ходил, а выступал.

— Здравствуйте, капитан, я уверен, что у вас все уже в полном порядке.

— Как всегда,— заверил его Макнаут, не моргнув глазом.— Это мой долг.— В его голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Отлично! —с одобрением отозвался Кэссиди.—Мне нравятся офицеры, серьезно относящиеся к своим хозяй-

ственным обязанностям. К сожалению, некоторые не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно взошел по трапу и прошествовал через главный люк внутрь корабля. Его рыбы глазки сейчас же обратили внимание на свежеекрашенную поверхность.

— С чего вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

— Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме, сэр. Поэтому лучше начать с носа, это упростит дело.

— Отлично.— И адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потрепать по шее Пизлейка и попутно глянул на ошейник.— Хорошо ухоженная собака, капитан. Она приносит пользу на корабле?

— Пизлейк спас жизнь пяти членам экипажа на Мардии: он лаем дал сигнал тревоги, сэр.

— Я надеюсь, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

— Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего осмотра.

— Мы проверим его в надлежащее время.

Войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку.— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Вот он, сэр,— сказал Макнаут, указывая на компас.

— Удовлетворены его работой?

— Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался наконец до камбуза.

У плиты в отутюженном ослепительно белом халате стоял Бланшар и смотрел на адмирала с нескрываемым подозрением.

— В-147. Электрическая печь, одна.

— Вот она,— сказал повар, презрительно ткнув пальцем в плиту.

— Довольны ее работой?— спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьим взглядом.

— Слишком мала,— объявил Бланшар. Он развел руками, как бы обхватывая весь камбуз.— Все слишком маленькое. Мало места. Негде повернуться. Этот камбуз похож скорее на чердак в собачьей конуре.

— Это — военный корабль, а не пассажирский лайнер,— огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он заглянул в инвентарный список.— В-148. Автоматические часы и электрическая печь в единой установке, один комплект.

— Вот они,— фыркнул Бланшар, готовый выбросить их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди берется оплатить их стоимость.

Адмирал продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне постепенно нарастало. Наконец Кэссиди произнес роковую фразу:

— В-1098. Капес, один.

— Черт побери!— в сердцах крикнул Бланшар.— Я уже говорил тысячу раз и снова повторяю, что...

— Капес находится в радиорубке, сэр,— поспешно вставил Макнаут.

— Вот как?— Кэссиди еще раз взглянул в список.— Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

— Во время последнего ремонта капес помещался в камбузе, сэр. Это один из портативных приборов, которые можно установить там, где для них находится местечко.

— Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему это не сделано?

— Я хотел получить ваше указание, сэр.

Рыбьи глазки немного оживились, в них промелькнуло одобрение. — Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу капес в другой список. — Адмирал собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался. — Продолжим, капитан. В-1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзо... ну ладно, я сам только что видел его. Он был на собаке.

Адмирал поставил галочку возле ошейника. Через час он прошествовал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на решительную позу, руки и ноги его мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом. В них читалась немая мольба. Бурман был как на угольях.

— В-1098. Капес, один, — произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь с угловатостью плохо отрегулированного робота, Бурман дотронулся до небольшого ящичка с многочисленными шкалами, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку, созданную радиолюбителем. Радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и заиграли самыми разнообразными комбинациями огней.

— Вот он, сэр, — с трудом произнес Бурман.

— Ага! — прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы рассмотреть его получше. — Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всего не упомнишь. Он функционирует нормально?

— Так точно, сэр!

— Это один из наиболее нужных приборов на корабле,— прибавил Макнаут для пущей убедительности.

— Каково же назначение? — спросил адмирал, давая возможность радиоофицеру метнуть перед ним бисер мудрости.

Бурман побледнел.

Макнаут поспешил к нему на помощь. — Видите ли, адмирал, подробное объяснение потребует слишком много времени, так как прибор исключительно сложен, но вкратце — капес позволяет установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Различные сочетания цветных огней указывают на степень и интенсивность разбалансировки гравитационных полей в любой заданный момент.

— Это очень тонкий прибор, основанный на константе Финагле,— добавил Бурман, внезапно исполнившись отчаянной смелости.

— Понимаю,— кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил галочку около капеса и продолжил инвентаризацию. — Ц-44. Коммутатор, автоматический, на 40 номеров внутренней связи, один.

— Вот он, сэр.

Адмирал взглянул на коммутатор и опять углубился в список. Офицеры воспользовались этим мгновением, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа завоевана.

Все в порядке.

Контр-адмирал отбыл с к. к. «Бастлер» довольный, наговорив в адрес капитана кучу комплиментов. Не прошло и часа, как вся команда уже снова была в городе, наверстывая потерянное время. Макнаут наслаждался

веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней мир и покой царили на корабле.

На шестой день Бурман принес радиограмму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера было довольным, как у человека, чью добродетель вознаградили по заслугам.

**ШТАБКВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА
ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НЕМЕД-
ЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ПЕРЕО-
БОРУДОВАНИЯ ТЧК БУДЕТ УСТАНОВЛЕН НОВЕЙ-
ШИЙ ДВИГАТЕЛЬ ТЧК ФЕЛДМАН УПРАВЛЕНИЕ
КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР**

— Назад на Землю, — прокомментировал Макнаут со счастливым лицом. — Капремонт — это по крайней мере месяц отпуска. — Он посмотрел на радиоофицера. — Передай дежурному офицеру мое приказание: немедленно вернуть весь личный состав на борт. Когда узнают причину вызова, они побегут сломя голову.

— Так точно, сэр, — ухмыльнулся Бурман.

Спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виднелось как крошечная звездочка в носовом секторе звездного неба, команда еще продолжала улыбаться. Предстояло одиннадцать недель полета, но на этот раз стоило подождать. Летим домой! Ура!

Улыбки исчезли, когда однажды вечером Бурман принес неприятное известие. Он вошел в рубку и остановился посреди комнаты, кусая нижнюю губу в ожидании, когда капитан кончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут отложил журнал в сторону, поднял глаза и, увидев Бурмана, нахмурился.

- Что случилось? Живот болит?
- Никак нет, сэр. Я просто думал.
- А что, это так болезненно?

— Я думал, — продолжал Бурман похоронным голосом. — Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Вы понимаете, что это значит? Мы уйдем с корабля, и орда экспертов оккупирует его. — Он бросил трагический взгляд на капитана. — Я сказал *экспертов*.

— Конечно, экспертов, — согласился Макнаут. — Оборудование не может быть установлено и проверено группой кретиннов.

— Потребуется нечто большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать наш капес, — напомнил Бурман. — Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку. — Святой Иуда! Я совсем забыл об этой штуке. Да, когда мы вернемся на Землю, вряд ли нам удастся потрясти этих парней своими научными достижениями.

— Нет, сэр, не удастся, — подтвердил Бурман. Он не прибавил слова «больше», но все его лицо красноречиво говорило: «Ты сам впутал меня в эту грязную историю. Теперь сам и выручай».

Он подождал несколько секунд, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил:

— Так что вы предлагаете, сэр?

Внезапно лицо капитана расплылось в улыбке, и он ответил:

— Разбери этот дьявольский прибор и брось его в дезинтегратор.

— Это не решит проблемы, сэр. Все равно у нас не будет хватать одного капеса.

— Ничего подобного. Я собираюсь сообщить на Землю о его выходе из строя в трудных условиях космического полета. — Он выразительно подмигнул Бурману. — Ведь теперь мы в свободном полете, верно? — С этими словами он потянулся к блокноту радиogramм и начал писать, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана:

К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ НА ЗЕМЛЕ ТЧК ПРИБОР В-1098 КАПЕС ОДИН РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВОЙНЫХ СОЛНЦ ГЕКТОР МЕЙДЖОР МАЙНОР ТЧК МАТЕРИАЛ БЫЛ ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА ТЧК ПРОСИМ СПИСАТЬ ТЧК МАКНАУТ КОМАНДИР БАСТЛЕРА

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание на Землю. Два дня прошли в полном спокойствии. На третий день он снова вошел к капитану с озабоченным и встревоженным видом.

— Циркулярная радиogramма, сэр, — объявил он, протягивая листок.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ВАЖНОСТИ ТЧК ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ПРИЗЕМЛИТЬСЯ БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ ТЧК НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗЕМЛИ

— Что-то случилось, — заметил Макнаут, впрочем ничуть не обеспокоенный. Он поплелся в штурманскую

рубку, Бурман за ним. Там он сверился с картами и набрал номер внутреннего телефона. Связавшись с Пайком, капитан сказал:

— Слушай, Пайк, принят сигнал тревоги. Всем кораблям немедленно вернуться в ближайшие космопорты. Нам придется сесть в Закстедпорте, примерно в трех летних днях отсюда. Немедленно измени курс, семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять. — Он бросил трубку и проворчал: — Мне никогда не нравился Закстедпорт. Вонючая дыра. Пропал наш месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, не могу винить их в этом.

— Как вы думаете, сэр, что случилось? — спросил Бурман. Он выглядел каким-то беспокойным и раздраженным.

— Одному богу известно. Последний раз циркулярная радиограмма была послана семь лет назад, когда «Старейдер» взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться в портах, пока не будет выяснена причина катастрофы. — Макнаут потер подбородок, подумал немного и продолжал: — А за год до этого была послана циркулярная радиограмма, когда вся команда к. к. «Блоуган» сошла с ума. В общем, что бы то ни было, это серьезно.

— Это не может быть началом космической войны?

— С кем? — Макнаут презрительно махнул рукой. — Ни у кого нет флота, равного нашему. Нет, это что-то техническое. Рано или поздно нам сообщат причину. Еще до того, как мы сядем в Закстедте.

Действительно, скоро им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

— Ну, а теперь что случилось? — потребовал Макнаут, сердито глядя на взволнованного радиоофицера.

— Это капес, — едва выговорил Бурман. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

— Ну и что?

— Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано «каз. пес».

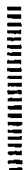
Капитан продолжал смотреть на Бурмана непонимающим взглядом.

— Каз. пес? — переспросил он.

— Смотрите сами! — С этими словами Бурман бросил радиogramму на стол и стремительно выскочил из радиорубки, позабыв закрыть дверь. Макнаут недовольно хмыкнул и уставился на радиogramму:

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БА-
СТЛЕРУ ТЧК ОТНОСИТЕЛЬНО ВАШЕГО РАПОРТА
ГИБЕЛИ В-1098 КАЗЕННОГО ПСА ПИЗЛЕЙКА ТЧК
НЕМЕДЛЕННО РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ
РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩ-
НЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ТЧК ОП-
РОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ СИМПТОМЫ
ПОЯВИВШИЕСЯ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА МОМЕНТ НЕ-
СЧАСТЬЯ ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ ВАЖНО
УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА КОСМИЧЕ-
СКОГО ФЛОТА ЗЕМЛИ

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Никто не хочет смерти, никто не ждет ее. Просто что-то срабатывает не так, ракета поворачивается боком, астероид стремительно надвигается, чернота, движение, глаза, закрытые руками, носовые двигатели неудержимо тянут вперед, отчаянно хочется жить — и некуда податься. Какое-то мгновение он стоял среди обломков...

Мрак. Во мраке неошутимая боль. В боли — кошмар. Он не потерял сознания.

«Твое имя?» — спросили невидимые голоса. «Сейл, — ответил он, крутясь в водовороте тошноты, — Леонард Сейл». «Кто ты?» — закричали голоса. «Космонавт!» — крикнул он, один в ночи. «Добро пожаловать», — сказали голоса. «Добро... добро...» И замерли.

Он поднялся, обломки рухнули к его ногам, как смятая, порванная одежда.

Взошло солнце, и наступило утро.

Сейл протиснулся сквозь узкое отверстие шлюза и вдохнул воздух. Удача. Чистая удача. Воздух пригоден для дыхания. Продуктов хватит на два месяца. Прекрасно, прекрасно! И это тоже! — Он ткнул пальцем в обломки. Чудо из чудес! Радиоаппаратура не пострадала.

Он отстучал ключом: «Врезался в астероид 787 Сейл. Пришлите помощь. Сейл. Пришлите помощь». Ответ не заставил себя ждать: «Хелло, Сейл. Говорит Адамс из Марсопорта. Посылаем спасательный корабль «Лога-

рифм». Прибудет на астероид 787 через шесть дней. Держись».

Сейл едва не пустился в пляс.

До чего все просто. Попал в аварию. Жив. Еда есть. Радировал о помощи. Помощь придет. Ля-ля-ля! Он захолопал в ладоши.

Солнце поднялось, и стало тепло. Он не ощущал страха смерти. Шесть дней пролетят незаметно. Он будет есть, он будет спать. Он огляделся вокруг. Опасных животных не видно, кислорода достаточно. Чего еще желать? Разве что свинины с бобами. Приятный запах разлился в воздухе.

Позавтракав, он выкурил сигарету, глубоко затягиваясь и медленно выпуская дым. Радостно покачал головой. Что за жизни! Ни царапины. Повезло. Здорово повезло.

Он клюнул носом. Спать, подумал он. Неплохая идея. Вздремнуть после еды. Времени сколько угодно. Спокойно. Шесть долгих, роскошных дней нечего неделания и философствования. Спать.

Он растянулся на земле, положил голову на руку и закрыл глаза.

И в него вошло, им овладело безумие. «Спи, спи, о спи,— говорили голоса.— А-а, спи, спи». Он открыл глаза. Голоса исчезли. Все было в порядке. Он передернулся, покрепче закрыл глаза и устроился поудобнее.

—Ээээээээ,— пели голоса далеко-далеко.

«Ааааааах», — пели голоса.

«Спи, спи, спи, спи, спи», — пели голоса.

«Умри, умри, умри, умри, умри», — пели голоса.

«Оооооооо», — кричали голоса.

«Мммммммм», — жужжала в его мозгу пчела.

Он сел. Он затряс головой. Он зажал уши руками. Прищурившись, поглядел на разбитый корабль. Твердый металл. Кончиками пальцев нащупал под собой крепкий

камень. Увидел на голубом небосводе настоящее солнце, которое дает тепло.

«Попробуем уснуть на спине»,— подумал он и снова улегся. На запястьях тикали часы. В венах пульсировала горячая кровь.

«Спи, спи, спи, спи» — пели голоса.

«Ооооооох!», — пели голоса.

«Ааааааах», — пели голоса.

«Умри, умри, умри, умри, умри. Спи, спи, умри, спи, умри, спи, умри! Оохх, Аахх, Эээээээ!» Кровь стучала в ушах, словно шум нарастающего ветра.

«Мой, мой,— сказал голос.— Мой, мой, он мой!»

«Нет, мой, мой,— сказал другой голос.— Нет, мой, мой, он мой!»

«Нет, наш, наш,— пропели десять голосов.— Наш, наш, он наш!»

Его пальцы скрючились, скулы свело спазмой, веки начали вздрагивать.

«Наконец-то, наконец-то,— пел высокий голос.— Теперь, теперь. Долгое-долгое ожидание. Кончилось, кончилось,— пел высокий голос.— Кончилось, наконец-то кончилось!»

Словно ты в подводном мире. Зеленые песни, зеленые видения, зеленое время. Голоса булькают и тонут в глубинах морского прилива. Где-то вдалеке хоры выводят неразборчивую песнь. Леонард Сейл начал метаться в агонии. «Мой, мой», — кричал громкий голос. «Мой, мой», — визжал другой. «Наш, наш», — визжал хор.

Грохот металла, звон мечей, стычка, битва, борьба, война. Все взрывается, его мозг разбрызгивается на тысячи капель.

«Ээээээээ!»

Он вскочил на ноги с пронзительным воплем. В глазах у него все расплавилось и поплыло. Раздался голос:

«Я Тилле из Раталара. Гордый Тилле, Тилле Кровавого Могильного Холма и Барабана Смерти. Тилле из Раталара, Убийца Людей!»

Потом другой: «Я Иорр из Вендилло, Мудрый Иорр, Истребитель Неверных!»

«А мы воины,— пел хор,— мы сталь, мы воины, мы красная кровь, что течет, красная кровь, что бежит, красная кровь, что дымится на солнце».

Леонард Сейл шатался, будто под тяжким грузом. «Убирайтесь! — кричал он.— Оставьте меня, ради бога оставьте меня!»

«Ээээээээ», — визжал высокий звук, словно металл по металлу.

Молчание.

Он стоял, обливаясь потом. Его била такая сильная дрожь, что он с трудом держался на ногах. Сошел с ума, подумал он. Совершенно спятил. Буйное помешательство. Сумасшествие.

Он разорвал мешок с продовольствием и достал химический пакет.

Через мгновение был готов горячий кофе. Он захлебывался им, ручейки текли по телу. Его бил озноб. Он хватал воздух большими глотками.

Будем рассуждать логично, сказал он себе, тяжело опустившись на землю. Кофе обжег ему язык. Никаких признаков сумасшествия в его семье за последние двести лет. Все здоровы, вполне уравновешены. И теперь — никаких поводов для безумия. Шок? Глупости. Никакого шока. Меня спасут через шесть дней. Какой может быть шок, раз нет опасности? Обычный астероид. Место самое-самое обыкновенное. Никаких поводов для безумия нет. Я здоров.

«Оо?» — крикнул в нем тоненький металлический голосок. Эхо. Замирающее эхо.

«Да! — закричал он, стукнув кулаком о кулак. — Я здоров!»

«Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха». Где-то затухал смех. Он обернулся. «Заткнись, ты!» — заорал он. «Мы ничего не говорили», — сказали горы. «Мы ничего не говорили», — сказало небо. «Мы ничего не говорили», — сказали обломки.

«Ну, ну, хорошо, — сказал он неуверенно. — Понимаю, что не вы».

Все шло как положено.

Камешки постепенно накалялись. Небо было большое и синее. Он поглядел на свои пальцы и увидел, как солнце горит в каждом черном волоске. Он поглядел на свои башмаки, покрытые пылью, и внезапно почувствовал себя очень счастливым оттого, что принял решение. Я не буду спать, подумал он. Раз у меня кошмары, зачем спать? Вот и выход.

Он составил расписание дня. С девяти утра (а сейчас было именно девять) до двенадцати он будет изучать и осматривать астероид, а потом желтым карандашом писать в блокноте обо всем, что увидит. После этого он откроет банку сардин и съест немного консервированного хлеба с толстым слоем масла. С половины первого до четырех прочтет девять глав из «Войны и мира». Он вытащил книгу из-под обломков и положил ее так, чтобы она была под рукой. У него есть еще книжка стихов Т. С. Элиота. Это чудесно.

Ужин — в полшестого, а потом с шести до десяти он будет слушать радиопередачи с Земли — пару комиков с их плоскими шутками, и безголосого певца, и выпуски последних новостей, а в полночь передача завершится гимном Объединенных Наций.

А потом?

Ему стало нехорошо.

До рассвета я буду играть в солитер, подумал он. Сяду и стану пить горячий черный кофе и играть в солитер без жульничества, до самого рассвета. «Хо-хо»,— подумал он.

«Ты что-то сказал?»,— спросил он себя.

«Я сказал: «Ха-ха»,— ответил он.— Рано или поздно ты должен будешь уснуть».

«У меня сна — ни в одном глазу»,— сказал он.

«Лжец»,— парировал он, наслаждаясь разговором с самим собой.

«Я себя прекрасно чувствую»,— сказал он.

«Лицемер»,— возразил он себе.

«Я не боюсь ночи, сна и вообще ничего не боюсь»,— сказал он.

«Очень забавно»,— сказал он.

Он почувствовал себя плохо. Ему захотелось спать. И чем больше он боялся уснуть, тем больше хотел лечь, закрыть глаза и свернуться в клубочек.

«Со всеми удобствами?»,— спросил его иронический собеседник.

«Вот сейчас я пойду погулять и осмотрю скалы и геологические обнажения и буду думать о том, как хорошо быть живым»,— сказал он.

«О господи,— вскричал собеседник.— Тоже мне. Уильям Сароян!»

Все так и будет, подумал он, может быть, один день, может быть, одну ночь, а как насчет следующей ночи, и *следующей*? Сможешь ты бодрствовать все это время, все шесть ночей? Пока не придет спасательный корабль? Хватит у тебя пороку, хватит у тебя силы?

Ответа не было.

Чего ты боишься? Я не знаю. Этих голосов. Этих звуков. Но ведь они не могут повредить тебе, не так ли?

Могут. Когда-нибудь с ними придется столкнуться...

А нужно ли? Возьми себя в руки, старина. Стисни зубы, и вся эта чертовщина сгинет.

Он сидел на жесткой земле и чувствовал себя так, словно плакал навзрыд. Он чувствовал себя так, как если бы жизнь была кончена и он вступал в новый и неизведанный мир. Это было как в теплый, солнечный, но обманчивый день, когда чувствуешь себя хорошо,— в такой день можно или ловить рыбу, или рвать цветы, или целовать женщину, или еще что-нибудь делать. Но в разгаре чудесного дня что ждет тебя?

Смерть.

Ну, вряд ли это.

Смерть, настаивал он.

Он лег и закрыл глаза. Он устал от этой путаницы. Отлично, подумал он, если ты — смерть, приди и заведи меня. Я хочу понять, что означает эта дьявольская чепуха.

И смерть пришла.

«Эээээээ», — сказал голос.

«Да, я это понимаю», — сказал Леонард Сейл. — Ну а что еще?»

«Ааааааах», — произнес голос.

«И это я понимаю», — раздраженно ответил Леонард Сейл. Он похолодел. Его рот искривила дикая гримаса.

«Я — Тилле из Раталара, Убийца Людей!»

«Я — Иорр из Вендилло, Истребитель Неверных!»

«Что это за планета?» — спросил Леонард Сейл, пытается побороть страх.

«Когда-то она была могучей», — ответил Тилле из Раталара.

«Когда-то место битв», — ответил Иорр из Вендилло.

«Теперь мертвая», — сказал Тилле.

«Теперь безмолвная», — сказал Иорр.

«Но вот пришел ты», — сказал Тилле.

«Чтобы снова дать нам жизнь», — сказал Иорр.

«Вы умерли,— настаивал Леонард Сейл, весь — корчащаяся плоть.— Вы ничто, вы просто ветер».

«Мы будем жить с твоей помощью».

«И сражаться благодаря тебе».

«Так вот в чем дело,— подумал Леонард Сейл.— Я должен стать полем боя, так?.. А вы — друзья?».

«Враги!» — закричал Иорр.

«Лютые враги!» — закричал Тилле.

Леонард страдальчески улыбнулся. Ему было очень плохо. «Сколько же вы ждали?», — спросил он.

«А сколько длится *время?*»

«Десять тысяч лет?»

«Может быть».

«Десять миллионов лет?»

«Возможно».

«Кто вы? — спросил он.— Мысли, духи, призраки?»

«Все это — и даже больше».

«Разумы?»

«Вот именно».

«Как вам удалось выжить?»

«Ээээээээ», — пел хор, далеко-далеко.

«Ааааааах», — пела другая армия в ожидании битвы.

«Когда-то это была плодородная страна, богатая планета. На ней жили два народа, две сильные нации, а во главе их стояли два сильных человека. Я, Иорр, и он, тот, что зовет себя Тилле. И планета пришла в упадок, и наступило небытие. Народы и армии все слабели и слабели в ходе великой войны, длившейся пять тысяч лет. Мы долго жили и долго любили, пили много, спали много и много сражались. И когда планета умерла, наши тела ссохлись, и только со временем наука помогла нам выжить».

«Выжить,— удивился Леонард Сейл.— Но от вас ничего не осталось».

«Наш разум, глупец, наш *разум!* Чего стоит тело без разума?»

«А разум без *тела?* — рассмеялся Леонард Сейл. — Я нашел вас здесь. Признайтесь, это я *нашел* вас!»

«Точно, — сказал резкий голос. — Одно бесполезно без другого. Но выжить — это и значит выжить, пусть даже бессознательно. С помощью науки, с помощью чуда разумы наших народов выжили».

«Только разум — без чувства, без глаз, ушей, без осязания, обоняния и прочих ощущений?»

«Да, без всего этого. Мы были просто нереальностью, паром. Долгое время. До сегодняшнего дня».

«А теперь появился я», — подумал Леонард Сейл.

«Ты пришел, — сказал голос, — чтобы дать нашему уму физическую оболочку. Дать нам наше желанное тело».

«Ведь я только один», — подумал Сейл.

«И тем не менее ты нам нужен».

«Но я — личность. Я возмущен вашим вторжением».

«Он возмущен нашим вторжением. Ты слышал его, Иорр? Он возмущен!»

«Как будто он имеет право возмущаться!»

«Осторожнее, — предупредил Сейл. — Я моргну глазом, и вы пропадете, призраки! Я пробужусь и сотру вас в порошок!»

«Но *когда-нибудь* тебе придется снова уснуть! — кричал Иорр. — И когда это произойдет, мы будем здесь, ждать, ждать, ждать. Тебя».

«Чего вы хотите?»

«Плотности. Массы. Снова ощущений».

«Но ведь моего тела не хватает на вас обоих».

«Мы будем сражаться друг с другом».

Раскаленный обруч сдавил его череп. Будто в его мозг между двумя полушариями вгоняли гвоздь.

Теперь все стало до ужаса ясным. Страшно, блистательно ясным. Он был их вселенной. Мир его мыслей, его мозг, его череп поделен на два лагеря, один — Иорра, другой — Тилле. Они *используют* его!

Взвились знамена под рдеющим небом его мозга! В бронзовых щитах блеснуло солнце. Двинулись серые звери и понеслись в сверкающих волнах плюмажей, труб и мечей.

«Эээээээ!» Стремительный натиск.

«Ааааааах!» Рев.

«Науууууу!» Вихрь.

«Ммммммммммммм...»

Десять тысяч человек столкнулись на маленькой невидимой площадке. Десять тысяч человек понеслись по блестящей внутренней поверхности глазного яблока. Десять тысяч копий засvistели между костями его черепа. Выпалили десять тысяч изукрашенных орудий. Десять тысяч голосов запели в его ушах. Теперь его тело было расколото и растянуто, оно тряслось и вертелось, оно визжало и корчилося, черепные кости вот-вот разлетятся на куски. Бормотание, вопли, как будто через равнины разума и континент костного мозга, через лощины вен, по холмам артерий, через реки меланхолии идет армия за армией, одна армия, две армии, мечи сверкают на солнце, скрещиваясь друг с другом, пятьдесят тысяч умов, нуждающихся в нем, использующих его, хватают, скребут, режут. Через миг — страшное столкновение, одна армия на другую, бросок, кровь, грохот, неистовство, смерть, безумство!

Как цимбалы, звенят столкнувшиеся армии!

Охваченный бредом, он вскочил на ноги и понесся в пустыню. Он бежал и бежал и не мог остановиться.

Он сел и зарыдал. Он рыдал до тех пор, пока не заболели легкие. Он рыдал безутешно и долго. Слезы сбе-

гали по его щекам и капали на растопыренные дрожащие пальцы. «Боже, боже, помоги мне, о боже, помоги мне», — повторял он.

Все снова было в порядке.

Было четыре часа пополудни. Солнце палило скалы. Через некоторое время он приготовил и съел горячие бисквиты с клубничным джемом. Потом, как в забытьи, стараясь не думать, вытер запачканные руки о рубашку.

По крайней мере я знаю, с кем имею дело, подумал он. О господи, что за мир. Каким простодушным он кажется на первый взгляд, и как чудовищен он на самом деле. Хорошо, что никто до сих пор его не исследовал. А может, кто-то здесь был? Он покачал головой, полной боли. Им можно только посочувствовать, тем, кто разбился здесь раньше, если только они действительно были. Теплое солнце, крепкие скалы, и никаких признаков враждебности. Прекрасный мир.

До тех пор пока не закроешь глаза и не забудешься. А потом ночь, и голоса, и безумие, и смерть на неслышных ногах.

«Однако я уже вполне в норме, — сказал он гордо. — Вот посмотри», — и вытянул руку. Подчиненная величайшему усилию воли, она больше не дрожала. «Я тебе покажу, кто здесь правитель, черт возьми, — пригрозил он безвинному небу. — Это я». — И постучал себя в грудь.

Подумать только, что мысль может прожить так долго! Наверно, миллион лет все эти мысли о смерти, смутах, завоеваниях таились в безвредной на первый взгляд, но ядовитой атмосфере планеты в ожидании живого человека, который стал бы сосудом для проявления их бессмысленной злобы.

Теперь, когда он почувствовал себя лучше, все это казалось глупостью. Все, что мне нужно, думал он, — это продержаться шесть суток без сна. Тогда они не смогут так мучить меня. Когда я бодрствую, я хозяин положения. Я сильнее, чем эти сумасшедшие владыки с их идиотскими ордами трубачей и носителей мечей и щитов.

«Но *выдержу* ли я? — усомнился он. — Целых шесть ночей? Не спать? Нет, я не буду спать. У меня есть кофе, и таблетки, и книги, и карты. Но я уже *сейчас* устал, так устал, — думал он. — Продержусь ли я?»

Ну, а если нет... Тогда пистолет всегда под рукой.

Интересно, куда денутся эти дурацкие монархи, если пустить пулю на помост, где они выступают? На помост, который — весь их мир. Нет. Ты, Леонард Сейл, слишком маленький помост. А они — слишком мелкие актеры. А что, если пустить пулю из-за кулис, разрушив декорации, занавес, зрительный зал? Уничтожить помост, актеров, всех, кто неосторожно попадется на пути!

Прежде всего — снова радировать в Марсопорт. Если есть какая-нибудь возможность прислать спасательный корабль поскорее, может быть, удастся продержаться. Во всяком случае, надо предупредить их, что́ это за планета, что такое невинное с виду место — обитель кошмаров и горячечного бреда.

Минуту он стучал ключом, стиснув зубы. Радио безмолвовало.

Оно послало призыв о помощи, приняло ответ и потом умолкло навсегда.

«Какая ирония, — подумал он. — Осталось только одно — составить план».

Так он и сделал. Он достал свой желтый карандаш и набросал шестидневный план спасения.

Этой ночью, писал он, прочесть еще шесть глав «Войны и мира». В четыре утра выпить горячего черного ко-

фе. В четверть пятого вынуть колоду карт и сыграть десять партий в солитер. Это займет время до половины седьмого, затем — еще кофе. В семь послушать первые утренние передачи с Земли, если приемник вообще работает. Работает ли?

Он проверил работу приемника. Тот молчал.

Хорошо, написал он, от семи до восьми петъ все песни, какие знаешь, развлекать самого себя. От восьми до девяти думать об Элен Кинг. Вспомнить Элен. Нет, думать об Элен прямо сейчас.

Он подчеркнул это карандашом.

Остальные дни были расписаны по минутам. Он проверил медицинскую сумку. Там лежало несколько пакетиков с таблетками, которые помогут не спать. Каждый час по одной таблетке все эти шесть суток. Он почувствовал себя вполне уверенным. «Ваше здоровье, Йорр, Тилле!» Он проглотил одну из возбуждающих таблеток и запил ее глотком обжигающего черного кофе.

Итак, одно следовало за другим, был Толстой, был Бальзак, ромовый джин, кофе, таблетки, прогулки, снова Толстой, снова Бальзак, опять ромовый джин, снова солитер. Первый день прошел так же, как второй, а за ним третий.

На четвертый день он тихо лежал в тени скалы, считая до тысячи пятерками, потом десятками, только чтобы загрузить чем-нибудь ум и заставить его бодрствовать. Глаза его так устали, что он вынужден был часто промывать их холодной водой. Читать он был не в состоянии, голова разламывалась от боли. Он был так изнурен, что уже не мог двигаться. Лекарства привели его в состояние оцепенения. Он напоминал бодрствующую восковую фигуру. Глаза его остекленели, язык стал похож на заржавленное острие пики, а пальцы словно обросли мехом и оцетинились иглами.

Он следил за стрелкой часов. Еще секундой меньше, думал он. Две секунды, три секунды, четыре, пять, десять, тридцать секунд. Целая минута. Теперь уже на целый час меньше осталось ждать. О корабль, поспеши же к назначенной цели!

Он тихо засмеялся.

А что случится, если он бросит все и уплывет в сон? Спать, спать, быть может, грезить. Весь мир — помост. Что, если он сдастся в неравной борьбе и падет?

«Ээээээээ», — высокий пронзительный, грозный звук разящего металла.

Он содрогнулся. Язык шевельнулся в сухом, шершавом рту.

Иорр и Тилле снова начнут свои стародавние распри. Леонард Сейл совсем сойдет с ума.

И победитель овладеет останками этого безумца — трясущимся, хохочущим диким телом — и пошлет его скитаться по лицу планеты на десять, двадцать лет, а сам надменно расположится в нем и будет творить суд, и отправлять на казнь величественным жестом, и навешать души невидимых танцовщиц. А самого Леонарда Сейла, то, что от него останется, отведут в какую-нибудь потаенную пещеру, где он пробудет двадцать безумных лет, кишаший червями и войнами, насилуемый древними диковинными мыслями.

Когда придет спасательный корабль, он не найдет ничего. Сейла спрячет ликующая армия, сидящая в его голове. Спрячет где-нибудь в расщелине, и Сейл станет гнездом, в котором какой-нибудь Иорр будет высиживать свои гнусные планы. Эта мысль едва не убила его.

Двадцать лет безумия. Двадцать лет пыток, двадцать лет, заполненных делами, которые ты не хочешь делать. Двадцать лет бушующих войн, двадцать лет тошноты и дрожи.

Голова его упала на колени. Веки его со скрежетом разомкнулись и с легким шумом закрылись. Барабанная перепонка устало хлопнула.

«Спи, спи», — запели слабые голоса.

«У меня... у меня есть к вам предложение, — подумал Леонард Сейл. — Слушайте. Ты, Иорр, и ты, Тилле! Иорр, ты, и ты тоже, Тилле! Иорр, ты можешь владеть мной по понедельникам, средам и пятницам. Тилле, ты будешь сменять его по воскресеньям, вторникам и субботам. В четверг я выходной. Согласны?»

«Ээээээээ», — пели морские приливы, кипя в его мозгу.

«Ооооооох», — мягко-мягко пели отдаленные голоса.

«Что вы скажете? Поладим на этом, Иорр, Тилле?»

«Нет», — ответил один голос.

«Нет», — сказал другой.

«Жадюги, оба вы жадюги! — жалобно вскричал Сейл. — Чума на оба ваших дома!»

Он спал.

Он был Иорром, и драгоценные кольца сверкали на его руках. Он появился у ракеты и выставил вперед руку, направляя слепые армии. Он был Иорром, древним предводителем воинов, украшенных драгоценными камнями.

И он был Тилле, любимцем женщин, убийцей собак!

Почти бессознательно его рука потянулась к кобуре у бедра. Спящая рука вытащила пистолет. Рука поднялась, пистолет прицелился. Армии Тилле и Иорра вступили в бой.

Пистолет выстрелил.

Пуля оцарапала лоб Сейла и разбудила его.

Выбравшись из осады, он не спал следующие шесть часов. Теперь он знал, что это безнадежно. Он промыл и

перевязал рану. Он пожалел, что не прицелился точнее, тогда все было бы уже кончено. Он взглянул на небо. Еще два дня. Еще два. Торопись, корабль, торопись. Он отупел от бессонницы.

Бесполезно. К концу этого срока он уже вовсю бредил. Он поднял пистолет, и положил его, и поднял снова, приложил к голове, нажал было пальцем на спусковой крючок, передумал, снова посмотрел на небо.

Наступила ночь. Он попытался читать, но отбросил книгу прочь. Разорвал ее и сжег, просто чтобы чем-нибудь заняться.

Как он устал! Через час, решил он.

Если ничего не случится, я убью себя. Теперь серьезно. На этот раз не струшу. Он приготовил пистолет и положил его на землю рядом с собой.

Теперь он был очень спокоен, хотя и ужасно измучен. С этим будет покончено.

В небе показалось пламя.

Это было так неправдоподобно, что он заплакал.

«Ракета», — сказал он, вставая, «Ракета!» — закричал он, протирая глаза, и побежал вперед.

Пламя становилось все ярче, росло, опускалось.

Он бешено размахивал руками, спеша вперед, бросив пистолет, и припасы, и все.

— «Вы видите это, Йорр, Тилле! Дикари, чудовища, я вас одолел! Я победил! За мной пришла помощь! Я победил, черт бы вас побрал».

Он злорадно усмехнулся, поглядев на скалы, небо, на собственные руки.

Ракета приземлилась. Леонард Сейл, качаясь, ждал, когда откроется дверь.

«Прощай, Йорр, прощай, Тилле!» — ухмыляясь, с горящими глазами победно закричал он.

«Ээээээ», — затих вдалеке рев.

«Ааааах», — угасли голоса.

Широко раскрылся шлюзовой люк ракеты. Из него выпрыгнули два человека.

«Сейл? — спросили они. — Мы—корабль АСДН № 13. Перехватили ваш SOS и решили сами вас подобрать. Корабль из Марсопорта придет только послезавтра. Мы бы хотели немного отдохнуть. Неплохо здесь переночевать, потом забрать вас и отправиться дальше».

«Нет, — произнес Сейл, и лицо его исказилось от ужаса. — Нельзя переночевать...»

Он не мог говорить. Он упал на землю.

«Быстрее, — произнес над ним голос в туманном вихре. — Дай ему немного жидкой пищи и снотворного. Ему нужна еда и отдых».

«Не надо отдыха!» — завопил Сейл.

«Бредит», — тихо сказал один из них.

«Нельзя спать!» — вопил Сейл.

«Тише, тише», — сказал человек нежно. Игла вонзилась в руку Сейла.

Сейл колотил руками и ногами. «Не надо спать, поедem! — страшно кричал он. — Ну поедem!»

«Бред, — сказал один. — Шок».

«Не надо *снотворного*!» — пронзительно кричал Сейл. Снотворное разливалось по его телу.

«Ээээээээ», — пели древние ветры.

«Ааааааах», — пели древние моря.

«Не надо снотворного, нельзя спать, пожалуйста, не надо, не надо, не надо! — кричал Сейл, пытаясь подняться. — Вы... не... знаете...»

«Не волнуйся, старик, ты теперь в безопасности, не о чем беспокоиться».

Леонард Сейл спал. Двое стояли над ним. По мере того как они смотрели на него, черты его лица менялись все больше и больше.

Он стонал, и плакал, и рычал во сне. Его лицо беспрестанно преображалось. Это было лицо святого, грешника, злого духа, чудовища, мрака, света, одного, множества, армии, пустоты — всего, всего!

Он корчился во сне.

«Эээээээ!—взорвался криком его рот.—Аааааах!»— визжал он.

«Что с ним?» — спросил один из спасителей.

«Не знаю. Дать еще снотворного?»

«Да, еще дозу. Нервы. Ему надо много спать».

Они вонзили иглу в его руку. Сейл корчился, плевался и стонал.

И вдруг — умер.

Он лежал, а двое стояли над ним.

«Какой ужас, — сказал один. Как ты это объяснишь?»

«Шок. Бедный малый. Какая жалость. — Они закрыли ему лицо. — Ты когда-нибудь видел подобное лицо?»

«Абсолютно безумное».

«Одиночество. Шок».

«Да. Боже, что за выражение. Не хотел бы я когда-нибудь еще увидеть *такое* лицо.»

«Какая беда, ждал нас, и мы прибыли, а он все равно умер».

Они огляделись вокруг.

«Что будем делать? Переночуем здесь?»

«Да. И хорошо бы не в корабле».

«Сначала похороним его, конечно».

«Само собой».

«И будем спать на свежем воздухе, ладно? Хорошо снова поспать на свежем воздухе. После двух недель в этом проклятом корабле».

«Давай. Я подыщу для него место. А ты готовь ужин, идет?»

«Идет».

«Хорошо поспим сегодня».

«Отлично, отлично».

Они выкопали могилу и сказали над ней слово. Потом молча выпили по чашке вечернего кофе. Они вдыхали сладкий воздух планеты и смотрели на чудесное небо и яркие и прекрасные звезды.

«Какая ночь!» — сказали они, укладываясь.

«Приятных сновидений», — сказал один, поворачиваясь.

И другой ответил: «Приятных сновидений».

Они заснули.

Старый, изъеденный ржавчиной космический корабль летел вокруг планеты Олимпия по орбите, близкой к орбите станции космического контроля. Лену Сесмику, который стоял у иллюминатора, в директорском кабинете, он показался невероятно древним. Словно не настоящий корабль, до которого всего несколько миль, а картинка, вырезанная из учебника истории и наклеенная на какой-то черный фон.

— Просто не верится, что он настоящий, — сказал Лен, обращаясь к Джексону Таунли, директору станции. — В жизни не видал такой древней посуды.

— И я тоже, Лен, — сказал Таунли, хмуро и озабоченно глядя на своего молодого помощника. — Но я его ждал. Сегодня утром получено сообщение с Азгардской контрольной, так что я знал, что он появился в нашей системе. Только не ждал его так скоро.

— Что-нибудь неладно, сэр? С этим кораблем?

— Да, Лен, — в раздумье ответил тот. — Боюсь, что да. Это «Теллус-2», в самом скором времени он запросит у нас разрешения на посадку... и придется ему отказать.

— Отказать? Но, судя по его виду, он пробыл в космосе многие годы. Должно быть, все припасы кончаются, а людям необходимо почувствовать твердую почву под ногами и глотнуть свежего воздуха. Вы не знаете, что это такое, когда...

— Я и сам был астронавтом, Лен, так что я все знаю, — сказал Таунли.

— Тогда в чем же дело? Не понимаю.

— «Теллус-2» в карантине. Ему не разрешено садиться ни на одну цивилизованную планету, это распоряжение Совета Галактики.

— Вы хотите сказать, у них на борту заразная болезнь?

— Да. На «Теллусе» одно из самых опасных заболеваний, известных человеку.

— А, значит, карантин временный, — сказал Сесмик, подходя к радиотелефону. — Я вызову Новую Тулсу, пускай пришлют врачей и сестер...

— Доктора и сестры тут без надобности, — негромко сказал Таунли.

— Но неужели мы ничем не можем помочь? Они же там просто сойдут с ума.

— Когда они попросят разрешения сесть, мы позволим им выйти на нашу орбиту, но только для того, чтобы произвести необходимый ремонт и погрузить провизию и топливо.

— И это все, сэр? Неужели вы больше ничем им не поможете? — Лену вспомнились долгие перелеты, в которых он участвовал, и тоска, которая разъедает душу, тоска по голубому небу, по глотку свежего воздуха, по твердой почве под ногами.

— Больше мы ничем не можем помочь. Азгардская контрольная даже и в этом им отказала.

— Но почему?

— Пять лет назад Сириус-три разрешил «Теллусу» опуститься — и теперь там бесплодная пустыня. Впервые за двести лет «Теллусу» разрешили посадку — и сейчас же разразилась катастрофа. Это космический Летучий Голландец, он будет странствовать от планеты к планете,

пока не распадется на части, так было когда-то с «Теллусом-1». Тогда его команде дадут другой корабль, и эти люди и их потомки опять будут скитаться по Галактике в поисках планеты, которая пожелает их выслушать.

— Не понимаю... Я...

— Может, так оно и лучше. У Совета Галактики есть серьезные основания держать корабль в карантине, и мы будем исполнять приказ. Вернее, исполнять будете вы, — сказал директор, взглянув на часы. — Через час я должен быть на заседании Планетарного совета. Предпочел бы не сваливать все это на вас, но, если мы хотим получить новые ассигнования, мне необходимо быть на совете.

— Хорошо, сэр. Я прослежу, чтобы все было в порядке.

Директор Таунли посмотрел в сторону «Теллуса»; Волк-359, солнце Азгарда и Олимпии, осветил ржавые борта древнего корабля.

— Я постараюсь вернуться как можно скорее, но в ближайшие два-три дня командуете вы, Лен.

— Хорошо, сэр. Постараюсь быть на высоте.

— Верю, Лен, но помните, что от распоряжения совета о «Теллусе» отмахнуться нельзя, его надо выполнять без всяких изменений.

Через несколько минут после ухода Таунли в дверь постучали, вошел радист, и Лен с виноватым видом вскочил с директорского кресла.

— У видеофона капитан «Теллуса», он вызывает директора, мистер Сесмик.

— Директор отбыл на планету, — ответил Лен. — Говорить буду я.

В радиорубке у космического видеофона собрались четверо или пятеро сотрудников станции. Они уже видели древний корабль и сгорали от любопытства.

— А вот и исполняющий обязанности директора, —

сказал главный связист Пол Норуич, увидев Лена. На его угрюмом лице появилась улыбка, за которой он надеялся скрыть свою неприязнь к Сесмику.

Не обращая внимания на Норуича, Лен сел перед видеофоном. С экрана на него в упор смотрел высокий человек с коротко стриженными седыми волосами, держался он так прямо, будто линейку проглотил. На нем был костюм незнакомого Лену покроя из блестящей, но уже потертой материи. Чуть позади стояли несколько мужчин и девушка лет двадцати. Она была высокая, стройная, коротко стриженная.

— Это вы и есть, *мистер* Сесмик? — напористо спросил седовласый.

— Да, это я, — ответил Лен, не понимая, почему незнакомец так явно нажимает на слово «мистер».

— Мы просили разрешения на посадку и хотели бы знать, почему в нашей просьбе отказано, — холодно и вызывающе продолжал тот.

— Потому... видите ли... — Лен не в силах был оторвать взгляд от высокой девушки. Она тоже глядела на него пристально, но сурово и недружелюбно. — Это распоряжение Совета Галактики, ни одна цивилизованная планета не вправе разрешить «Теллусу» сесть...

На лице капитана «Теллуса» выразилось презрение.

— При чем тут Совет Галактики?

Лен выслушал еще какие-то резкие слова, потом прервал эту тираду:

— Вам будет разрешено находиться на орбите, пока вы не закончите необходимый ремонт. Провизию и топливо, сколько требуется, вам доставят.

Тут вперед порывисто вышла девушка.

— Мистер Сесмик, — сказала она, — я взываю к вам, как человек к человеку. Мы в отчаянном положении. Нам

просто необходимо опуститься на планету. У нас на борту двадцать человек больны космической депрессией.

Лен нахмурился. Он знал: если жертвы этого заболевания не проведут несколько дней на твердой почве какой-нибудь планеты, они сойдут с ума и до конца своих дней останутся буйно помешанными.

Непонятно, чем вызвано распоряжение совета, но оно слишком сурово. Разве могут повредить целой планете каких-нибудь несколько сот людей?

Он обернулся к Норуичу.

— Составьте сообщение для передачи на базу Тулсы. Сообщите, что на «Теллусе-2» есть случаи космической депрессии и что исполняющий обязанности директора Сесмик рекомендует снять карантин и разрешить посадку.

Через четыре часа пришел ответ:

«По вашей рекомендации разрешаем «Теллусу» посадку. Посадка может быть произведена только на острове Карсон в Тайронском море. Необходимые припасы и наземный персонал доставить на остров. Корабль может пробыть на острове не больше недели. Никому, кроме жертв космической депрессии, покидать корабль не разрешается. Больных держать под наблюдением врачей и сразу же по выздоровлении отправить обратно на «Теллус». В 13.00 вернется Таунли и сменит вас, а вы немедленно возглавите операцию на острове. Это — на вашей совести».

Радиограмму подписал Дэвидсон, глава совета.

В назначенный час Лен Сесмик и два его помощника в легких костюмах поднялись по трапу «Теллуса-2».

Капитан корабля Боулак шагнул им навстречу и стал навытяжку. Одет он был еще пышнее прежнего, и, как и надеялся Лен, рядом с ним стояла темноволосая девушка.

— Добро пожаловать, сэр. Прекрасно, что вы решили посетить нас. — Капитан зачем-то приложил руку к фуражке. Лен, не поняв, что означает этот жест, как раз протянул руку, чтобы обменяться рукопожатием, и на миг наступило замешательство.

Капитан опомнился первым и, повернувшись к девушке, представил ее:

— Моя дочь, лейтенант Кэтрин Боулак.

Девушка тоже почему-то поднесла руку к голове, а капитан тем временем обернулся к другим встречающим и сказал с гордостью:

— А это наш вождь, барон Курт Шустер.

Барон держался еще прямее капитана, и волосы его были острижены еще короче. Он щелкнул каблуками и, не замечая протянутой руки Лена, деревянно поклонился.

— Вы очень любезны, капитан Боулак, что пригласили нас на корабль, несмотря на прием, который мы вам оказали, — сказал Норуич, когда их ввели на корабль.

Глаза девушки сверкнули.

— Нас не впервые так встречают, — сказала она. — Проклятие Совета Галактики всюду нас преследует.

Капитан кивнул в знак согласия.

— За последние двести лет этот корабль садился на планеты всего шесть раз.

— Конечно, мы должны исполнять распоряжения совета... но на этот раз я их не понимаю, — сказал Лен.

— Мы идеалисты, сэр, — произнес барон. — А в этой Галактике идеалистам больше нет места.

— Мы подготовили небольшую церемонию в вашу честь, мистер Сесмик, — сказал капитан. — Может быть, когда вы посмотрите, вам все станет яснее.

— Но прежде надо предложить господам прохладительного, — вмешалась Кэтрин.

— Ну, разумеется, — сказал барон. — Гости у нас такая редкость. Не угодно ли пройти в мои апартаменты, господа?

Апартаменты барона были необычайно просторны и роскошны даже для такого огромного корабля, как «Теллус». Со стаканом отличного виски Лен расположился в глубоком кресле в гостиной и прислушивался к беседе барона и капитана с Джонсоном и Норвичем.

— У нас всегда хватает средств на наши нужды. Любый корабль, странствующий между разными солнечными системами, может иметь на борту достаточно товаров, чтобы извлекать из них выгоду. Торговать-то нам разрешают, — с горечью говорил капитан. — Наши товары они не считают разносчиками заразы.

Лен оторвал взгляд от золотистой жидкости, светящейся в его стакане, и заглянул в фиалковые глаза Кэтрин Боулак. Она в ответ посмотрела на него так пристально, что он отвел глаза и принялся рассматривать развешанные по комнате полотна. Они свисали с палок, и на их золотом поле красовалась зеленая планета. Кажется, он что-то читал о таких вот полотнах. Как же их называют? А, да, — флаги. Что-то древнее, историческое, из двадцать первого века, а то и еще раньше. Жаль, что Олимпия такая окраинная, такая «провинциальная» планета. Будь у него возможность больше читать о прошлом, он, быть может, разгадал бы загадку «Теллуса».

— Не знаю, что бы мы делали, если бы Олимпия обошлась с нами так же, как Азгард, — продолжал капитан.

— Мистер Сесмик, неужели вас не удивляет, что они не позволили нам даже запастись всем необходимым? — спросила Кэтрин.

— Похоже, они что-то скрывают, — заметил барон.

— Скрывают? — повторил Сесмик, и все три олим-

пийца недоуменно переглянулись. — Что вы хотите этим сказать? Чего ради они станут от вас что-то скрывать?

Барон снисходительно засмеялся.

— Да не от нас. Похоже, они что-то затеяли и не хотят, чтобы это стало известно вам.

Уже при первом упоминании об Азгарде лицо Норуича потемнело, а теперь он резко спросил:

— Что у вас на уме? Выкладывайте!

Барон так стремительно к нему повернулся, словно вдруг почувствовал, что они могут найти общий язык.

— Я хотел сказать... ну, допустим хотя бы, что азгардианцы вздумали высадиться на Минерве, второй планете вашей солнечной системы...

— Да на что она им? — смеясь, спросил Джонсон. — Там жара, как в преисподней.

— Помолчите, — сказал Норуич. — Мне это интересно.

Барон улынулся, и в разговор вступил капитан:

— Представьте, что они решили захватить Минерву и сейчас стягивают для этого космический флот. В таком случае им вовсе ни к чему, чтобы поблизости околачивался посторонний корабль, разве не так?

— Захватить? Я не понимаю, что это значит, — сказал Лен. — Если бы жители Азгарда решили, что им почему-либо нужна Минерва, они просто обратились бы в Совет Галактики за разрешением.

— А ведь азгардианцы, кажется, не гуманоиды? — вмешался барон.

Сесмик был сбит с толку.

— Не гуманоиды? Вы хотите сказать, что они биологически отличаются от нас, олимпийцев?

— Я хочу сказать, что они ведут свой род не от нашего древнего племени, не от таинственного племени Матери Земли.

— Да... да, они не гуманоиды. Они родом с какой-то планеты неподалеку от Сириуса.

— Так я и думал,— с торжеством изрек барон.— И большинство в Совете Галактики — не гуманоиды, не так ли?

— А ведь верно!— воскликнул Норуич.— Как это я раньше не подумал!

Лен выпрямился в кресле.

— В совет входят представители двадцати различных видов разумных существ,— сказал он.— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Да ни к чему. Право же, ни к чему. Просто мы думали...

Стук в дверь помешал барону закончить свою мысль. Вошел молодой человек, приложил руку к фуражке и громким голосом отрапортовал, что люди к смотру готовы.

— Вот этого мы и ждали,— сказал барон.— Это мы и хотим вам показать, господа. Быть может, тогда вы нас поймете.

Когда все поднялись и прошли за бароном, Лен ухитрился приотстать и оказался рядом с Кэтрин. Ему давно хотелось поговорить с ней с глазу на глаз, и он воспользовался случаем.

— Как странно вам, должно быть, живется, ведь вы всегда на корабле,— начал он.— Неужели вам не хотелось бы, чтобы у вас было больше друзей и знакомых? Неужели вы не тоскуете по простой, обыкновенной жизни?

— Наверно, тосковала бы. Все мы тосковали бы, не будь у нас нашего Дела. У нас есть цель, а вы, привязанные к своим планетам, ее лишены,— ответила она с гордой улыбкой.

— Какая же цель? Что у вас за дело? — спросил Лен. Выражение ее лица позабавило его.

— Дело, которому служит «Теллус», — то, что пытались навсегда отнять у человечества, когда триста лет назад отправили первый «Теллус» скитаться в космосе.

— Вот как! А какова же ваша роль в этом деле?

Девушка расправила плечи, и лицо ее стало почти неправдоподобно гордым и заносчивым.

— Рожать детей. Рожать детей для Земли! Рожать человечеству воинов. Рожать самых храбрых, самых прекрасных солдат на свете!

Лен от удивления раскрыл рот.

— Солдаты? А что это такое?

Губы Кэтрин искривила презрительная усмешка.

— Вас, я вижу, превратили в покорное стадо. Это все виноваты ваши правители, ведь настоящие ваши вожди были уничтожены или изгнаны в космос. Вы даже не знаете, что такое солдат! Не удивительно, что вами правят какие-то пауки!

Лен даже и не пытался скрыть растерянность.

— Право, я никак не пойму...

— Ну, еще бы! Где вам понять, за что стоит мой народ! Только мы и есть настоящие сыны человечества. Мы — законные правители. Триста лет назад, во второй межзвездной войне, над нами взяли верх, отняли у нас оружие, обрекли вечно скитаться в космосе — и воображали, что с нами покончено. Но они не могли отнять у нас наши идеалы. Сейчас вы сами увидите, мы уже почти дошли до зала собраний.

Лен глядел на нее и не верил глазам: хорошенькое личико Кэтрин исказилось, точно какое-то мерзкое существо вселилось в нее и стало распоряжаться ее мыслями и речами. Она источала ненависть, слепую, бессмысленную ненависть. Неприязнь к какому-либо определенному человеку Лен мог понять, вот и они с Норуичем недолюбливают друг друга, но такое...

— Эти болваны собрали со всех планет цвет человечества — политиков, аристократов и военных — и изгнали их в космос. Они не ведали, что творят, во что превращают человечество! — Девушка стиснула его руку, впиалась в нее ногтями. — И вот, докатились... людьми правят какие-то нелюди!

Она отпустила руку Сесмика и снова горделиво расправила плечи.

— Но недалек день, когда нас опять призовут. Этого мы и ждали — и мы, и наши отцы, а еще прежде наши деды. Вы сами увидите. У вас в жилах течет не кровь, а вода, но, может, и вас проймет. Мы ничего не забыли. Мы сберегли знамена, и песни, и ненависть к врагам. Все это досталось нам в наследство от доброго старого времени.

Они вошли, видимо, в самое просторное помещение корабля, и у Лена голова пошла кругом, он растерянно огляделся. Что он натворил? Зачем ввязался в эту дикую историю?

В зале собралось человек пятьсот, они стояли, выстроившись в ряды и колонны. Барона и капитана встретили приветственными кликами. Этот дружный грозный клич, казалось, издавали не глотки, а каждый мускул напрягшихся тел. Барон поднял руки, и все смолкло.

— Народ «Теллуса», к нам прибыли гости. Спойте им, — скомандовал он, и все как один тотчас запели:

Если забуду тебя, о Земля,
Горы твои и моря,
Забуду леса твои и поля,
Откуда родом я...

Кэтрин снова схватила Лена Сесмика за руку.

— Слушайте их, слушайте! Слыхали вы что-нибудь подобное? Это песнь Земли. Космический легион пел ее перед битвой за Титан. Слушайте!

Если забуду тебя, о Земля,
Значит, я слеп навеки!
Забуду тебя, планета моя,—
Значит, я нем навеки!

Капитан Боулак и Норуич вполголоса беседовали не-
подалеку, сквозь напыщенные слова песни до Лена доно-
сился их разговор.

— Прежде мне это не приходило в голову,— говорил
Норуич. — В самом деле, если они присвоят Минерву, их
жизненное пространство будет вдвое больше нашего. Они
обгонят нас числом и через двадцать лет раздавят нас.

— Вооружитесь — и не раздавят,— возразил капи-
тан. — Если у вас будет оружие, не раздавят.

Песня наконец была допета, и люди зашагали мимо
них.

Впереди шли мужчины, не свободно и прихотливо рас-
сыпавшись, как шли бы олимпийцы, а ровными рядами,
как по линейке, и все в ногу.

— Вот маршируют настоящие мужчины,— сказал ба-
рон, блестя глазами. — Вы когда-нибудь видели, как мар-
шируют?

— Нет, не видал,— ответил Лен.

— Ах, как много, как бесконечно много потеряло че-
ловечество! И всему этому мы могли бы вновь его на-
учить. Вот перед вами проходят ветераны. Конечно, это
не сами ветераны, а потомки героев, тех, что были изг-
наны с Земли.

— А что это за палки у них на плечах?

— Просто палки, *мистер* Сесмик,— ответил барон. —
Но придет время, и у нас будут винтовки. Когда нас из-
гнали, нам не позволили взять с собой ни инженеров, ни
машин, так что настоящего оружия у нас нет.

— А вот проходят Верные Дочери! — воскликнула
Кэтрин. Она вся дрожала от возбуждения, глядя, как ша-

гают рослые женщины.— Посмотрите, как они выступают! Они знают, что сегодня совсем особенный день!

— Великолепно, а?— обратился капитан к Джонсону.— Ведь правда, на это нельзя смотреть без волнения?

— Они и в самом деле умеют ходить в ряд,— равнодушно ответил Джонсон.

— Смотрите! Вот он, Первый штурмовой батальон!— в упоении воскликнула Кэтрин, когда появились полсотни молодых мужчин в черных рубашках и рыжевато-коричневых брюках. Они несли какие-то нелепые копы, глядели прямо перед собой, и лица у них были, точно у истуканов.

— Форма!— вдруг сказала Лен.— На них форменная одежда, Теперь я вспомнил. Я видел людей в форме в какой-то старой книге.

— Да, вы правы,— сказала Кэтрин; глаза у нее так сияли.— Это форма. Уже почти триста лет никто не ходит в форме. Как это должно быть скучно!— Она с презрением посмотрела на белый тропический костюм Лена.— Не понимаю, как женщина может спать с мужчиной, который никогда не носил форму!

— Большинству женщин это нисколько не мешает,— довольно резко ответил Лен.

Но Кэтрин была слишком поглощена зрелищем и не обратила внимания на его тон.

— Смотрите, вот идут матери-патриотки. Сколько сыновей они народили! Посмотрите, какие лозунги они несут.

Мимо шагала добрая сотня женщин. Лица у всех жесткие, одержимые. Глаза устремлены на знамена, которые плывут впереди колонны. Многие несут огромные, написанные от руки плакаты.

ДОЛОЙ ЧУЖАКОВ! ПЛАНЕТЫ — ЛЮДЯМ!

СМЕРТЬ НЕЛЮДЯМ! НЕУЖЕЛИ ТЫ ДОПУСТИШЬ,
ЧТОБЫ ТВОЯ СЕСТРА СТАЛА ЖЕНОЙ ПАУКА?

ОДНА РАСА, ОДНА ВЕРА! ЗЕМЛЯ НАВЕЧНО!
СМЕРТЬ! СМЕРТЬ!

УБЕЙ НЕЛЮДЕЙ! СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ!

Смерть? Убей? Лен провел рукой по лбу. Он почувствовал, что Джонсон придвинулся поближе к нему, обернулся, и взгляды их встретились — в глазах Джонсона Лен увидел ту же тоску и растерянность, какая терзала его самого.

— Великолепно! Восхитительно! — сияя, восклицали Кэтрин и барон. Капитан что-то озабоченно говорил Норуичу.

— Наверно, сохранились старые книги, — донеслось до Лена. — И уж наверно, кто-нибудь согласится делать для нас оружие!

— Проклятые пауки! Нет, не видать им моей жены! — скрипнув зубами, сказал Норуич.

— Ну, конечно, не видать, — успокаивал его Боулак. — Но только если вы сами, и не вы один, готовы взбунтоваться и начать борьбу.

— Смотрите, смотрите! — вне себя от радостного волнения закричала Кэтрин. — Вот они, юные герои!

Перед ними маршировали совсем еще мальчики, все в светло-коричневых штанах и рубашках, в руках — плакаты, очень похожие на те, что несли матери-патриотки.

НИКАКИХ СОГЛАШЕНИЙ С ПАУКАМИ! ДОЛОЙ
БОЛТОВНЮ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЙНА! ДАЙТЕ
НАМ ОРУЖИЕ, И МЫ БУДЕМ СРАЖАТЬСЯ!

Потом шли юные матери. Тяжело ступали совсем еще девчонки с огромными животами. Лен отвернулся.

— Каждая из них родит воина! — гордо сказала Кэтрин, голос ее звенел.

А женщины неистово, одержимо принялись кричать:
— Борьба! Война! Долой чужаков! Земля навеки!

Лен не верил своим ушам. Ничто в его жизни не помогало ему понять, откуда берется этот чуть ли не священный огонь в глазах пассажиров «Теллуса» и что он означает. От их исступленных воплей путались мысли.

И вместе с ними вопил Норуич:

— Теллус! Теллус! Теллус!

Джонсон все еще стоял рядом с Леном.

— Что будем делать, сэр?— прошептал он.— Этот корабль просто летучий сумасшедший дом. Тут все — помешанные.

— Да, конечно. Вы правы. Попробую чем-нибудь отговориться и уйдем,— сказал Лен.— Надо отсюда выбраться.

— Ну,— обратился к ним барон,— теперь вы сами видите, в каком направлении будет развиваться человечество. Впервые после злополучной истории с Сириусом-3 нам разрешили сесть на планету. Тамошние тупицы нас не поняли и вместо того, чтобы напасть на чужаков, взяли да и передрались между собой.

— Значит, несчастье на Сириусе-3 случилось от того, что там опустился «Теллус»?— спросил Лен.

— Быть может, отчасти,— согласился барон.— Они не поняли. Они приняли нашу идею, но не пожелали, чтобы мы стали их вождами — мы, призванные стать во главе всего человечества.

— Сириус-3 теперь бесплодная радиоактивная пустыня,— тихо сказал Джонсон.— Я был там во время практики.

— Знаю,— сказал Лен. Тяжкий груз вины лег на его плечи. Надо действовать быстро, очень быстро.

Он повернулся к капитану.

— Все это было очень интересно, но...

— Интересно?— перебил Норуич.— Это великолепно! Капитан и Кэтрин улыбнулись, глаза барона вспыхнули.

— Мы рады, что вы нас поняли. Мы ждали долгие томительные годы, и никто ни разу не оценил по достоинству Дела, за которое стоим мы, за которое стояли наши предки.

— Это и правда так великолепно, что мне, пожалуй, следует сейчас же доложить совету,— продолжал Лен.

Капитан, барон и Кэтрин улыбнулись, Норуич же с сомнением заметил:

Не доверяю я совету, они могли продаться азгардианцам.

Уже без улыбки барон сказал:

— Мы тотчас предоставим в ваше распоряжение радио, вы можете доложить прямо с борта корабля. А пока придется вам и вашим друзьям воспользоваться нашим гостеприимством.

— Благодарю вас, вы очень любезны,— ответил Лен, искоса глянув на Джонсона и Норуича.— Но я должен лично доложить совету. В таких важных случаях совет не одобряет докладов по видеofону.

— Неправда!— возмутился Норуич.— Вы же сами знаете, что это неправда. Какого черта вы тут темните, Сесмик?

— Замолчите, Норуич!— прикрикнул Лен.

— Знаю я вас, Сесмик. Вы что-то затеяли — вам тут все не по вкусу. Ни вы, ни Джонсон не способны понять, как опасны азгардианцы. Моего брата убили на Азгарде. Они уверяли, что это несчастный случай, но теперь-то я понимаю...

Лен попытался утихомирить Норуича, но барон и остальные не сводили с них глаз.

— Полагаю, что я понял,— произнес наконец барон.— Но вам не удастся все погубить. На этот раз мы слишком близки к цели. Наши лазутчики уже действуют среди здешних островитян, а скоро они выберутся с острова и возвестят всей Олимпии об опасности, которую несут азгардианцы. И о преступной слепоте и предательстве правителей Олимпии.

Лен направился было к выходу. Джонсон — за ним.

— Я покидаю ваш корабль, вы не имеете права меня задерживать.

— Вот мое право!— заявил барон и выхватил из-за пояса какой-то странный цилиндрик. Одним концом он направил цилиндрик на пол у ног Лена, из цилиндрика вырвался огонь и прожег в металлической обшивке аккуратную круглую дырочку.

— Это вам тоже незнакомо, мистер Сесмик. Оружие у нас есть. Правда, немного, но все-таки есть. Мы смастерили эту штуку из атомного сверла, которое нашли во время наших странствий. Право же, это весьма действенное оружие. Прожжет дырку у вас в голове не хуже, чем вот тут в полу.

Услышав, что им грозят насилием, Сесмик и Джонсон побледнели. Лен сделал шаг назад и посмотрел на барона, точномышь на змею.

— Вы не станете... вы не можете... обратить это... против другого человека.

— Не стану, говорите?— засмеялся барон.— Только попробуйте не подчиниться, и я с наслаждением вас продрывлю.

— Так чего же... чего вы от меня хотите?— спросил Лен.

— Я хочу, чтобы вы пошли в радиорубку, связались со своим советом и сказали им правду про нас.

— Правду?

— Ну разумеется. Не думаете же вы, что мы отпустим вас с корабля, чтобы вы распространяли про нас всякие небылицы!

Теперь уж Лен твердо знал, что этот человек помешан, все они на борту «Теллуса-2» помешанные, но помешательство их заразительно.

— Согласен,— с легкостью ответил он.— Я скажу о вас правду. Ведите меня в радиорубку.

— Мистер Сесмик, мистер Сесмик,— запротестовал Джонсон,— вы сами не знаете, что делаете.

В несколько минут Лен связался с Советом Олимпии, и вот перед ним на экране видеофона комиссия совета и его непосредственный начальник, Джексон Таунли.

— Я говорю из радиорубки «Теллуса-2»,— сказал Лен.— Я посетил этот корабль, и его команда и пассажиры пожелали, чтобы я рассказал вам правду о них.

На лицах членов совета отразилась вся гамма чувств — от легкого удивления до серьезной озабоченности.

— Я не стану выдумывать про этих храбрецов никаких небылиц,— продолжал Лен,— ибо они просили меня этого не делать.

— Ну конечно,— отозвался глава комиссии.— Продолжайте, мы вас слушаем.

И Лен Сесмик продолжал. Он подробно рассказал обо всем, что видел. Рассказал о марширующих мужчинах, женщинах и детях, о песнях, флагах, плакатах, о лозунгах, которые выкрикивались хором.

— И этих-то людей не допускают на планеты вот уже триста лет,— сказал он в заключение.— А они предлагают нам план действий. Эти люди хотят стать нашими вождями и повести нас в бой на планету Азгард. Они предлагают, чтобы мы зажили, как в старые времена. Они просят нас выковать оружие и последовать за ними в поход про-

тив всех чужаков, чтобы в нашей галактике их и следа не осталось. Дело совета решить...

— Хватит,— сказал барон, выключая экран.— Вы сказали о нас правду, это нам и требовалось. Народ Олимпии услышит правду... и правда эта сделает его свободным.

— Народ Олимпии свободен. Свободен и разумен. Так же как и все остальные народы нашей галактики,— сказал Лен.

— Вы болван, мистер Сесмик, трусливый болван,— сказал барон.— Уберите его с моих глаз. Выставьте его с корабля, и его приятелей тоже. Меня от него тошнит.

Вперед выступили стражи, и Лена и его товарищей подтолкнули было к трапу. И вдруг Норуич закричал:

— Погодите! Я с вами! Азгардианцев надо уничтожить!

Барон небрежно от него отмахнулся.

— Можете вернуться, когда к нам присоединятся миллионы ваших олимпийцев. Сейчас нам не до вас, нам надо привести в исполнение наши великие планы.

Когда троих олимпийцев выпроводили с корабля, на поле уже начали прибывать полицейские вертолеты. К «Теллусу-2» со всех сторон сбегались люди.

Лен зашагал им навстречу. Все шло именно так, как он надеялся. Совет выслушал его бредовую речь и тотчас же начал действовать. После этой речи, надо думать, его будущее загублено, но он по крайней мере исправил свою ошибку: конечно же, нельзя было разрешать «Теллусу» посадку!

— Закройте люки!— крикнул он полицейским.— Никого не выпускайте с корабля и никого не впускайте.

К нему подбежал полицейский инспектор.

— Нас прислал Таунли, сэр. Он сказал, вы знаете, что тут к чему, и примете над нами команду.

Впервые с той минуты, как Лен поднялся на корабль отверженных, на лице его появилась веселая улыбка. И Таунли и совет поняли! А впрочем, как было не понять? Кто, кроме сумасшедших, может всерьез говорить о войне и завоеваниях?

— Прекратите доставку припасов на корабль,— распорядился он.— Пусть ваши люди разыщут агентов «Теллуса», которые выбрались на остров. С этой минуты остров в карантине.

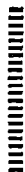
— В карантине?— озадаченно переспросил инспектор.

— Да-да, инспектор!— крикнул Лен. Он бросил взгляд на упавшего духом Норуича и подумал о людях, которые у него на глазах по-братски помогали команде «Теллуса».— Все, кто находится на этом острове, соприкасались с носителями смертельно опасной инфекции. Эта болезнь может уничтожить жизнь во всей Вселенной!

— Болезнь, сэр?— с тревогой спросил инспектор.— Что еще за болезнь?

— Человечество переболело ею в давно прошедшие времена, даже ее название — и то забыто,— ответил Лен.

РОБЕРТ
МУР
УИЛЬЯМС

ПОЛЕТ
„УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ“

Шлюз с легким шипением отворился, и техник Джек Грэхем вылез наружу. Он жадно втянул в себя винно-пряный воздух новой планеты, который взбудрил его, как глоток животворного эликсира вечной молодости. И страх, черной тенью омрачавший сердце, отступил и исчез.

Над головой светило солнце — древнее, желтоватое солнце, в благодатном сиянии которого купалась обширная холмистая равнина, похожая на сад. Неспешные ручьи мирно извивались среди зеленых лугов и рощ. Грэхем окинул взглядом горизонт, и от того, что он увидел, у него перехватило дыхание. Он повернулся к шлюзу и что-то крикнул в открытый люк.

— Что такое? Сейчас иду, — ответил Радди Сарл, штурман и астроном-любитель.

Он вышел, встал в люке, одной рукой заслоняясь от солнца, взглянул туда, куда указывал его товарищ, и тихо присвистнул. В том, что он не сказал ни слова, чувствовалось изумление и недоумение, но больше всего — благоговение. Благоговение, говорящее само за себя, когда слова отказываются служить, — и благоговейное молчание Сарла при виде города было намного красноречивее любых эпитетов — «великолепный», «могущественный», «возвышенный», «колоссальный». Сарл стоял и смотрел. Его взгляду открывалась невиданная высота, этаж за этажом, взмывающие до самых облаков, изящные линии

и плавные кривые — плод кропотливого труда бесчисленных поколений, стремившихся воплотить в этом городе свои дерзновенные мечты. Открылось его взгляду и то, что мечты пропали впустую: город стоял в развалинах и все еще продолжал разрушаться. Вот и все, что было видно, но Сарл мысленно спросил себя: что же случилось с людьми, построившими этот город? Что могло помешать стремлениям расы, которая сумела возвести подобные сооружения? Война? Голод? Мор? Потоп? Там, на Земле, — его пронизала боль при мысли, что Земли ему больше не видать, — там платили неизбежную дань этим четырем демонам, которые разрушили все построенное людьми. Война? Голод? Мор? Потоп? Варварские демоны варварской цивилизации!

Но здесь, на этой неведомой планете, какая-то могущественная раса поднялась над уровнем варварства. Доказательства этого были неопровержимы. Раса, построившая такой город, не могла вести войны, ей не могли угрожать ни болезнь, ни потоп. Что же случилось?

— Может быть, где-то здесь есть люди, которые нам помогут, — подумал вслух Грэхем.

Сарл усилием воли заставил себя вернуться в настоящее.

— Да... да, может быть, люди еще есть. Когда-то они были, без сомнения. Но... кто знает, как давно жители ушли из этого города? Десять тысяч, сто тысяч, миллион лет назад? Город построен как будто навечно, но вечность — это так долго...

В его голосе прозвучала странная печаль: он подумал о потраченных впустую силах, а главное, о несбывшихся мечтах, — эти серые развалины, вздымающиеся к желтому солнцу, были их красноречивыми свидетелями.

— А ты уверен, что эта планета нам неизвестна? — тревожно спросил Грэхем.

Сарл выразительно пожал плечами.

— Когда мы ночью садились, ты видел звезды. Ты узнал хоть одну из них, хоть одно созвездие?

Грэхем поежился. Вырвавшись из области искривленного пространства, они бросились к иллюминаторам: вокруг на целые световые годы, бесконечно далекое, простиралось небо, усеянное звездами; они светящимися булавочными головками пронзали черную ткань мертвого космоса. Звезды и снова звезды, насколько хватал глаз, пока не терялось всякое представление о их числе, — и во всем этом необозримом пространстве ни одного созвездия, хотя бы отдаленно похожего на знакомые.

Дом... Родина... Зеленые холмы Земли... Так далеко, что преодолеть это безмерное расстояние не под силу мощным атомным двигателям «Утренней звезды». Грэхем проглотил комок, подступивший к горлу, и попытался улыбнуться.

— Что ж, обойдется... Пойдем, посмотрим?

— Больше ничего не осталось, — ответил Сарл, легко ступив на землю. Но они не прошли и десяти шагов, как Грэхем хлопнул себя по бедру.

— Идиоты! — проворчал он. — Разгуливать по незнакомой планете без всякого оружия! Пора бы нам от этого отвыкнуть.

Он резко повернулся и быстро зашагал назад к кораблю. Потом возвратился, пристегивая к поясу позиционный пистолет. Другой пистолет он протянул Сарлу, который молча на него уставился.

— Бери! — рявкнул Грэхем.

— Ладно, но... знаешь, эта проклятая планета на вид такая мирная, что тут о пистолете даже думать противно.

— Да, но, какой бы у нее ни был вид, я буду уверен, что она мирная, только после того, как поработаю вот этой штукой.

Не отрывая взгляда от города, Сарл пристегнул пистолет. Город такой огромный, а пистолет такой крохотный — и все же он может прожечь в этом городе страшную дыру, если струя свободных позитронов начнет соединяться с электронами вещества, из которого построены здания (или любого другого вещества), превращая электроны в ничто и порождая поток гамма-лучей. Маленькое, но очень эффективное оружие. У людей солнечной системы оно было в большом ходу. Когда Марс устраивал налет на Юпитер, или Юпитер — на Венеру, или кто-нибудь из них — на Землю, иметь под рукой позитронный пистолет было недурно — и налетчики и их корабли мгновенно рассыпались в прах под его лучом. Иногда, если подводило внутреннее силовое поле, рассыпался в прах и сам стрелок, но это была лишь огорчительная случайность.

Может быть, пистолет и понадобится. Правда, Сарл надеялся, что до этого не дойдет. Люди, сумевшие построить такой город, наверняка умели делать и оружие. Только по виду города никак не скажешь, чтобы оно здесь когда-нибудь применялось.

По мягкой луговой траве, в которой тонули звуки шагов, под сенью деревьев, пересекая ручьи, они шли к городу. Люди пристально вглядывались в него, но торопливые взгляды, которые они порой бросали по сторонам, выдавали их мысли. Что случилось с потомками расы, воздвигнувшей эти башни до неба? И следов их не найти. Быть может, они погрузились в безмерную пустоту забвения? Или естественные ресурсы планеты понемногу иссякали, пока не стали слишком скудными, чтобы прокормить ее обитателей? Кто мог ответить? Этот город был свидетелем того, как они уходили, но он был окутан молчанием. Почему-то оно не казалось печальным — город был похож на пустое гнездо, покинутое птенцами, которым оно больше не нужно...

Они шли вперед, а город уступами поднимался вверх, стремясь достать до самого небосвода.

— Никого,— задумчиво произнес Сарл.— В этой тишине и спокойствии город может стоять вечно...

— Кажется невозможным,— возразил Грэхем,— чтобы исчезла раса, у которой хватило разума и хватило силы для постройки этого города. Но она исчезла.

И он подумал о Ниневии, и о Карнаке, и о Фивах, и о руинах Баальбека, истлевающих под земным Солнцем где-то там, в космической бездне.

Вдруг, как будто опровергая его мысли, в воздухе прозвенел голос. Потом послышался другой, и еще один, и еще, и все они разразились счастливым смехом, и воздух звенел от веселья. Люди не видели, откуда неслись голоса, но они не сговариваясь бросились к огромному дереву и спрятались за ним, пытаясь разглядеть тех, кто внезапно заполнил воздух смехом.

— Кто-то здесь есть,— сказал Грэхем.

— Гляди!— выдохнул Сарл.— Нет, не на город! Вон на ту полянку!

На полянке мелькнуло что-то бронзовое, и из тени деревьев вынырнула смеющаяся, танцующая фигура. Человек был обнажен, да ему, казалось, и не нужна была никакая одежда. За ним последовали другие, и все они двигались в ритме какого-то танца.

— Дети,— прошептал Сарл.— Нет... юноши.

— Играют...— сказал сам себе Джек Грэхем.

Его голос был полон удивления. В тени величайшего города, который он когда-либо видел, играла молодежь. Дело рук их предков превращалось в развалины у них на глазах, а они занимались дурацкими играми и плясками, размахивая руками и раскачиваясь в солнечном свете, беззаботно-равнодушные к творениям многих поколений тружеников, которые ради них работали и мечтали.

А может быть, нет? Может быть, раса строителей вымерла, а эта молодежь принадлежала к другой расе, только еще нарождающейся, только начинающей медленно подниматься от дикости к цивилизации? Грэхем ничего не мог понять. Если это молодая раса, то как они могут играть, когда рядом высится этот могущественный город — он заставляет думать об утраченных секретах, побуждает любое живое существо, наделенное воображением, разгадать его тайны...

Сарл вышел из-за дерева и помахал танцорам, а Грэхем выругал его и поднял свой позитронный пистолет.

— Убери, — сказал Сарл, взглянув на оружие.

— Откуда ты знаешь, дружелюбно ли они настроены? — возразил Грэхем. — Я не собираюсь рисковать.

Танцоры остановились. Они как будто застыли, глядя на две странные фигуры, появившиеся так внезапно. Потом танцоры, приплясывая, бросились к ним через поляну, а Грэхем стиснул в руке пистолет, держа палец на спуске. Ему ещё не попадалась такая форма жизни, которая не была бы враждебна всем остальным. Это был закон эволюции — угрюмый, седой, древний закон, пронесенный через тысячелетия борьбы за существование.

Но тут танцоры подбежали к ним, и воздух наполнился их щебетанием, в котором слышались нотки дружелюбия, но вовсе отсутствовало любопытство. Грэхем перестал давить на спуск и ждал.

Эти существа выглядели почти как семнадцатилетние юноши Земли. Их обнаженные тела были стройны, хорошо развиты и пропорциональны. У них были изящные конечности и большие улыбающиеся глаза. Держались они уверенно, и это говорило о многом...

Сарл стоял впереди Грэхема, улыбаясь, и пятеро юношей, пританцовывая, приблизились к нему футов на де-

сять, а потом вдруг остановились. Глаза их расширились, улыбка исчезла. Она сменилась любопытством, а потом легким удивлением, в котором ощущался благоговейный страх.

— Мы думали...

Грэхем выронил пистолет. С ним говорил его собственный мозг!

— Мы думали, это Улван и Дар, но оказалось, что нет. Кто же вы?

— Путешественники из далекой страны, — невозмутимо ответил Сарл, и Грэхем, покраснев, подобрал пистолет. Он достаточно часто летал на Марс и был знаком с возможностями телепатии, но никак не ожидал столкнуться с ней. здесь. Марсиане — древняя, мудрая раса. А эти люди молоды. Они явно принадлежат к юной расе, а телепатия доступна только расам очень старым. Она требует большой затраты мозговой энергии, а для этого нужны бесчисленные годы эволюции. Во всяком случае, так было в Солнечной системе. Может быть, здесь... Но они о чем-то спрашивали.

— Путешественники? Здесь не бывает путешественников.

Сарл, штурман и астроном-любитель, попытался объяснить им. Но он знал, какая это трудная задача. Пусть эта раса наделена телепатическими способностями, но как объяснить им искривление пространства? И все-таки он знал, что объяснить нужно. Они хотели знать. У него было предчувствие, что если объяснить не удастся... но это было лишь предчувствие. Грэхем держал пистолет наготове и слушал.

— Мы стартовали с Меркурия, ближайшей к нашему Солнцу планеты, и направились к Солнцу отчасти потому, что я хотел проверить, как искривляются лучи света под действием солнечной массы. Понимаете, мы хотели

выяснить, насколько близко можно подлететь к Солнцу и не сгореть. У меня была мысль... но это неважно. Мы подлетели так близко, как только осмелились; тяготение огромной массы держало нас так крепко, что наши двигатели еле тянули,— и тут что-то случилось. По-моему, под нами произошла мощная вспышка. Во всяком случае, был всплеск ослепительного света, а потом — сплошная чернота. Наш корабль скрипел, и стонал, и трещал, а двигатели не тянули. Много часов было темно, а потом через иллюминаторы начал просачиваться какой-то тусклый серый свет. Наконец что-то щелкнуло, и оказалось, что мы дрейфуем в пространстве, но вокруг нас иная Вселенная...

Они очень внимательно слушают Сарла, подумал Грэхем, как будто все понимают, хотя всего не понимает и сам Сарл. Он просто гадает. Правда, выглядит эта догадка вполне правдоподобно, ничуть не хуже, чем любая другая. И все-таки они находятся тут — это почему-то казалось подтверждением слов Сарла. У Грэхема комок подступил к горлу. Никогда уже не увидеть холмистых земных равнин — никогда! Но палец со спуска он так и не снял.

Пятеро загорелых юношей о чем-то посовещались. Грэхем чувствовал, что им жаль его и Сарла и что, будь хоть какая-то возможность, они бы им помогли. Но помочь ничем нельзя. Не хватит времени.

Юноша, который стоял ближе всех, улыбнулся Сарлу.

— Я Хард, — сказал он. — Ваш рассказ заинтересовал нас. То, что произошло, в сущности, очень просто. Вы попали из вашего пространства в другое, а потом опять в свое, но уже в другом месте. Вы сделали прыжок в гиперпространстве, преодолев неизвестное расстояние. Нам очень жаль вас,

Грэхем заморгал глазами. Они поняли. И они ответили Сарлу. Не словами, а мыслями. Слова, которыми они пользовались, разговаривая друг с другом, казались бессмысленным щебетанием, хоть звуки и напоминали что-то знакомое. Но они знали о космосе. Они знали. Это казалось невероятным. Грэхем взглянул на город, вздымающийся к небу, а потом снова на пятерых стройных юношей. Он не мог этого понять. В его мозгу возникла туманная мысль... Он снял палец со спуска.

Улыбнувшись Грэхему, Нард кивнул в сторону города.

— Вы думаете о нем? Его построили наши предки, в далеком прошлом...

Он употребил слово, обозначающее промежуток времени, но Грэхему оно ничего не говорило. Слишком широкое понятие. Но он почувствовал, как в нем шевельнулась тоска по чему-то родному.

Сарл задавал вопросы. Сарл хотел знать. Где взрослые? Что заставило их покинуть свои города? Есть ли на планете еще люди, подобные им? Есть ли девушки? Умирают ли здесь? Глупые вопросы. Но Нард с улыбкой отвечал на них.

И из его ответов вырисовывалась картина, которую Грэхем не совсем понимал, а озадаченный Сарл только мурлил брови.

Взрослых нет, говорил Нард. Они, эти юноши, эти загорелые и беззаботные юнцы, и есть взрослые. Они не стареют. Странно. Они становятся старше, но внешность их не меняется. Здесь не существует старческого одряхления. Они просто приостановили физические изменения. Нард говорил о молекулах, и атомах, и волнах, и колебаниях. Он углубился в строение материи, и Сарл сначала кивал, а потом перестал: объяснения стали ему непонятны. А Грэхем еще раньше перестал понимать, но

знал, что Нард объясняет, почему они никогда не стареют.

Да, девушки здесь есть, и на планете есть немало юношей, подобных им, и люди умирают, но лишь от несчастных случаев...

Сарл предложил Нарду и его спутникам посетить корабль. Они пошли. «Утренняя звезда» покоилась в глубокой траве. Нард и его приятели осмотрели ее, а Сарл объяснил, как она работает, и они проявили вежливый интерес, но ничуть не удивились.

— Там, в городе, есть корабли вроде этого, — объяснил Нард. — У них другой принцип действия, но назначение то же: они летают.

— А вы ими разве не пользуетесь? — спросил Грэхем.

— О нет. Наши предки везде летали и все знали, так что, если нам хочется что-нибудь узнать, можно пойти в город, заглянуть в библиотеки и найти там ответ. Но нам редко бывает нужно что-нибудь узнать, — наивно добавил он.

— Не нужно узнавать? — изумился Сарл.

— А зачем? У нас есть все необходимое, и ничто нас не... — Он помолчал, подыскивая нужное понятие, — не тревожит.

— Но как вы можете так жить? — взорвался Сарл. — Я бы с ума сошел от безделья.

— Мы играем и мыслим. Этого достаточно.

Этого и впрямь было достаточно: через несколько дней Сарл и Грэхем убедились, что на самом деле все это не так глупо, как кажется на первый взгляд. Потомкам погибшей расы уже не к чему было стремиться. Поэтому они занимались играми и приглашали Джека Грэхема и Радди Сарла присоединиться к ним. Но земляне не могли освоиться с их сложными играми. Они были неуклюжи и все время спотыкались. К тому же Грэхему мешал пози-

тронный пистолет, который он постоянно носил с собой. А когда обитатели планеты уставали от игр и отправлялись в мир мысли, земляне и вовсе не могли следовать за ними: те уходили поодиночке. Какой-нибудь загорелый юноша или столь же загорелая девушка просто покидали общество своих товарищей, чтобы растянуться на траве, глядя перед собой отсутствующим взглядом.

Они не работали. Зачем? На деревьях росли вкусные, необыкновенно сытные фрукты — это и была вся их еда. Сарл, бормоча что-то про себя, осмотрел деревья и фрукты, а Нард объяснил, что их урожай в точности соответствует численности населения. Все это было предусмотрено еще в далеком прошлом. Грэхем пробормотал: «А у вас тут как будто все предусмотрено». Это ему не понравилось.

Когда Грэхем спросил про правительство, Нард с трудом понял, что его интересует. Правительство? Он не знает, что это такое — идея власти одного человека над другими. В конце концов он понял.

— Никакого правительства у нас нет. Каждый поступает так, как хочет. Наши отцы очень долго боролись за то, чтобы мы могли обходиться без правительства. Это была их мечта.

— Но разве у вас не бывает несогласий?

— Несогласий? Нет. Мы цивилизованны. Мы разумны.

Грэхема поразило, что ответ был неоспорим. В подлинно разумной цивилизации не должно быть причин для несогласий. Но...

Шли дни. Грэхем и Сарл пытались понять эту жизнь и как-то участвовать в ней, но это было трудно. Оба поглядывали на город — на древний город, мирно спящий под желтым солнцем... Нард говорил, что там есть библиотеки — библиотеки, где собраны все факты...

Понемногу Грэхем и Сарл поняли, что ими овладева-

ет тоска по дому. Здесь они были в раю, но им было нужно не это. Здесь царили мир и разум, но все чаще и чаще они поглядывали на город.

Они оставались детьми Земли, а жизнь на Земле была бурной, полной борьбы, суеты, суматохи. Они не были готовы к мирной жизни. Долгие века, тысячи и сотни тысяч лет принесли с собой мир и понимание. А Грэхем и Сарл, вырвавшиеся из своей эпохи, здесь были варварами — молодыми варварами. Где-то там, в космосе, затерялась их молодая солнечная система, где еще не решена последняя проблема, где последний звездолет еще не совершил последнего рейса и не поставлен на вечную стоянку. И все-таки эта странная планета казалась им похожей на страну грез, обетованную землю, к которой они бессознательно стремились.

Они все чаще поглядывали в сторону города.

Однажды к ним пришел Нард.

— Вы хотите домой, — спокойно констатировал он.

— Боже мой, конечно! — Грэхем чуть не зарыдал, а Сарл медленно кивнул.

— Мы надеялись, что вам захочется остаться у нас и что со временем мы научили бы вас любить эту жизнь. Но здесь каждый поступает так, как хочет, а вы хотите вернуться домой. Пойдемте в город.

— Домой вернуться невозможно, — решительно сказал Сарл. — Мы не только не знаем дороги туда, но слишком велико расстояние — световые годы...

Нард продолжал улыбаться.

— Расстояние — это несложно. Мы можем запустить вас в гиперпространство и придать вам скорость, бесконечно превышающую скорость света. Труднее узнать, куда вас направить. Космос так велик...

— Нам ли этого не знать, — прошептал Грэхем, но Сарл решительно продолжал:

— Нам не удастся вернуться домой. Как вы сможете среди бесчисленного множества солнц, затерянных в космосе, найти наше Солнце? Отсюда оно может быть совершенно не видно.

— Пойдемте, — сказал Нард. — Посмотрим.

Город возвышался над ними, погруженный в мечты. Люди были как муравьи — меньше, чем муравьи, ползущие в тени Маттергорна...

Нард подвел их к двери, за которой открывался туннель. Они шли, поворачивая то в одну, то в другую сторону; огни загорались при их приближении и гасли позади.

— Все это построил мой народ, — с гордостью сказал Нард.

Они пришли в огромный зал. Вокруг мерцали огоньки. В глубине зала, ряд за рядом, стояли похожие на столы пульты с мириадами крохотных кнопок.

— Посмотрим, можно ли узнать, куда вас отправить.

Сарл повернулся к нему.

— Вы понимаете, что говорите? По-вашему, тут решена задача многих тел. Это же невозможно...

Грэхем знал, что дома, на Земле, астрономы и математики все еще бьются, пытаясь найти общее решение задачи трех тел. Математики знают, что ответ существует, — ведь эта задача решена самой природой, — но они до сих пор не нашли такого решения, несмотря на настойчивые поиски. А сделав это, они смогли бы решить одну из самых важных проблем в Солнечной системе — рассчитать траекторию более чем двух тел.

— Мои предки нашли путь к решению задачи трех тел — и более чем трех. Потом, чтобы облегчить ее практическое решение, они построили машину, которая работала за них. Они знали толк в этом деле — в том, как строить машины, — добавил он.

Сарл глубоко вздохнул.

— Эти ваши предки, надо думать, были великим народом.

— Может быть. Сейчас, так много лет спустя, об этом трудно судить. Во всяком случае, они были честолюбивы... А теперь дайте мне, пожалуйста, кое-какие сведения о вашей Солнечной системе. Я не знаю, учили наши предки все ее параметры или нет — если они вообще ее зарегистрировали, — но они, вероятно, знали о вашем Солнце и ввели данные о нем в свою машину. Если это большая звезда, то они их учили, иначе решение задачи было бы неправильным.

— Какие вам нужны сведения?

— Во-первых, масса. Во-вторых, излучение. Это основные условия задачи, и они особенно важны, если речь идет об очень большом промежутке времени, потому что излучение и масса постепенно убывают. Время, время... — Нард в растерянности умолк. — Чуть не забыл, — извинился он. — Этой машиной очень долго не пользовались.

Он показал на конструкцию, терявшуюся в тени зала, и взялся за рычаг. Огромная ферма над ними пришла в движение. Грэхем и Сарл не отрывали от нее взгляда.

— Видите ли, — объяснил Нард, — это крохотная модель известной нам Вселенной. Но ею не пользовались несколько тысяч лет, а время должно быть приведено к нынешнему моменту. Если мы не скорректируем данные, приняв во внимание эти несколько тысячелетий, машина не найдет вашего Солнца. Люди, построившие ее, взяли за исходную точку произвольное место в пространстве и провели воображаемые линии, разделявшие его на четыре квадранта. Потом они поместили модель каждой звезды в соответствующее место искусственного неба и изобрели механизмы, приводящие все в движение. Теперь управля-

ющее устройство может следить за каждой звездой до конца времен.

— Как это возможно? — спросил Сарл.

Нард объяснил. Колебания и интерференция колебаний, энергия и отрицательные энергетические уровни... Грэхем смотрел, как поворачивается ферма над их головами. Он не слушал. А Нард, оперируя самыми примитивными понятиями, старался объяснить то, что было под силу понять лишь математику. Грэхем все смотрел, как поворачивается ферма.

Она остановилась.

— Дошла до нашего времени, — сказал Нард. Он пошел вдоль панелей, нажимая на кнопки, вводя в машину сведения, которые сообщил ему Сарл. Потом взялся за рубильник. Свет погас...

Грэхем услышал в темноте собственный крик. Непроизвольным движением он выхватил позитронный пистолет.

На черном экране перед ними возникло крохотное солнце — добела раскаленное пылающее солнце. Какую-то секунду казалось, что оно похоже на... и в эту секунду дикая надежда пробудилась в сердце Грэхема, но потом он заметил три маленькие светлые точки, двигавшиеся вокруг большой, и понял, что это не его Солнце...

— Нет, — услышал он в темноте шепот Сарла. — Это не наша система.

— Проверим близкие к ней, — ответил Нард, поворачивая ручки управления.

Другое солнце появилось на черно-бархатном экране, чем-то похожем на космическую пустоту. Может быть, это и был космос: люди, построившую такую машину, могли добиться всего. Но и это солнце оказалось незнакомым — у него не было планет. Сарл что-то прошептал в темноте, Нард шепотом ответил ему, и появилось еще

одно солнце, но и у него планет не было. И Грэхем понял, каково это, когда надежда в тебе умирает. Земля — смеющаяся мать-Земля... я не вернусь к тебе... никогда... никогда...

Снова шепот, снова пылающие светлые точки... Грэхем понял, что Нард озадачен и растерян, и подумал: почему бы Нарду не просмотреть все солнца, сколько их есть во Вселенной — так они обязательно добрались бы до нужного. Но он знал, что у них лишь одна жизнь, а строили эту машину и вводили в нее солнца бесконечные ряды поколений. Чтобы показать все солнца, понадобилось бы... неизвестно сколько лет. Ведь звезд так много.

Нард вздохнул, свет зажегся снова, и Грэхем понял, что Нард сдался. Почему он должен тратить всю свою жизнь на то, чтобы помочь двум чужеземцам вернуться домой?

Но Нард снова заговорил с Сарлом, стал расспрашивать его об искривленном пространстве и о том, как оно действует. В глазах его было какое-то странное недоумение. А потом в них загорелось яркое пламя, а свет в зале погас...

Грэхем почувствовал, как ферма над ними снова пришла в движение — время снова менялось, и передвигались конструкции, управлявшие движением солнц. Прошло много минут. Он нетерпеливо пошевелился, и Нард шепнул ему, чтобы он ждал спокойно. Минуты выросли в часы, а время все еще менялось. И в этом огромном зале вдруг сделалось очень одиноко.

На экране появилось Солнце, и Сарл радостно начал считать:

— Шесть, семь, восемь! Это солнечная система! Вот она!

Грэхем услышал свой собственный вопль. Там, у края экрана, виднелись кольца Сатурна — безошибочный при-

знак! Единственное, чего природа больше нигде не повторила! И третьей от Солнца была Земля!

Родина... Грэхем, глотая слезы, нащупал в темноте Сарла и начал колотить его по спине, а Сарл обнял его, и он обнял Сарла. Он варвар, и его место — на его варварской Земле, в его варварской эпохе. Никогда еще он не ощущал так сильно свою принадлежность к собственной Земле и собственной эпохе.

И ведь Нард говорил, что можно отправить их обратно, что вернуться будет нетрудно, что трудно только узнать, куда их нужно отправить...

Домой — снова домой! Его крик гулко перекачивался под огромным куполом.

Зажегся свет: рядом стоял Нард, но на лице его не было улыбки, не было ее и в глазах. Они были затуманены, и, когда Грэхем и Сарл посмотрели на него, Нард отвернулся.

Они поняли: что-то неладно. Грэхем потянулся к пистолетному ремню. Подскочив к загорелому юноше, они рывком притянули его к себе — и увидели искаженное, вытянувшееся лицо. Они отпустили его...

— Нард... Ты же не откажешься... ты нам поможешь вернуться? Ты сказал, что поможешь...

Нард пожал плечами — чудно, совсем как землянин, — и покачал головой.

— Мне очень жаль. Я не могу вас вернуть. Вы уже и так здесь.

— Здесь! — пролепетал Грэхем. — Этот город — на Земле? Вы, эта странная, мирная раса, на варварской Земле? Нет! — выкрикнул он.

— Да, это Земля. Но через миллион лет после того, как вы ее покинули. Я должен был догадаться, что вы дети Земли. Ваши тела — да десятки признаков должны были мне это подсказать. Но вы, сами того не желая,

ввели меня в заблуждение, заставив думать о расстояниях в пространстве, а не во времени.

— Но... — начал было Грэхем и увидел лицо Сарла. Сарл что-то понял.

— Это искривление... — медленно сказал Сарл.

— Это было искривление времени, а не пространства. Вы перемещались вместе с Солнцем, и, когда вы снова увидели звезды, все они сдвинулись и вы не смогли их узнать. Вы думали, что перемещались в пространстве. Конечно, происходило и это, но существует бесконечное множество возможных пространств. Вы попали в такое, где время почти остановилось. Эта скорость движения времени передалась и вам, и прошло больше миллиона лет. Когда я не смог разыскать ваше Солнце, я заподозрил истину, навел машину на наше Солнце и запустил механизм времени в обратном направлении. Сомнений нет...

— Значит, мы никогда... не вернемся домой? — прошептал Грэхем.

Нард покачал головой.

— Нет. Я мог бы отправить вас через пространство, но не назад через время. Это невозможно.

Грэхем вертел в руках пистолет — его одолевали сомнения, колебания, страх. Нард повел их прочь из города. Они миновали туннель. Город высился над ними, устремляясь к небу, и они оглянулись.

— Это построили наши потомки, то есть не наши собственные, но потомки нашей расы, — сказал Сарл, и в его голосе прозвучала гордость. Грэхем услышал это и наконец понял.

— Мы каким-то чудом, не приложив усилий, прибыли прямо в мир наших грез. Теперь я понимаю. Когда-то мы на Земле мечтали о мире и спокойствии, о стране, где нет ни голода, ни холода. Эдем, Счастливые острова, Рай.

Что ж, приятно знать, что земляне добились исполнения своей мечты.

Сарл взглянул на Грэхема. Джек Грэхем положил пистолет на землю и начал поспешно снимать с себя одежду, отшвыривая ее, как будто она ему уже больше никогда не понадобится. А Нард смотрел и улыбался. И Сарл тоже начал сбрасывать с себя одежду.

Они пошли по зеленому лугу, в тень ласковых деревьев...

ТЕОДОР
СТАРДЖОН

**ИСКУСНИКИ
ПЛАНЕТЫ
КСАНАДУ**

И вот Солнце обернулось Сверхновой звездой, а человечество раздробилось на части и рассеялось по всему космосу; и так хорошо люди знали себя, что понимали: надо сохранить не только саму жизнь, но и свое прошлое, иначе они утратят человеческую сущность; и так гордились они собой, что свои традиции превратили в строгие обряды и нерушимые правила.

Великая мечта воодушевляла человечество: куда бы ни занесло его осколки и частицы, сколь разной ни была бы их судьба, им не придется начинать сначала, они продолжат извечный путь человечества; и по всей Вселенной, во все времена люди останутся людьми, будут говорить как люди и мыслить как люди, стремиться к новым целям и достигать их; и, когда бы ни повстречал человек человека, сколь бы разны и далеки друг от друга они ни были, они встретятся мирно, признают друг в друге родню и заговорят на одном языке.

Но такова уж человеческая природа...

Брил вынырнул из глубин космоса неподалеку от розовой звезды, поморщился от ее розового сияния и отыскал четвертую планету. Она повисла в пространстве, дожидаясь его, словно некий экзотический плод. (Зрелый ли это плод? И удастся ли заставить его дозреть? И не таит ли он яда?) Он оставил свой аппарат на орбите и в

шаровой капсуле опустился на планету. У водопада, наблюдая за спуском, ждал юный дикарь.

— Земля была мне матерью, — произнес Брил, не выходя из шара. Это было традиционное приветствие человечества, и говорил он на Древнем языке.

— И мне отцом, — закончил дикарь. Выговор у него был ужасный.

Брил осторожно вылез из капсулы, но не отошел от нее ни на шаг. Оставалось довершить свою часть обряда.

— Я чту различие в наших желаниях, ибо каждый из нас личность, и приветствую тебя.

— Я чту равенство наших прав, ибо все мы люди, и приветствую тебя, — отозвался юнец. — Я Уонайн, сын Тэнайна, сенатора, и жены его Нины. А это место называется округ Ксанаду на Ксанаду, четвертой планете.

— Я — Брил с Кит Карсона, второй планеты в системе Самнер, сочлен Наивысшей Власти, — сказал гость и добавил: — Я прибыл с миром.

Он подождал, не бросит ли гуземец, согласно старинному дипломатическому этикету, какое-либо оружие. Уонайн ничего такого не сделал — оружия при нем явно не было. Единственная его одежда — легкая туника, перехваченная широким поясом из каких-то плоских, черных, до блеска отполированных камней; под таким одеянием не спрячешь и стрелу. Брил, однако, выждал еще минуту, присматриваясь к безмятежному лицу юного дикаря: не подозревает ли Уонайн, что в тугом черном мундире, в сверкающих ботфортах, в металлических перчатках с крагами скрыт целый арсенал? Но Уонайн сказал только:

— Так добро пожаловать, приходи с миром! — и улыбнулся. — Войди в дом Тэнайна и мой и отдохни.

— Ты сказал, что Тэнайн, твой отец, — сенатор? Может он помочь мне попасть в ваш правительственный центр?

Подросток помедлил, чуть шевеля губами, будто переводил про себя слова мертвого языка на знакомое наречие.

Потом он сказал:

— Да, конечно.

Брил слегка стукнул пальцами правой руки по ладони левой, затянутой в перчатку, и шар-капсула взметнулся в воздух — скоро он достигнет корабля и останется там, на орбите, пока не понадобится вновь. Уонайн не ахнул, не изумился — должно быть, это выше его понимания, подумал Брил.

И он зашагал вслед за мальчиком по тропинке, что вилась среди чудесных, пышно цветущих растений — больше всего тут было лиловых цветов, попадались снежно-белые, а порой и ярко-алые, и на всех лепестках искрились алмазные брызги водопада. Тропа шла в гору, здесь по обе стороны росла густая мягкая трава: пока к ней приближались, она была красная, когда проходили мимо, — бледно-розовая.

На ходу Брил пытливо осматривался, узкие черные глаза его все видели, все подмечали: мальчик поднимается в гору пружинистым шагом, дышит легко и свободно, тонкая ткань его туники переливается на ветру всеми цветами радуги; там и сям высятся могучие деревья; за иными может укрыться человек или оружие; а кое-где из почвы торчат каменные выступы, обнажения горных пород — по ним можно судить, какие тут есть ископаемые; летают птицы, слышен словно бы птичий свист и щебет, но, может быть, это и какой-то условный знак...

От взгляда этого человека ускользало только очевидное, но ведь очевидного в мире так мало!

Однако он никак не готов был увидеть такой дом: они уже наполовину прошли парк, когда Брил наконец понял, что это и есть жилище Уонайна.

Никаких стен и границ не заметно. В одном месте дом поднимается высоко, в другом это просто площадка между двумя цветочными клумбами; там комната становится террасой, здесь лужайка служит ковром: над ней, оказывается, крыша. Дом разделен не столько на комнаты, сколько на открытые пространства — то подобием сквозной садовой решетки, то просто иной цветовой гаммой. И нигде ни одной стены. Негде спрятаться, укрыться, запереться. Вся округа, все небо без помехи заглядывают в дом, видят его насквозь, и весь этот дом — одно огромное окно в мир.

При виде всего этого Брил несколько изменил свое мнение о туземцах. Он-то знает людей, недаром говорится: «Каждому человеку есть что скрывать». И хоть здесь не видно было ни единого укромного уголка, Брил только стал еще зорче присматриваться к окружающему, спрашивая себя: «Как же они прячут то, что хотят скрыть?»

— Тэн! Тэн! — кричал между тем мальчик. — Я привел друга!

По саду навстречу им шли мужчина и женщина. Мужчина — настоящий великан, но в остальном так похож на Уонайна, что сразу ясно: это отец и сын. Тот же длинный и узкий разрез ясных, серых, широко расставленных глаз, те же яркие огненно-рыжие волосы. Тот же крупный и, однако, изящно очерченный нос, губы совсем не толстые, но рот большой и добродушный.

Зато женщина...

Не сразу Брил позволил себе посмотреть на нее, позволил себе поверить, что может жить на свете такая женщина. Увидев ее, он торопливо отвел глаза и потом уже все время ощущал ее присутствие и лишь изредка украдкой взглядывал, чтобы убедиться: да, это не почудилось, это все правда — волосы, лицо, голос, тело. Как

и мужа и сына, ее окутывало радужное переливчатое облако, и лишь когда ветерок замирал, видно было, что это схваченная черным поясом туника.

— Это Брил с Кит Карсона, из системы Самнера, — оживленно болтал мальчишка, — и он сочлен Наивысшей Власти, и это их вторая планета, и он знает приветствие и сказал все правильно. И я тоже, — прибавил он смеясь. — А это Тэнайн, сенатор, и Нина, моя мать.

— Добро пожаловать, Брил с планеты Кит Карсон, — сказала женщина; и, не в силах поверить, что с ним могло случиться такое, он с трудом отвел глаза и почтительно склонил голову.

— Войди же, — дружелюбно сказал Тэнайн и провел гостя под сводом, который оказался не отдельной аркой, как можно было подумать, но входом в дом.

Комната была широкая, один конец шире другого, хотя сразу не определишь, на много ли. Пол неровный, постепенно повышается к одному углу, который занимает какая-то поросшая мхом насыпь. Там и сям разбросаны белые и серые полосатые глыбы, по виду это камни, а тронешь рукой — словно бы живая плоть. Иные из них гладкие, как стол, в иных — и в той насыпи в углу — есть углубления вроде полок, и это вся мебель.

По комнате, журча и пенясь, струится вода, как будто обыкновенный ручеек; но Брил заметил: Нина прошла босыми ногами по чему-то невидимому, чем покрыт этот ручей во всю длину, до озера, в которое он впадает в дальнем конце комнаты. Это озеро он видел, когда они только еще шли сюда, и непонятно, все ли оно заключено в доме или частью остается снаружи. У самого озера растет огромное дерево, тяжелая листва клонится над насыпью, и похоже, что широко распростертые нижние ветви переплетены тем же невидимым веществом, которым покрыт ручей, и образуют сплошной навес. Над голо-

вой ничего больше нет, но ощущение такое, словно это потолок.

Все это безмерно угнетало Брила, и он даже поймал себя на внезапной острой тоске по дому, по многоэтажным стальным городам родной планеты.

Нина улыбнулась и оставила их втроем. Следуя примеру хозяина, Брил опустился наземь (или это был пол?) в том месте, где он переходил в насыпь (или в стену?). Все существо Брила возмущалось: расплывчатость, небрежность замысла — верный знак, что здешним жителям чужды решимость, дисциплина, строгость и собранность. Но он знал, как себя держать: на первых порах не следует выдавать варварам свои истинные чувства.

— Нина сейчас вернется, — сказал Тэнайн.

Брил, который неотрывно следил, как проворно и легко движется женщина во дворе, за прозрачной стеной, при этих словах чуть не подскочил.

— Я не знаю ваших обычаев и старался понять, что она делает.

— Готовит тебе поесть, — объяснил Тэнайн.

— Сама?

Тэнайн и его сын посмотрели с недоумением:

— А тебя это удивляет?

— Я полагал, что дама эта — супруга сенатора, — сказал Брил. Он считал свой ответ исчерпывающим, но те двое не поняли. Он посмотрел на мальчика, потом на мужчину. — Возможно, под словом «сенатор» я подразумеваю не то, что вы.

— Да, возможно. Не скажешь ли ты нам, что такое сенатор на твоей планете?

— Это член сената, слуга Наивысшей Власти и вождь свободной нации.

— А его жена?

— Жена сенатора пользуется теми же привилегиями.

Она может прислуживать сочлену Наивысшей Власти, но, уж конечно, никому другому... Во всяком случае, не какому-то неизвестному чужеземцу.

— Любопытно, — сказал Тэнайн.

Мальчик что-то пробормотал с изумлением, какого не вызывали у него прежде ни сам Брил, ни шар-капсула.

— Скажи, — продолжал Тэнайн, — разве ты не говорил, кто ты и откуда?

— Говорил! Он мне сам сказал у водопада! — вмешался мальчик.

— Но я не представил доказательств, — сухо сказал Брил и, заметив, что сын с отцом переглянулись, пояснил: — Верительных грамот, письменных полномочий.

И коснулся небольшой плоской сумки, висевшей у него на энергопоясе.

— А разве верительная грамота говорит, что тебя зовут не Брил и ты прилетел не с планеты Кит Карсон из системы Самнера, а откуда-нибудь еще? — простодушно спросил Уонайн.

Брил хмуро глянул на него, а Тэнайн сказал мягко:

— Спокойнее, Уонайн. — И обернулся к Брилу: — Конечно, мы во многом различны, так всегда бывает с жителями разных миров. Но, я уверен, в одном мы схожи: молодость порою спешит напрямик там, где мудрость прокладывает обходный путь.

Брил помолчал, обдумывая эти слова. Видимо, это что-то вроде извинения, решил он, и коротко кивнул. Молодежь у них тут жалкая и никчемная. На Карсоне мальчишка в возрасте этого Уонайна уже солдат и готов нести солдатскую службу, и никто не станет за него извиняться. И уж он не допустит ни единого промаха. Ни единого!

— Мои верительные грамоты я должен вручить вашим правителям, когда с ними встречусь, — сказал он. — Кстати, когда это можно сделать?

Тэнайн пожал могучими плечами.

— Когда тебе угодно.

— Чем скорее, тем лучше.

— Прекрасно.

— Это далеко?

Тэнайн посмотрел с недоумением.

— Что далеко?

— Ваша столица — или где там собирается ваш сенат.

— А, понимаю. Он не собирается в том смысле, как ты думаешь. Но, как когда-то говорили, он заседает непрерывно. Мы...

Он сжал губы, с них слетел какой-то певучий короткий звук. И сейчас же Тэнайн засмеялся.

— Прости! — сердечно сказал он. — В Древнем языке не хватает некоторых слов, некоторых понятий. Какое слово у вас обозначает... э-э... присутствие всех в одном?

— Я полагаю, нам не следует отвлекаться, — осторожно произнес Брил. — Вы, видно, хотите сказать, что ваш сенат не заседает в каком-либо определенном месте в назначенное время?

— Я... — Тэн чуть замялся, потом кивнул: — Да, это верно постольку...

— И у меня нет возможности лично обратиться к вашему сенату?

— Этого я не говорил. — Еще дважды Тэн пытался что-то объяснить гостю. Брил прищурился. Вдруг Тэн расхохотался. — Рассказывать на Древнем языке старые сказки невелика хитрость, говорить на нем с другом куда труднее, — сказал он с досадой. — Вот если бы ты научился говорить по-нашему! Согласен? Наш язык прост и удобен, он основан на том, что тебе хорошо знакомо. У вас на Кит Карсоне, уж наверно, тоже есть еще какой-то язык, кроме Древнего?

— Я чту Древний язык, — сухо молвил Брил, уклоня-

ясь от ответа. И очень медленно, раздельно, будто не по годам непонятливому ребенку, стал объяснять: — Я хотел бы знать, когда я могу увидаться с здешними правителями и обсудить некоторые вопросы всепланетного и межпланетного значения.

— Обсуди их со мной.

— Вы — сенатор, — сказал Брил, и в тоне его ясно звучало: «Всего лишь сенатор».

— Верно, — сказал Тэнайн.

Стараясь не терять терпения, Брил спросил:

— А что такое сенатор на вашей планете?

— Тот, кто связывает людей своего округа со всеми другими людьми. Тот, кто хорошо знает дела и заботы небольшого участка планеты и может привести их в согласие с тем, что происходит на всей планете.

— А кому служит ваш сенат?

— Людям, — сказал Тэнайн так, словно его сызнова спрашивали об одном и том же.

— Ну да, конечно. А кто же служит сенату?

— Сенаторы.

Брил прикрыл глаза, с языка его чуть не сорвалось крепкое словцо.

— Из кого состоит ваше правительство? — спросил он ровным голосом.

Все это время Уонайн жадно слушал, переводя взгляд с одного собеседника на другого, словно увлеченный зритель какой-нибудь стремительной игры в мяч. Но тут он не выдержал:

— А что значит «правительство»?

В эту минуту появилась Нина, и Брил вздохнул с облегчением. Она вышла из тенистого уголка в саду, где занималась чем-то совершенно непонятным у подобия длинного рабочего стола, и теперь шла к ним по террасе. Она несла огромный поднос, нет, скорее вела его, заме-

тил Брил, когда она подошла ближе. Три пальцами она поддерживала поднос снизу и одним сзади, ладони он почти не касался. Прозрачная стена комнаты исчезла при ее приближении, а может быть, Нина прошла в том месте, где стены не было.

— Надеюсь, хоть что-нибудь здесь придется тебе по вкусу, — весело сказала она и опустила поднос на бугорок рядом с Брилом. — Вот это — мясо птиц, это — маленьких млекопитающих, а вот рыба. Эти печенья сделаны из злаков четырех разных видов, а это, белое, — из одного, мы его называем «молочная пшеница». Здесь вода, в этих двух сосудах вино, а в этом — спиртовая эссенция, мы ее зовем ушгерейка.

Не поднимая глаз от еды, сиюсь замкнуться, чтобы весь его мир не заполнили благоухание и свежесть, исходящие от этой женщины, так близко наклонившейся к нему, Брил сказал:

— Все это очень кстати.

Нина отошла к мужу, опустилась наземь у его ног и, откинувшись, оперлась на его колени. Он ласково запустил пальцы в ее густые волосы, и она, вскинув глаза, блеснула ему мимолетной улыбкой. С еды, многоцветной, точно женское платье, тут дымящейся жаром, там источающей в воздух прохладу, Брил перевел взгляд на три улыбающихся, внимательных лица. Он не знал, как быть.

— Да, все это очень кстати, — повторил он, а они по-прежнему сидели и смотрели на него. Он взял одно белое печенье и поднялся, озираясь по сторонам, осматривая этот нелепый прозрачный дом и все вокруг. Куда деваться?!

Пар, поднимающийся от подноса, зашекотал ноздри, и у Брила потекли слюнки. Он отчаянно голоден, но...

Со вздохом он сел, положил печенье на прежнее место. Силился улыбнуться, но улыбка не получилась.

— Неужели тебе совсем ничего не нравится? — озабоченно спросила Нина.

— Не могу я здесь есть! — отвечал Брил, но тут же почувствовал в туземцах что-то такое, чего прежде не было, и прибавил: — Благодарю. — Опять посмотрел на их невозмутимые лица. И сказал Нине: — Все это очень хорошо приготовлено, приятно посмотреть.

— Так ешь! — предложила она и снова улыбнулась.

Эта улыбка подействовала на Брила престранным образом. Ни их ужасающая распушенность, эта манера сидеть и лежать где попало и как попало, позволять мальчишке вмешиваться в разговор, ни бесстыдное признание, что у них есть какой-то свой варварский язык, — ничто не могло вывести его из равновесия. А тут, ничуть не изменившись в лице и не уронив столь позорным образом собственного достоинства, он, однако, почувствовал, что краснеет! Он тотчас насупился и обратил эту ребяческую слабость в краску гнева. Ох, с каким наслаждением он наложит руку на самое сердце этой варварской культуры и стиснет его без пощады! Вот тогда будет покончено со всякими лицемерными любезностями! Будут знать, дикари, кого можно унижить, а кого нет!

Но эти трое смотрели так невинно и простодушно... на открытом лице мальчика — ни тени злорадства, на мужественном лице Тэнайна — искренняя забота о госте, на лице Нины... ох, какое у нее лицо! Нет, нельзя выдать свое смятение. Если они нарочно хотят его смутить, он им не доставит этого удовольствия. А если это неумышленно, пусть не заподозрят, в чем он уязвим.

Огромным усилием воли он заставил себя говорить негромко, и все же голос его прозвучал резко.

— Как видно, — произнес он медленно, — мы, жители планеты Кит Карсон, ценим уединение несколько более высоко, чем вы.

Все трое удивленно переглянулись, затем цветущее здоровым румянцем лицо Тэнайна прояснилось; он понял.

— Вы не едите на людях!

Брил не вздрогнул, но дрожь отвращения была в его голосе, когда он ответил коротко:

— Нет.

— О, — промолвила Нина. — Мне так жаль!

Брил счел за благо не уточнять, о чем именно она жалеет. Он сказал только:

— Неважно. Обычаи бывают разные. Я поем, когда останусь один.

— Теперь мы понимаем, — сказал Тэнайн. — Будь спокоен. Ешь.

Но они все так же сидели и смотрели на него!

— Как жаль, что ты не говоришь на другом нашем языке, — сказала Нина. — Тогда было бы так просто объяснить! — Она подалась к Брилу, протянула руки, словно хотела прямо из воздуха извлечь желанное понимание и одарить им гостя. — Пожалуйста, Брил, постарайся понять. В одном ты очень ошибаешься: мы чтим уединение едва ли не превыше всего.

— Очевидно, мы вкладываем в это слово разный смысл, — ответил он.

— Но ведь это значит — когда человек остается наедине с собой, не так ли? Когда ты что-то делаешь, думаешь, работаешь или просто ты один и никто тебе при этом не мешает?

— Никто за тобой не следит.

— Ну? — радостно воскликнул Уонайн и выразительно развел руками, словно говоря: «Что и требовалось доказать!» — Так что же ты? Ешь! Мы не смотрим!

Ничего нельзя понять...

— Мой сын прав, — с усмешкой сказал Тэнайн, —

только по обыкновению уж слишком режет напрямик. Он хочет сказать: мы не можем на тебя смотреть, Брил. Если ты хочешь уединения, мы просто *не можем тебя видеть*.

Вдруг озлившись и махнув на все рукой, Брил потянулся к подносу. Рывком схватил бокал, в котором, по словам Нины, была вода, достал из кармашка на поясе какую-то облатку, сунул в рот, проглотил и запил водой. Грохнул бокалом о поднос и, уже не сдерживаясь, крикнул:

— Больше вы ничего не увидите!

С непередаваемым выражением лица Нина легко поднялась на ноги, изогнулась, словно танцовщица, и чуть дотронулась до подноса. Он взмыл в воздух, и она повела его по двору прочь.

— Хорошо, — сказал Уонайн, будто в ответ на чьи-то неслышные слова, и неторопливо пошел следом за матерью.

Что же это было у нее в лице?

Что-то такое, с чем она не могла совладать: оно поднялось из глубины к этой невозмутимой поверхности, готовое явственно обозначиться, вырваться наружу... Гнев? Если бы так! — подумал Брил. Обида? Он бы и это понял. Но... смех? *Только бы не смех!* — взмолилось что-то в его душе.

— Брил, — позвал Тэнайн.

Опять он до того забылся, заглядевшись на эту женщину, что голос Тэнайна заставил его вздрогнуть.

— Что такое?

— Скажи, что нужно сделать, чтобы тебе удобно было есть, и я все устрою.

— Вы не сумеете, — без обвиняков ответил Брил. Холодными, недобрыми глазами он обвел комнату и все вокруг. — Вы тут не строите стен, сквозь которые нельзя было бы видеть, и дверей, которые можно закрыть.

— Да, правда, не строим. — Уже не в первый раз великан принимал его слова буквально, не замечая их оскорбительного смысла.

«Конечно, не строите, — подумал Брил. — Даже для...» — И тут в нем шевельнулось чудовищное подозрение.

— Мы, жители планеты Кит Карсон, всегда полагали, что история человечества есть путь развития от животного к чему-то более возвышенному. Разумеется, мы слишком скованы и не можем совсем уйти от животного состояния, но мы делаем все, чтобы не выставлять напоказ то, что осталось в человеке от животного. — Он сурово повел затянутой в перчатку рукой, указывая на весь этот огромный, открытый дом. — Вы, очевидно, не достигли такого уважения к идеалам. Я видел, как вы едите; несомненно, и другие отправления организма совершаются у вас так же открыто.

— Да, — сказал Тэнайн. — Но с этим (он показал пальцем) совсем другое дело.

— С чем — с этим?

Тэнайн снова показал на одну из серых глыб. Оторвал клочок мха — это был самый настоящий мох — и кинул на гладкую поверхность глыбы. Протянул руку, дотронулся до одной из серых полос. Мох потонул, как тонет камешек в зыбучем песке, только гораздо быстрее.

— Живую ткань, достаточно сложно организованную, они в себя не вбирают, — пояснил Тэнайн, — но мгновенно, до последней молекулы поглощают все остальное, и не только с поверхности, но даже на некотором расстоянии.

— Так это и есть у вас... э-э...

Тэн кивнул и подтвердил — да, оно самое и есть.

— Но... но ведь это значит — у всех на виду!

Тэн с улыбкой пожал плечами.

— Вовсе нет! Вот почему я и сказал, что это совсем другое дело. Едим мы все вместе. А это... — Тэн сорвал еще кусок мха и следил, как он погружается в серую глыбу. — Этого никто не заметит. — Он вдруг рассмеялся и опять сказал: — Хотел бы я, чтобы ты узнал наш язык. Так просто и понятно можно все это выразить.

Но Брила заботило другое.

— Я ценю ваше гостеприимство, — сказал он напыщенно, — но хотел бы продолжать свой путь. И как можно скорее, — прибавил он, с отвращением покосившись на серую глыбу.

— Как тебе угодно. Ты привез нам какую-то весть. Передай же ее.

— Она для вашего правительства.

— Для нашего правительства. Я уже сказал тебе: когда будешь к этому готов, Брил, говори.

— Я не верю, что вы единолично представляете всю планету!

— Я тоже в это не верю — весело отозвался Тэнайн, — потому что это не так. Но, когда ты говоришь со мной, тебя слышит еще сорок один человек, и все они сенаторы.

— Другого способа нет?

Тэнайн улыбнулся.

— Еще сорок один способ. Говори с любым из остальных. Никакой разницы нет:

— И нет более высокого правительственного органа?

Тэнайн протянул руку и достал из углубления в поросшей мхом насыпи бокал резного хрусталя с металлическим сияющим ободком по краю.

— Найти высший орган правительства Ксанаду — все равно что найти высшую точку вот здесь, — сказал он, проводя пальцем по ободку. Бокал отозвался нежным звоном.

— Не очень-то надежная система, — буркнул Брил.

Воздух снова наполнился тем же хрустальным звоном, потом Тэнайн поставил бокал на прежнее место; Брил не понял, было ли это ответом на его замечание.

— Естественно, что мальчик даже не знает слова «правительство», — сказал он презрительно.

— У нас этот термин не в ходу, — ответил Тэнайн. — Правительства в таком смысле у нас нет. Очень мало есть такого, с чем гражданин нашего общества не мог бы справиться сам. Хотел бы я показать тебе, как мало на Ксанадугу таких вещей. Если ты у нас погостишь, я тебе это покажу.

Он посмотрел Брилу прямо в глаза — тот только что снова пугливо и с отвращением покосился на серую глыбу — и откровенно рассмеялся. Но, когда он опять заговорил, в голосе его было столько доброты, что ярость, мгновенно опалившая Брилу, угасла, и в мозгу шевельнулся вопрос: «Уж не дал ли я себя провести?» Но разбираться в этом было некогда.

— Не может ли твое дело подождать, пока ты не узнаешь нас получше, Брил? Говорю тебе, у нас на планете нет единого правящего центра, в сущности, нет почти никакого правительства. Мы, сенат, просто советуем людям. И еще говорю тебе: обращаться к одному сенатору — значит обращаться ко всем сразу, ты можешь сделать это сейчас, сию минуту или через год — когда захочешь. Я говорю тебе правду, можешь ее принять, а можешь месяцы и годы странствовать по всей планете и проверять меня — воля твоя, ты всегда и везде получишь тот же ответ.

— Откуда я узнаю, насколько точно будет передано остальным все, что я тебе сообщу? — уклончиво сказал Брил.

— Это не будет передано, — прямо ответил Тэн. — Все мы слышим тебя одновременно.

— Что-то вроде радио?

Тэн, чуть помедлив, кивнул:

— Да, что-то в этом роде.

— Я не стану учить ваш язык, — резко сказал Брил. — И не могу жить, как живете вы. Если вы согласитесь на эти условия, я еще немного у вас пробуду.

— Согласимся? Да мы только этого и хотим!

Тэн весело вскочил, шагнул к углублению, где стоял хрустальный бокал, и протянул руку ладонью вверх. Сверху соскользнул широкий непрозрачный лист какого-то блестящего белого вещества и замер в воздухе.

— Нарисуй пальцем, — сказал Тэнайн.

— Что нарисовать?

— Жилище, какое тебе нужно. Как ты хочешь жить, есть, спать, все, что надо.

— Мне требуется совсем немного. Все мы на Кит Карсоне умеем обходиться малым.

Он прицелился пальцем в металлической перчатке, словно это было оружие, поставил для пробы несколько точек в углу белого экрана, затем вывел четкий, аккуратный параллелепипед.

— Если принять мой рост за единицу, мне нужна вот такая постройка, полтора в длину, один с четвертью в высоту. Узкие просветы — отдушины на уровне глаз, по одной в каждом конце, по две в боковых стенах, затянутые сеткой от насекомых...

— У нас нет вредных насекомых, — заметил Тэнайн.

— Все равно — просветы, защищенные самой прочной сеткой, какая у вас найдется. Вот здесь — крюк, чтобы вешать одежду. Здесь кровать — плоская, жесткая, с твердой подстилкой не толще моей ладони, один и одна восьмая в длину, одна треть в ширину. Под кроватью наглухо закрытый ларь, запирающийся на замок, и чтобы отпереть его мог только я. Здесь полка размером треть

на четверть, на пол-единицы над полом, чтобы, сидя возле нее, можно было есть. И еще... вот такую штуку, если она закрывается наглухо и вполне надежна (Брил с досадой ткнул пальцем в сторону приспособления, похожего на серую каменную глыбу). Вся эта постройка должна стоять обособленно от других зданий, на возвышенном месте, чтобы над ней не поднимались никакие деревья, холмы и скалы и ничто не заслоняло подходов к ней со всех четырех сторон; построить надо прочно и крепко, насколько это возможно за короткий срок; и нужен свет, который я смогу сам включать и выключать, и дверь, которую только я один смогу отпереть.

— Прекрасно, — беспечно сказал Тэнайн. — Какая температура?

— Как здесь сейчас.

— Еще что? Музыка? Картины? У нас есть, например, очень неплохие...

Брил только фыркнул презрительно и весьма красноречиво.

— Если сумеете, проведите туда воду. А все остальное... это ведь жилище, а не дворец развлечений.

— Надеюсь, тебе будет удобно в этой... в этом жилище, — сказал Тэнайн с едва уловимой насмешкой.

— Именно к такому я привык, — надменно ответил Брил.

— Что ж, идем.

— Куда?

Великан поманил его и прошел под аркой. Брил, жмурясь от розового вечернего света, вышел за ним.

На пологом склоне, на полпути между домом Тэнайна и горной вершиной позади него, простирался луг, поросший красной травой, — Брил заметил его, когда шел сюда от водопада. Сейчас посреди луга толпился народ — люди сновали, точно мошкара вокруг огня, яркие легкие

одежды сверкали, переливались несчетным множеством цветов и оттенков. А посередине торчало что-то похожее на гроб.

Брил не поверил собственным глазам, просто отказывался верить, но чем ближе они подходили, тем ясней становилась неопровержимая истина: перед ним та самая постройка, которую он только что нарисовал!

Он все замедлял и замедлял шаг, изумление его росло с каждой минутой.

Вокруг небольшой постройки хлопотало много народу и даже дети — скрепляли края стены и кровли при помощи какой-то жужжащей машинки, затягивали сеткой узкие щели — оконца. Крохотная девчурка — должно быть, она только-только научилась ходить — бесстрашно подошла к Брилу, шепеляво попросила на Древнем языке дать ей руку и приложила его ладонь к какой-то пластинке, которую она принесла с собой.

— Теперь тебе сделают ключи, — объяснил Тэнайн, когда малышка затопала прочь, к двери, где ждал ее один из строителей.

Человек этот взял у девочки пластинку и вошел внутрь, видно было, как он опустился на колени возле кровати. Тэнайна с Брилом обогнал мальчик-подросток, он нес лист того же материала, из которого сложены были стены и крыша. Лист был светло-коричневый, чуть шероховатый, с виду очень легкий, и однако чувствовалось, что он необыкновенно прочен. Когда они подошли вплотную, мальчик как раз приладил его между входом и концом кровати. Тщательно выравнивал, приставив ребром к стене, чуть пристукнул по другому ребру ладонью — и вот он, стол, который требовался Брилу: ровный, надежный, да притом без всяких ножек и подпорок!

— Кажется, тебе хотя бы на первый взгляд кое-что здесь пришлось по вкусу, — услышал Брил.

Это была Нина. Она по воздуху подвела груженный снесью поднос к новоявленному столу, весело помахала рукой и пошла прочь.

— Я сейчас приду, — крикнул ей вдогонку Тэн и прибавил три односложных певучих слова на языке Ксанаду — должно быть, что-то ласковое, решил Брил, во всяком случае, так это прозвучало.

И тотчас Тэн снова с улыбкой обернулся к нему.

— Ну, Брил, как тебе это нравится?

— Но кто же всем распоряжался? — только и нашелся спросить Брил.

— Ты, — сказал Тэн, но этот ответ ничего не объяснял.

В отворенную дверь Брил видел, что люди уже идут прочь, смеясь и переговариваясь на своем ласковом, певучем языке. Вот какой-то юнец сорвал среди розовой травы ярко-алые цветы, подал девушке, она улыбнулась ему — и отчего-то Брила взяла досада. Он резко отвернулся и пошел вдоль стен, постукивая по ним кулаком, выглядывая в узкие прорези окон. Тэнайн опустил на колени у кровати, подергал запертый ларь под нею; сильные плечи его напряглись, но ларь был неподатлив, как скала.

— Приложи сюда ладонь, — сказал он.

Брил хлопнул рукой в перчатке по указанному месту.

Створки раздвинулись. Брил наклонился и заглянул внутрь. Ларь внутри светился, в глубине видно было светло-коричневую стену, по бокам — рубчатые переборки, на которые опиралась постель. Он снова тронул нужную пластинку — створки сошлись беззвучно и так плотно, что едва можно было разглядеть, где они смыкаются.

— Так же и с дверью, — сказал Тэнайн. — Кроме тебя, никто ее не откроет. Здесь вода. Ты не сказал, куда именно ее подвести. Если так, как сейчас, неудобно...

Брил протянул руку к крану, и сразу же в чашу полилась прозрачная струя.

— Нет, все годится. Они работали, как настоящие мастера.

— Они и есть мастера, — сказал Тэнайн.

— Так, значит, им уже приходилось сооружать такие постройки?

— Нет, никогда.

Брил пронзил его взглядом. Нет, не может этот простодушный варвар умышленно его дурачить! Видно, он, Брил, не уловил смысла: за долгие годы, их разделившие, как-то изменилось значение слов, унаследованных от общих предков. Пока просто запомним это, а обдумаем после.

— Тэнайн, — внезапно спросил он, — сколько вас, жителей Ксанаду?

— В нашем округе триста. На всей планете около тринадцати тысяч.

— Нас полтора миллиарда. А какой у вас самый большой город?

— Город?.. — повторил Тэнайн раздумчиво, словно роясь в памяти. — А, да, город! У нас их нет. У нас сорок два вот таких округа, одни побольше, другие поменьше.

— Все население вашей планеты поместилось бы в одном здании какого-нибудь города у нас на Кит Карсоне. И давно вы здесь? Сколько поколений у вас сменилось?

— Пожалуй, тридцать два, а то и тридцать пять.

— Мы обосновались на Кит Карсоне около шести столетий назад по земному счету. Выходит, по времени ваша культура более древняя. Может быть, вам интересно узнать, каким образом мы сумели настолько вас опередить?

— С восторгом послушаю, — сказал Тэнайн.

— Вы тут недурно владеете кое-какими ремеслами, —

вслух размышлял Брил, — и отлично умеете работать сообща. Вы можете создать великолепный мир, если только захотите и если вами по-настоящему руководить.

— Вот как? — Тэнайн, видимо, был очень польщен.

— Мне надо подумать, — озабоченно продолжал Брил. — Вы — не то, что мне... что я думал сначала. Пожалуй, я останусь у вас немного дольше, чем предполагал. Может быть, пока я стану изучать ваш народ, вы в свою очередь больше узнаете о моем.

— Буду рад и счастлив, — сказал Тэнайн. — А сейчас тебе еще что-нибудь нужно?

— Ничего. Можете идти.

На этот властный тон великан ответил только своей обычной открытой и приветливой улыбкой, помахал рукой и вышел. Слышно было, как он глубоким, звучным баритоном окликнул жену и та радостно отозвалась. Брил прижал руку в перчатке к «замку», и дверь, бесшумно скользя, затворилась.

«С чего я так расхвастался?» — подумал Брил, и сразу понял: уж слишком поразил его народ Ксанаду. Что же это за люди, если они оказываются искусными мастерами даже такого дела, которым никогда раньше не занимались?

Он снял жесткую, тяжелую, отливающую металлом одежду, перчатки с крагами, ботфорты. Все это было соединено проводами: энергопитание в ботфортах, счетчики и управление — в брюках и поясе, воспринимающие устройства — в мундире, передатчики и локаторы — в перчатках.

Он повесил одежду на крюк и установил защитное поле. Теперь сигнал предупредит его, если к его убежищу приблизится хотя бы на тридцать метров что-то или кто-то ростом больше мыши. Он установил радиационный купол, непроницаемый для всяких лучей, лазеров и иного из-

лучающего оружия. Потом подвесил левую перчатку с проводом над столом и принялся обрабатывать уголок светло-коричневой пластины.

Через полчаса он нашел наконец сочетание температуры и давления, способное ее разрушить, — и, ошалев от неожиданности, опустился на край кровати. Из такого материала преспокойно можно строить космический корабль!

Так что же, у них были в запасе пластины именно тех размеров, какие он потребовал? Тогда на планете должны быть склады, должны быть заводы, которые выпускают такие вот доски всех размеров, на выбор. Или же здесь есть машины, способные производить этот материал, который он сейчас насилу расплавил, прямо так, с ходу.

Но тяжелой промышленности у них нет, а если есть склады, то их не сумели обнаружить роботы-разведчики, засланные с Кит Карсона и летающие по постоянным орбитам вокруг Ксанаду вот уже пятьдесят лет.

Он медленно откинулся на постель и стал размышлять.

Чтобы завладеть планетой, прежде всего надо разыскать центральное правительство. Если это самодержавная власть, построенная строго по принципу пирамиды, тем лучше: правящая верхушка малочисленна, убиваешь ее либо подчиняешь себе и используешь уже существующую организацию. Если никакого правительства нет, можно привлечь население на свою сторону либо истребить его. Если есть промышленность, ставишь своих надсмотрщиков и заставляешь туземцев работать, пока не обучишь этой технике людей со своей планеты, а потом туземцев уничтожаешь. Если они знают и умеют что-то на твоей планете неизвестное, изучаешь это искусство либо подчиняешь себе мастеров. Все точно и определено, все предусмотрено — каждая возможность, каждая мелочь.

Но если, как доносили роботы, существует высокоразвитая технология — и никакой промышленности? Прочно установившаяся на всей планете культура — и почти никаких средств сообщения?

О подобном никто не слыхивал, и, когда роботы докладывают такое, на планету посылают исследователя. Его задача — выяснить, как туземцы все это проделывают. Он должен определить, что здесь нужно сохранить, а что уничтожить, когда настанет время прислать сюда экспедиционные войска.

Всегда есть хороший, надежный выход, думал Брил, заложив руки под голову и глядя в потолок. Имеется отличная планета, ничуть не хуже Земли, богатая природными ресурсами, населенная ничтожным количеством простаков. В любую минуту их можно с легкостью истребить.

Но сначала надо выяснить, как они общаются между собой, как достигают такой слаженности в работе и каким образом мгновенно постигают все тонкости мастерства, прежде незнакомого. И как вырабатывают сложнейшие, великолепные материалы в два счета, из ничего.

Ему вдруг представилось ослепительное видение: полтора миллиарда жителей Кит Карсона обратились в таких, как здесь, великолепных мастеров на все руки, общаются друг с другом неведомыми доньше способами, возводят города и ведут войны с таким же непостижимым искусством, так же мгновенно все понимают и повинуются каждому приказу, как было при постройке этого домишки.

Нет, этот народ уничтожать не следует. Его надо использовать. Кит Карсон должен перенять их хитроумные фокусы. Ну, а если, неровен час, эти фокусы присущи только жителям Ксанаду, а карсонцы на такое не способны, как быть тогда?

Что ж, надо взять этих мастеров с планеты Ксанадугу и распределить по городам и армиям Кит Карсона. Они мигом все воспринимают, мигом повинуются; объясни одному, что от него требуется, и это усвоят все. И каждый сможет обучить группу самых толковых карсонцев. Производство, военная техника, стратегия и тактика... да, конечно же, все преобразится!

Планету Ксанадугу можно оставить почти в том виде, как она есть, просто она будет поставлять на экспорт всяких помощников и адъютантов.

Все это пустые мечты, оборвал себя Брил. Сперва надо разузнать побольше. Посмотреть, как они фабрикуют этот непробиваемый и негорючий картон и антигравитационные чайные подносы.

При мысли о подносе у него заурчало в животе. Он поднялся и подошел к столу. Горячие блюда все еще дымилась, холодные ничуть не размякли и не оттаяли. Он осторожно попробовал одно, другое. Вошел во вкус. И с жадностью набросился на еду.

Нина, ох, уж эта Нина...

Нет, их нельзя уничтожать, сонно подумал он, разве можно истребить народ, способный произвести на свет такую женщину. На всем Кит Карсоне не сыскать такой поварихи.

Он снова растянулся на постели и предавался мечтам, пока не уснул.

С ним были вполне откровенны. Ему показывали все подряд, никому и в голову не приходило спросить — а для чего ему это нужно? Спрашивать было бы странно, потому что эти люди, видно, не знали особенной гордости, свойственной искусному умельцу, будь то гончар, металлист или специалист по электронике. Они не любо-

вались восторженно делом своих рук: «Вот что я могу!» Они рассказывали подробно, но спокойно, словно о чем-то доступном всем и каждому.

На планете Ксанаду так оно и было.

Сперва Брилу показалось, что все делается стихийно, как попало. Красивые, неприлично одетые люди снуют взад и вперед без всякого видимого плана, работа, игра, праздность — все у них вперемежку. Но, играя, они проходят по саду, где выросла сорная трава, и на ходу ее выпалывают. Девочки бегают и резвятся как раз возле того места, куда их через минуту позовут сортировать какие-то семена.

Тэнайн пробовал объяснить ему, как это получается:

— Допустим, у нас чего-то не хватает — ну, скажем, стронция. Из-за этой нехватки получается что-то вроде вакуума. Те, кто сейчас свободен, ощущают это и начинают думать о стронции. Ну, тогда они идут и собирают его.

— Но я не видел рудников, — озадаченно сказал Брил. — И потом, как же с транспортировкой? Допустим, нехватка у вас тут, а рудники в другом округе?

— Так больше не бывает. Разумеется, там, где есть залежи, нехватки быть не может. А где нет своих месторождений, там мы обходимся другими средствами, используем иной материал либо добываем тот же стронций без всяких рудников.

— При помощи превращений?

— Это слишком хлопотно. Нет, мы выводим речных моллюсков, у которых панцирь состоит не из углекислого кальция, а из углекислого стронция. И когда нужен стронций, дети собирают ракушки.

Брил видел фабрику одежды — она размещалась частью под навесом, частью в пещере, частью на лесной поляне. Тут же рядом плавали в пруду и загорали на лугу

юноши и девушки. Словно бы между делом, они входили в тень и работали у огромного резервуара, в котором время от времени вскипал, окрашивался яркой зеленью и затем оседал какой-то химический состав. Черный осадок фильтрами поднимали со дна, раскладывали в формы и прессовали.

Как именно действуют прессы, с виду — просто крышки этих форм, Брил понять не мог, в Древнем языке не нашлось нужных слов, но за какие-нибудь четыре-пять секунд осадок превращался в те самые черные камни, из которых делались пояса — правильные, отполированные, и на левой половине пряжки с обратной стороны оттиснуты какие-то цифры, буквы Древнего языка — химическая формула.

— Одно из немногих наших суеверий, — заметил Тэнайн. — Это и есть формула, по которой получают наши пояса, она доступна даже очень примитивной химической промышленности. Мы хотели бы, чтобы их делали и носили во всей Вселенной. Они — это мы и есть. Надень такой пояс, Брил. И ты станешь одним из нас.

Брил смущенно и презрительно фыркнул и стал смотреть, как двое детей ловко мастерят пояса — играючи, беспечно и легко, через минуту вот так же играючи они начнут плести венки. Скрепив камни друг с другом, ребенок ударяет готовым поясом по тому, которым опоясан сам. На миг вспыхивает холодным ярким пламенем многоцветная радуга. И пояс, окаймленный теперь короткими язычками переливчатого света, бросают в корзину.

А потом Брил впервые увидел, как туземец надел такой пояс, — и это был, пожалуй, единственный случай за все время пребывания на Ксанаду, когда он не скрыл изумления. Юноша-купальщик, весь мокрый, вышел из

пруда. Подобрал на берегу пояс, защелкнул его на талии, мигом вверх и вниз хлынуло радужное вещество — и уже затрепетала у шеи многокрасочная ткань и, сверкая, колыхнется вокруг бедер.

— Вот видишь, эта одежда живет, — сказал Тэнайн. — Вернее, это не просто неживая материя.

Он подобрал кайму своей туники и проткнул ее пальцами — они прошли насквозь, а ткань, словно вспорхнув, отлетела прочь целая и невредимая.

— Это не совсем материя, — серьезно продолжал Тэнайн. — Уж извини, на Древнем языке выходит что-то вроде каламбура. Всего ближе для этого в Древнем языке слово эманация. Так или иначе, это вещество по-своему живет. Оно сохраняется... ну, скажем, год или чуть дольше. А потом стоит обмакнуть его в молочную кислоту, и оно восстановится. И один такой пояс может зарядить миллион новых... или миллиард... разве сочтешь, сколько палок может зажечь огонь?

— Но зачем носить такое?

Тэнайн рассмеялся.

— Из скромности...

Он опять засмеялся.

— Один ученый, который занимается древнейшей историей Земли, веками, когда Солнце еще не стало Сверхновой, приводил мне слова некоего Рудофски: «Скромность — не столь простая добродетель, как честность». Мы носим эту одежду, потому что она согревает нас, когда нам нужно тепло, и порой скрывает наши недостатки — большего не даст и человеческая привязанность.

— Одежда отнюдь не скромная, — чопорно сказал Брил.

— Она скромна ровно настолько, чтобы нас было приятнее видеть одетыми, чем раздетыми. Как еще можно показать людям, что ты скромнен?

Брил повернулся спиной и к Тэнайну, и к этому разговору. Он вообще не слишком хорошо понимал слова и повадки этого человека, а подобные рассуждения либо вовсе не доходили до него, либо сбивали с толку, — может быть, и то и другое сразу.

Про «картон» он все разузнал. На толстой ветви какого-то дерева подвешен был широкий чан с молочно-белой жидкостью — Тэн объяснил, что это подобие клейковины, его дает специально выведенный вид осы, и оно растворено в нуклеиновой кислоте, синтезированной из местного растения. Под чаном — широкий металлический лист и набор подвижных планок. Планки устанавливают точно по нужным размерам и очертаниям будущей пластины, открывают кран, и жидкость заполняет контур. Потом двое ребятишек прокатывают ручной валик по верхнему краю планок. Белое озерко становится светло-коричневым, застывает, и получается плоский прочный лист.

Тэнайн очень старался растолковать Брилу, что это за валик, но Древний язык заодно с невежеством Брила по части техники оказался неодолимым препятствием. Устройство валика было столь же просто, а теория его действия столь же сложна, как, скажем, у транзистора, — пришлось с этим примириться; и так же непонятно осталось, как отличают живое от неживого «канализационные» устройства, похожие на огромные булыжники, и в чем секрет антигравитационных подносов (оказалось, подносы эти надо направлять только к столу, пустые же они возвращаются на кухню сами).

Однако разобраться, в чем секрет жителей Ксанаду, отчего они такие искусные мастера на все руки, Брилу никак не удавалось. Он уже готов был счесть пустой, невозможной выдумкой то, что померещилось сначала: будто здесь любое умение, доступное одному, тотчас

передается всем. Тэнайн пытался объяснить, как это происходит; по крайней мере он отвечал на все вопросы.

Каждый из этих веселых и праздных непосед мог в любую минуту взяться за любое дело, начатое другим, и продолжать его сколько угодно. Кто-нибудь возьмет флейту, начнет наигрывать — и сразу подходят другие, кто с инструментом, а кто и без, и подхватывают мелодию, вот их уже пятьдесят, шестьдесят, и эту музыку потом вспоминаешь как страсть, как бурю, как изнеможение и сон после часа любви.

А порой кто-нибудь из толпы выступит вперед, возьмет инструмент из рук уставшего музыканта и принимается играть вместе с остальными — ясно и красиво, да, впрочем, уверяет Тэн, и все эти пятьдесят или шестьдесят человек навряд ли когда-либо раньше исполняли эту мелодию.

По словам Тэна получалось, что тут все сводится к ощущению.

— Просто возникает ощущение. Взять хотя бы скрипку; допустим, я ее слышал, но никогда не держал в руках. Я смотрю, как кто-нибудь играет, и понимаю, как возникают звуки. Потом беру скрипку, делаю все, как делал тот человек, думаю — нужно, чтобы раздался вот такой звук, а потом такой, и понимаю не только как он должен прозвучать, но как я это почувствую — пальцами, всей рукой, в которой держу смычок, подбородком, ключицей. Из этих моих ощущений и складывается чувство, какое должно быть, чтобы сыграть эту мелодию.

— Конечно, тут есть какие-то пределы, — прибавил Тэнайн. — У одних получается лучше, у других немного хуже. Если у меня кончики пальцев слабые, я не смогу играть так долго, как другой. Если у ребенка рука еще мала для инструмента, он поневоле иной раз не возьмет

октаву или пропустит ноту. Но когда мы думаем определенным образом, всегда возникает ощущение.

— И так во всем, — сказал он под конец. — Когда мне нужно что-то в доме — прибор, машина, — я не возьму для нее железо, если больше подходит медь: я сразу почувствую, что железо не годится. Не на ощупь почувствую, просто буду думать об этом приборе, какие у него части, для чего он служит. Переберу в мыслях все материалы, из которых его можно сделать, и сразу почувствую: вот что мне нужно!

— Так, — сказал Брил. — И еще у вас каждый округ старается найти все материалы и сырье у себя, а не посылать за ними к соседям... вот поэтому у вас и нет торговли. И, однако, вы говорили, у вас все стандартизовано... по крайней мере повсюду одни и те же приборы и устройства, и вообще вы действуете одинаково.

— Да, правильно, — согласился Тэн. — У нас есть все, что нам нужно, и мы все это делаем сами.

Вечерами Брил сидел в доме Тэнайна, слушал, как бурлят и вновь стихают разговоры или вдруг нахлынет музыка, и удивлялся; потом отводил поднос с едой в свою конуру, запирал дверь, ел и угрюмо размышлял. Порою он чувствовал себя под огнем неведомого оружия, на незнакомом поле битвы.

Ему вспоминалось, как мельком сказал однажды Тэнайн о людях и их инструментах: «Между человеком и машинами спокон веку идет борьба. Либо человек подчиняет себе машины, либо они его подчиняют; трудно сказать, что более пагубно. Но культура, в которой главенствуют люди, неизбежно разрушит ту, где на первом месте машины, либо сама будет разрушена. Так всегда бывало. У нас, на Ксанату, уже погибла одна культура. Ты никогда не задумывался, Брил, отчего нас так мало? И отчего почти у всех рыжие волосы?»

Брил об этом уже задумывался и втайне осуждал маленькую общину, которая так бесстыдно пренебрегает уединением: конечно, живя чересчур открыто, какое человеческое племя не проникнется достаточным интересом к самому себе, чтобы щедро плодиться и размножаться!

— Когда-то нас были миллиарды, — к немалому его изумлению, сказал Тэнайн. — И всех стерло в порошок. Знаешь, сколько осталось в живых? ТРОЕ!

Черна была для Брила та ночь, когда он понял, до чего жалки все его старания раскрыть их секрет. Ибо, если на планете уцелели всего лишь несколько человек и совершилась какая-то мутация, а затем их потомки вновь заселили планету, новые качества передаются из поколения в поколение. С таким же успехом можно дознаваться, отчего у них рыжие волосы! В ту ночь он пришел к заключению, что народом Ксанаду придется пожертвовать; и от этой мысли ему вдруг стало больно, а потом он разозлился на себя. И в ту же ночь с ним стряслась смешная и нелепая беда.

Он лежал на кровати и скрипел зубами в бессильной ярости. Было уже за полночь, он давным-давно проснулся и вот сидит, как в ловушке, попавшись по собственной глупости... и он смешон, смешон! Потерять величайшее свое достояние — свое достоинство — по небрежности, по недосмотру, из-за этой мерзкой, подлой штуковины!..

Зашипел сигнал тревоги, и он вскочил: хоть стены крепки и непроницаемы для глаза, хоть дверь никто, кроме него самого, не откроет, но стыд нестерпим!

Это идет Тэнайн, вместе с ветром и птичьими песнями доносится, точно звук рога, дружеский оклик:

— Брил! Ты здесь?

Брил подпустил его ближе и сквозь отдушину рывнул:

— Я не выйду!

Тэнайн стал как вкопанный. Брил и сам удивился, так резко и сдавленно прозвучал его голос:

— Но тебя зовет Нина. Она сегодня собирается ткать и подумала, может, тебе интересно...

— Нет! — оборвал его Брил. — Сегодня я улетаю. Сегодня вечером. Я уже вызвал свой шар. Он будет здесь через два часа. Когда стемнеет, я улечу.

— Ну что ты, Брил! Я уже все устроил, завтра покажу тебе, как мы обрабатываем металлы...

— Нет!

— Тебя чем-нибудь обидели, Брил? Может, это я виноват?

— Нет, — Брил больше не кричал, но голос его по-прежнему звучал угрюмо.

— Так что же случилось?

Брил не ответил.

Тэнайн подошел ближе. Теперь он не видел в отдушине глаз Брила: тот скорчился у стены, весь в поту.

— Что-то случилось. Что-то плохое, — сказал Тэнайн. — Я... я это чувствую. Ты ведь знаешь, друг Брил, добрый мой друг, я всегда все чувствую.

Брил окаменел от ужаса. Вдруг Тэнайн знает? Вдруг он способен почуять?

Да, наверно! Брил мысленно проклял этот народ и все его хитроумные выдумки, проклял эту планету и ее солнце и злую судьбу, которая занесла его сюда.

— Во всем нашем мире, за всю мою жизнь я не встречал ничего такого, о чем ты не мог бы мне сказать, — уговаривал Тэнайн. — Ты же знаешь, я все пойму. — Он подошел ближе. — Может, ты болен? Мне знакомо все искусство, каким владели врачи со времен Троих. Впусти меня.

— Нет!!! — это было уже не слово, а взрыв.

Тэнайн отступил на шаг.

— Прости, Брил. Больше я об этом не заговорю. Но скажи, что случилось. Прошу тебя. Уж наверно, я сумею тебе помочь!

«Ладно же! — вне себя, чуть не плача, подумал Брил. — Смейся, сколько влезет, рыжий дьявол! Мы нашлем на вашу планету Черную Чуму, и тогда плевать мне на твой смех!» И сказал вслух:

— Я не могу выйти. Я загубил свою одежду.

— Да что же ты огорчаешься? Брось ее сюда, что бы там ни было, мы ее исправим и починим.

— Нет!

Брил отлично понимал, что будет, если эти гениальные мастера на все руки завладеют самым портативным и самым смертоносным оружием, какое существует по эту сторону системы Самнера.

— Тогда надень мою, — Тэн взялся за пряжки своего пояса из черных камней.

— Хоть убей, не стану выставляться напоказ в такой одежонке. Я еще не вовсе потерял стыд!

С таким жаром, какого Брил в нем прежде ни разу не замечал (и все-таки очень сдержанно), Тэнайн возразил:

— Когда на тебе платье в обтяжку, ты куда больше бросаешься в глаза!

Брилу это и в голову не приходило. С тоскливой завистью он посмотрел на невесомую радугу, струящуюся от полированного пояса, потом — на свою плотную сбрую, сваленную черной грудой у стены, под крюком. С той минуты, как стряслась беда, он и помыслить не мог снова все это надеть, и с младенчества, со времен, когда он научился ходить, еще ни разу он так долго не оставался нагишом.

— А что случилось с твоей одеждой? — сочувственно спросил Тэн.

«Только засмейся! — подумал Брил. — Я убью тебя, и ты даже не увидишь, как сгинет твой народ».

— Я сел на это... как на стул, ведь здесь больше нигде сесть. Наверно, задел выключатель. Даже ничего не почувствовал, пока не встал. И теперь мои... сзади... — он запнулся, потом яростно выпалил: — Почему с вами ничего такого не случается?

— Разве я не объяснял тебе? — Кажется, Тэн отнесся к происшествию очень легко. Может, и вправду это для него пустяки. — Это устройство поглощает только неживую материю.

Напряженное молчание.

— Оставь свою так называемую одежду у порога, — проворчал наконец Брил. — Пожалуй, я попробую ее надеть.

Тэнэйн бросил пояс у двери и пошел прочь, тихонько напевая. Голос у него был такой могучий, что даже тихая песенка слышалась еще целую вечность.

Но вот Брил остался наедине с ветром и птичьим щебетом. Подошел к двери, отступил, печально подобрал с полу брюки с огромной дырой сзади, свернул и сунул с глаз долой под остальные вещи на крюке. Опять поглядел на дверь и даже всхлипнул тихонько. Наконец приложил куда надо перчатку — и дверь, строители которой не предусмотрели, что когда-нибудь понадобится ее только чуть-чуть приотворить, послушно скользнула в сторону, открывая проем во всю ширь. Брил даже пискнул, дотянулся до пояса, рванул его к себе, отпрянул внутрь и хлопнул по двери, чтоб закрылась.

— Никто не видал, — со всей силой убеждения сказал он себе.

И надел пояс. Две половины пряжки сошлись, как руки в привычном пожатье.

Прежде всего он ощутил тепло. Тела коснулся один только пояс — и, однако, его всего обволокло теплом, ласковым, надежным, точно птица села на яйца. Еще миг — и он ахнул.

Неужели может ум так переполниться и не ощутить гнета? Неужели столько понимания может хлынуть в мозг и не разорвать его?

Он понял, как валик превращает молочную жидкость в твердые пластины; конечно же, тут есть единственный способ, и он чувствует — правильно только так, а не иначе.

Он понял, как ионы в прессах формуют камни для поясов, понял «живую» ткань, которая стала ему одеянием. Понял, как удалось рисовать пальцем на белом экране и как образовался вакуум, когда ему потребовался этот дом, построенный именно так, а не как-либо по-другому, и как жители Ксанаду поспешили заполнить пустоту.

Он с легкостью вспомнил рассказ Тэнайна: как ощущаешь, что это такое — играть на скрипке, созидать, строить, формовать, быть со всеми заодно и сообща, и что это за чувство — когда ты словно бы в веселом кругу и вместе с тем делаешь дело, бродишь беспечно и праздно — и тут же сменяешь кого-то у чана или верстака, в поле на борозде или у рыбачьей сети, едва он оставит работу.

Окруженный тихим радужным пламенем, Брил стоял в конуре, похожей на гроб, смотрел на свои руки и твердо знал: стоит ему захотеть, и руки эти построят модель любого города на Кит Карсоне или изваяют самую душу Наивысшей Власти.

Он твердо знал: он постиг все, что знают и умеют искусники планеты Ксанаду, и может делать все то же, что они, надо только сосредоточиться и думать над зада-

чей, пока не почувствуешь — какое же ощущение должно быть правильное именно для тебя. Нимало не удивляясь, он понял, что все эти возможности и таланты сильнее самой смерти; ибо, если человек что-то может и умеет, его искусство разделяют все и каждый и, когда он умирает, его искусство продолжает жить в других.

НАДО ТОЛЬКО СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ — вот в чем секрет, краеугольный камень, вот ключ ко всей их хитрой механике. Тут ни при чем мутации и нет ничего «сверхчувственного» (что бы ни означали эти слова), это просто механизм, как и всякий другой. Ты владеешь мастерством, чувствуешь его; передо мною стоит задача. Когда я сосредоточусь на своей задаче, возникает потребность в твоём искусстве; через живое пламя, в которое ты облачен, ты передаешь его мне; через пламя, одевающее меня, я принимаю твою мысль. Потом я действую; что своего я внесу в исполнение — это зависит от моих способностей. Если я прибавлю что-то к твоему искусству, мое станет еще полней и совершенней; значит, мое **ОЩУЩЕНИЕ** лучше — и в следующий раз, когда понадобится, уже я буду передавать его другим.

Брил понял также, какая власть заключена в этом новом способе общения, и вдруг подумал: теперь его родную планету можно сплавить в такое единое целое, какого еще не бывало во Вселенной. На Ксанаду этого не произошло, здешний народ развивался как придется, его не прокалили заранее в горниле суровой дисциплины и не ковали молотом власти.

Но на Кит Карсоне! Весь народ Карсона приобщится ко всем искусствам и талантам, а над ним будут стоять и править им Наивысшая Власть и Государство, создавая вакуум потребностей и мгновенно его заполняя. Да,

так и должно быть (каким-то краешком сознания Брил вдруг удивился — а почему Государству не поделиться этим новым всеобъемлющим пониманием со всем народом?), ведь вместе с новыми знаниями приходит еще небывалая торжественная преданность отечеству, его установлениям и святыням.

Брил с трепетом расстегнул пояс и повернул левую половину пряжки тыльной стороной. Да, вот она, химическая формула. Теперь он знает, как осаждать состав, как прессовать камни, он воспламенит новые живые пояса — миллионы, говорил Тэнайн, миллиарды.

Тэнайн говорил... но почему он не сказал, что в этих одеяниях и таится источник всех чудес планеты Ксанаду?

Так ведь он, Брил, об этом и не спрашивал!

И ведь Тэнайн умолял — надень такую тунику и станешь одним из нас. Несчастный дурень всерьез вообразил, что таким способом можно поколебать Брила в его верности родному Карсону! Что ж, ладно, Тэнайну и его народу тоже можно кое-что предложить, и это будет выгодно обеим сторонам; очень скоро, если пожелают, жители Ксанаду смогут присоединиться к блистательному воинству нового Кит Карсона.

В недрах черного мундира, висящего на стене, что-то прозвенело. Брил засмеялся и собрал свою старую сбрую, все пожары, взрывы и оцепенение, что дремали, скрытые, в мощном потаенном оружии. Хлопнул ладонью по двери, выскочил за порог, где уже дожидался шар, забросил в люк свою старую одежду, и она съежилась на полу — жалкий опустевший кокон. Брил прыгнул следом — радостный, сияющий, — и тотчас шар взлетел в небо.

Не прошло и недели, как Брил возвратился в систему Самнера, а на Кит Карсоне уже появились и были испытаны копии чудесных поясов.

Не прошло и месяца, а уже двести тысяч карсонцев облачились в радужные одеяния, и восемьдесят фабрик работали круглые сутки, выпуская все новые пояса.

Не прошло и года, а по всей планете миллионы и миллионы людей радостно и согласно, как никогда прежде, выполняли каждое пожелание своего Вождя, повинаясь, словно несчетные пальцы одной исполинской руки.

А потом с пугающим единодушием, в один и тот же миг все радужные одежды замерцали и погасли, ибо настал час, о котором уже знал Брил: пора было окунуть их в молочную кислоту. Так и сделали в торопливом испуге, не колеблясь и не тратя времени на испытания: кто раз отведал этой лучезарной зависимости, уже не мог без нее обойтись. Неделю все шло хорошо...

А потом, как и задумали хитроумные мастера с планеты Ксанаду, включились все остальные звенья черных поясов, многократно усилив действие первых двух.

Полтора миллиарда людей, которым год назад подарены были практические навыки живописи, музыки и зодчества и понимание теории технических наук, внезапно получили новые познания: им открылись философия, логика и любовь, они поняли, что такое сочувствие, проникновение, терпимость, что значит, когда род человеческий объединяется не повиновением, но сознанием братства; когда ощущаешь, что ты — в содружестве и согласии со всей жизнью во Вселенной.

Когда в людях, наделенных столькими талантами, пробуждаются подобные чувства, они уже не могут быть рабами. Едва их озарило светом, каждый сосредоточился на одном — быть свободным! — и почувствовал, что это значит. Каждый постиг свободу, стал ее масте-

ром, знание и мастерство тотчас передавалось от одного к другому — и в краткий миг среди полутора миллиардов людей не осталось ни одного, кто не был бы превыше всех иных умений одарен талантом свободы.

Так перестала существовать культура Кит Карсона, вместо нее возникло нечто новое и стало распространяться на планеты соседних солнечных систем.

И поскольку Брил знал, что такое сенатор, и хотел стать сенатором, он стал сенатором.

Тэнайн и Нина сидели обнявшись и тихонько напевали, как вдруг бокал, который стоял в мшистом углублении, мягко зазвенел.

— Еще один явился! — сказал Уонайн (он сидел у ног родителей). — Любопытно, что проймет этого? Из-за чего он выпросит, возьмет займы или украдет у нас пояс?

— Не все ли равно, — с наслаждением потягиваясь, ответил Тэнайн. — Пусть получит пояс, это главное. А который же это, Уонайн? Шумливая машинка с обратной стороны Малой Луны?

— Нет, — ответил сын, — тот еще сидит на месте и верещит и воображает, будто мы его не замечаем. А это опускается силовое поле, которое два года висело над округом Быстрого крыла.

Тэнайн засмеялся.

— Это будет наша победа номер восемнадцать.

— Девятнадцать, — задумчиво поправила Нина. — Я точно помню, ведь восемнадцатый только что улетел, а семнадцатый был тот забавный маленький Брил из системы Самнера. Знаешь, Тэн, тот человечек даже на минуту меня полюбил.

Но это был сущий пустяк, и о нем тут же забыли.

МИКЕЛЕ
ЛАЛЛИ

ЗВЕЗДОЛЕТ
НА ГАЛАХОР

«...Когда люди достигли границ солнечной системы и начали готовиться к дальнему прыжку в Галактику, они встретили на первый взгляд непобедимого противника — время. Даже если достигнуть скорости, превосходящей световую, все равно человеческой жизни не хватит, чтобы преодолеть бездну в тысячи и миллионы световых лет, которые отделяют одну звезду от другой, одну систему от другой. Сегодня всем известно, какое было найдено решение — торможение жизненных процессов. Заключенные в отсеки огромных звездолетов, которыми управляли роботы, и погруженные в состояние анабиоза, мужчины и женщины Солнечной системы устремились в направлении Альфы Центавра. Потом к Сириусу, а потом — еще дальше, к самому центру, а затем к окраинам Галактики. Однако по мере того, как шло завоевание космоса, назревала новая серьезнейшая проблема, и постепенно она превратилась в одну из самых неотложных. Стало ясно, что битва с временем выиграна далеко не полностью. Объем знаний, которыми были должны овладеть космонавты, настолько возрос, что в соответствии с современными требованиями подготовку пролагателей новых путей в Галактике следовало начинать с самого раннего детства. Наука потребовала от мужчин и женщин космоса новой, быть может, самой большой

жертвы. «Отдайте нам ваших детей,— сказали им.— Мы вырастим их на самом переднем крае и подготовим для следующего броска. Когда вы к ним прилетите, они уже будут готовы идти дальше. И они это сделают, выиграв десятилетия». И вот первые пассажирские корабли отправились в путь...»

(Из «Учебника галактической истории», гл. II, стр. 175, издание Таксиурского университета, 4961 год.)

Мальчик медленно шел по опушке леса. Он был светловолосый, с тонкими ручками и ножками. Глаза у него были необычные — лилового цвета. Следовавший за ним по пятам робот, как бы подводя итог своим размышлениям вслух, изрек:

— Ему нужно побольше двигаться, иначе он у меня заболит рахитом. С завтрашнего дня добавим баскетбол. Полчасика в день ему не повредит.

Мальчик протянул руку к одному из деревьев, ветки которого, отягощенные плодами, свешивались до самой земли, и сорвал сладкий рожок. Только он собрался поднести его ко рту, как одна из нижних ветвей дерева принялась яростно хлестать его по щекам и затылку странными листьями, напоминающими по форме перья.

— Ай! — захныкал мальчик. — Туксо! Разве ты не видишь, что оно меня бьет?

— И совершенно правильно делает, — сказал робот.

Удары стали слабее. Ветви выпрямились, и по всему стволу сверху вниз пробежала какая-то странная дрожь, словно дерево возмущалось и протестовало.

— Как это — правильно делает? — спросил мальчик. — Да ты сам-то за кого? Ты ведь мой и должен защищать меня! Почему ты вечно за них заступаешься?

— Потому что они правы,— сказал робот.— Разве ты не видишь, что плод еще не созрел? Зачем ты его сорвал?

— Потому что я голоден!

— Да ведь у меня с собой целая сумка еды. Ешь, сколько хочется. Зачем ты их сердишь?

— Не хочу я ничего из твоей сумки. Я люблю сладкие рожки, понимаешь?

— Если так, то получай затрешины. Согласен?

— И это называется друг! — сказал мальчик.

— Ты еще совсем молодой...— ответил робот.— Тебе всего десять лет. А я чего только не посмотрелся за свою жизнь...

— Опять заладил одно и то же,— усмехнулся мальчик.— Ну, так сколько тебе лет?

— Две тысячи,— сказал робот.

— Старый шутник! Так я тебе и поверил!

Рука робота опустилась на затылок мальчика. Это была металлическая рука, но механизм, подающий команду рукам робота, был настолько совершенным, что они могли взять яйцо, не раздавив его, погладить шкурку, не повредив меха, оборвать лепестки ромашки, измерить силу циклона или нежного дуновения утреннего ветерка. Поэтому подзатыльник получился именно таким, какой был нужен: не слишком сильным, но в достаточной степени ощутимым. Мальчик опять захныкал:

— Теперь ты меня колотишь! Ты жулик! Нарушаешь первый закон роботехники... Ты что, забыл — никогда не бить человека?

— Конечно, помню. Никогда не бить человека... Но разве ты поступаешь, как человек? Если ты не перестанешь так себя вести, будешь получать подзатыльники с утра до вечера. Я твой воспитатель, не забывай этого.

Ребенок сразу успокоился.

— Но я на самом деле проголодался,— сказал он.— Что там у тебя есть?

— Все, что душе угодно,— ответил робот отеческим тоном.— Скорей заказывай!

— Хочу сладкий рожок!

— Изволь!

Плод, появившийся в руке у робота, был зрелый, аппетитный, сквозь его странную кожу цвета слоновой кости проглядывала нежная и сочная мякоть.

— Зачем их делают белыми?..— сказал мальчик с разочарованным видом.— Такие мне не нравятся. Вот если бы они были красные, тогда другое дело...

Туксо не улыбнулся просто потому, что не мог этого сделать. Его физиономия и все туловище были из чистейшего цианадия, отполированного до блеска, не ржавеющего и не боящегося никаких вредных воздействий: робот был сработан не на века, а на тысячелетия. Но все же на лице у него промелькнуло нечто похожее на улыбку.

— Молодец,— сказал он,— начинаешь соображать. Тебя интересует биология? Быть может, ты сумеешь убедить...

— В чем?

— В том, что их надо делать красными...

— Что делать?

— Сладкие рожки... Знаешь, они вовсе не безмозглые упрямцы.

— Да о ком ты говоришь?

— О деревьях... Я говорю о деревьях... Видишь ли, ты человек. А вам, людям, часто не хватает терпения, не то что нам, роботам, нам, машинам.

— Какая же ты машина! Ты не машина... Ты — Туксо, мой воспитатель.

— Очень любезно с твоей стороны. Но, когда ты немножко подрастешь, когда начнешь изучать роботехнику, тебе это будет понятнее... Ну ладно, оставим... Этот разговор к делу не относится... Тебе нравится биология или нет? Хочешь потрудиться для того, чтобы эти сладкие рожки стали красными?

— Да нет, зачем мне это? Я хочу в космос, — ответил мальчик. — Открою новую планету...

— Согласен... И мы все туда полетим и освоим ее, а потом — на другую планету...

— Вот хорошо, — сказал мальчик. — А тебе разве это не нравится?

— Повторяю тебе, я машина, а не человек. Мне не может что-то нравиться или не нравиться. Но так как я воспитатель, в меня засунули эти проклятые схемы поиска аналогий, и поэтому я задаю вопросы. Вот я тебе и задам один вопрос: для чего ты хочешь открыть новую планету и освоить ее, а потом — еще одну планету и так без конца... Короче говоря, почему тебе этого хочется?

— Да потому что я человек! — с негодованием воскликнул мальчик. — Я хочу идти вперед, исследовать еще миллионы галактик, которые нас ждут...

— Понимаю, — сказал Туксо. — Ничего не поделаешь. Таковы уж вы от природы. Как это называется? Жажда знания, вот-вот... Ну ладно, пора возвращаться, — добавил он решительным тоном.

— Так рано? — запротестовал огорченный мальчик. — Это несправедливо! Я буду жаловаться совету!

— Никому ты не будешь жаловаться... — сказал Туксо. — Сегодня нам нужно вернуться домой раньше, на то есть особая причина. Мне приказывают, и я должен выполнять приказы...

— Скажи, в чем дело? — попросил мальчик.

— По правде говоря, мне нельзя...

— Если нельзя, то не надо было и начинать... Ты же машина, помнишь, ты сам сказал?

— У тебя хорошая память...

— Извини, я не хотел...

— Оставим это... Завтра — первый день мая...

— Что-о-о?

— Подожди минутку... Первый день того месяца, который на старой Земле называли маем. И здесь, у нас, состоится торжественное празднование, с флагами и музыкой... Все соберутся на стадионе... И произойдет что-то удивительное, особенно радостное для вас, детей.

— Что же произойдет?

— Прилетят мамы! — торжественно произнес Туксо.

Ребенок недвижно замер, словно остолбенев.

— Это неправда! — вдруг закричал он. И разразился отчаянным плачем. — Неправда! Никаких мам вообще не существует! Это только такая сказка...

— Дурачок! — И Туксо легким, осторожным движением притянул ребенка к себе. Так как он знал, что людям плачется лучше, когда они могут во что-нибудь уткнуться лицом, пусть это будет даже огромное металлическое туловище. — Дурачок, кто это тебе сказал?

— Я еще ни разу не видел чьей-нибудь мамы, — проговорил мальчик, содрогаюсь от рыданий. — Их не существует. Но мне всегда так хотелось их увидеть...

— Они прилетят! — все таким же торжественным тоном повторил Туксо. — Прилетят! Завтра, Первого мая. Хотя я и робот, для меня Первое мая всегда было большим праздником. Это у меня заложено в схеме, понимаешь? Я слышу, как внутри меня словно играет чуть слышная музыка. И я все делаю как бы на фоне этой музыки. Но каждый год наступает день, когда музыка вырывается из меня наружу, она взрывается, как сверхновая, как растущая звезда...

— А ты всегда жил здесь? — спросил мальчик.

— Я? Где я только не работал... Участвовал в первом звездном полете к Альфе, побывал и в раю и в аду... Кого оставили на раскаленных равнинах Меркурия, чтобы вести наблюдения и передавать оттуда сообщения? Кто почти целый год пробыл на Черных Лунах Сириуса? Мне потом пришлось даже менять каркас, потому что старый разъели кислоты. Но я выдержал. Мозг и все остальное в полном порядке, даже ни один транзистор не вышел из строя. Я шел впереди людей, всегда был в авангарде. И люди всегда меня любили. Нет, что я говорю? Машины нельзя любить. Их уважают. Вот-вот: люди всегда меня уважали. Меня ценили за то, что я стою.

— Почему же тогда ты оставил свою работу?

— Потому что вот уже год, как ты у меня... у меня вас много... Но не думай, что я работаю воспитателем всего один год или каких-нибудь десятков лет.

— Так, выходит, ты не только мой? — спросил мальчик с ноткой ревности в голосе.

— Что значит «мой»? Сегодня я твой, а завтра, когда прилетит пассажирский корабль, я уже буду тебе не нужен. У тебя будут папа и мама.

— Будто бы, — ответил мальчик.

— Пора возвращаться, — сказал робот. — Завтра я покину планету и полечу дальше. Не знаю зачем, но таков приказ. Там, за Великим Поясом, живут другие мальчики. И их надо научить множеству вещей, которым я научил тебя и всех вас. А потом и туда тоже прилетят звездолеты. Корабли с папами и мамами. А потом я отправлюсь еще дальше.

— Ты просто бессовестный, — сказал мальчик. — Я же еще маленький. Мне всего десять лет. А ты хочешь удрать и бросить меня... Что я буду без тебя делать? Я не смогу без тебя жить.

— Нет,— ответил Туксо.— Тебе это только кажется. Завтра ты захочешь увидеть пассажирский корабль. А потом тебе даже не придет в голову мысль о смерти. Жизнь покажется тебе слишком прекрасной. Перед тобой все планеты, ты должен добраться до Великого Пояса. Кое-кто уже попал туда... И даже детей послали. А ты говоришь — не смогу жить! Выходит, кто же из нас бессовестный? Но нам пора идти. Даю тебе еще несколько минут... А сейчас отойди в сторонку, мне нужно поговорить с моим другом деревом,— сказал Туксо.— Возвращайся через четверть часа. Хотя меня уже не будет...

— Я тебя больше не увижу? — спросил огорченно мальчик.

— Да нет, еще увидишь. На стадионе. И даже услышишь... Но скоро дерево протянет тебе свою ветвь. Ухватись за нее, и ты услышишь самую прекрасную сказку в своей жизни. Прощай, маленький человек! — и Туксо указал ему своей ловкой металлической рукой на соседний лес.

— Я боюсь ксирангуа,— сказал мальчик.— Они меня съедят.

— Никто тебя не тронет. Лес охраняет тебя. Он твой друг. Или ты мне не веришь?

— Иду.

— Хорошо. Прощай, Гарсо.

Через двадцать минут ребенок вернулся. Туксо уже не было. На ярко-голубой траве остались вмятины от его следов. Дерево склонило одну из своих ветвей к самой земле, словно приглашая мальчика сесть. Мальчик растянулся на траве, зажал в руке странные перистые листья и вдруг... услышал голос.

— Я говорю по поручению Туксо,— сказала дерево.—

Завтра прилетят мамы. Это правда. Прилетит и твоя мать.

Мальчик хотел встать, но дерево проговорило:

— Лежи спокойно.

Странное чувство овладело мальчиком.

— Не шевелись. Это не сказка. Вы все пришли с Земли. Ты об этом знал? Нет. Ты думал, что родился здесь, но на самом деле тебя привезли оттуда, с Земли. Ты уже появился на свет, когда началось Великое Путешествие. Твой рост задержали. Ты не рос, пока преодолевал бездны времени и пространства, отделявшие тебя от Галахора. А эта планета тебе, видно, нравится, если ты воруешь еще неспелые плоды.

— Я больше не буду,— жалобно сказал мальчик.— Никогда не буду. Только рассказывай дальше.

— Ты как цветок. Родился на одной планете — Земле, а расцвел на другой, здесь, на Галахоре. Не правда ли, это прекрасно?

— Но зачем это сделали?

— Ты спрашиваешь — зачем? Да, конечно, ведь ты человек. Вы только и делаете, что задаете вопросы. Ты узнаешь зачем, когда будешь учиться. А пока ты еще слишком мал. Вырастешь, и здесь, с тобой, будут отец и мать.

— Папа и мама,— как зачарованный повторил мальчик.

— Вот именно. Туксо тоже говорит, что вы их так называете. Так вот: завтра, в час Двух Лун, на стадионе приземлится пассажирский корабль. А теперь уходи, ты мнешь траву... Впрочем, подожди... Туксо сказал, что он там будет. И просил, чтобы ты внимательно слушал его. Я тоже там буду,— закончило дерево.

Мальчик уже вскочил на ноги и хотел было пуститься бегом домой, когда услышал тихий, как шепот, шорох

ветвей. Раньше он не обратил бы на него внимания, но сейчас этот шорох остановил его:

— Одну минутку, подожди, дружок,— говорило дерево.— У тебя еще есть время. Ты, я вижу, начал понимать, как обстоит дело? Здесь всем хватит места. Галахор велик...

— В тысячу раз больше Земли,— машинально проговорил ребенок.

— ...и поэтому здесь найдется место для всех. Если тебе нужен спелый сладкий рожок, попроси. Даже если захочешь обязательно красного цвета, мы тебе вырастим. Но только не пытайся применять насилие. Пусть ты — человек, но я — рожковое дерево. Запомни это.

— Хорошо,— сказал мальчик.— Извините меня.

— Молодец. Не надо никаких извинений. И с сегодняшнего дня, дружок, не бойся леса. Он твой. Мы друзья.

— Я еще маленький,— сказал мальчик,— и должен многому научиться. Но сейчас мне надо идти. Я все думаю о пассажирском корабле.

— Увидимся на стадионе,— сказала дерево.

Пройдя немного, Гарсо увидел большую стеклянную арку, возвышавшуюся у входа в город. Было уже темно. В ту ночь ему снились замечательные сны. Но то, что ждало его утром, показалось ему еще прекраснее, чем все сновидения. Он умылся, когда услышал хорошо знакомый голос Туксо:

— Привет, человек! — сказал робот. Судя по голосу, он тоже был радостно взволнован.— Они прибывают.

— Где они?

— Миновали Диатемею. Уже входят в нашу систему. Скоро они будут здесь и теперь никуда от нас не денутся! Понимаешь? Они наши!

— Они приземлятся после обеда?

— Ай-ай-ай, Гарсо! Ты должен был бы знать, сколько

времени требуется, чтобы войти в пределы нашей системы! Увидимся на стадионе...

— Но где?

— Ты будешь на трибунах...

— А ты?

— А я буду возглавлять шествие... Пожалуй, я от радости взорвусь, как бомба!

— Прощай, Туксо... Я люблю тебя.

— Прощай, Гарсо... Знаешь, ведь я всего лишь машина... Но я тоже... одним словом, ты хороший человек. Я уважаю тебя, вот что мне хотелось сказать. Из тебя вышел бы мощнейший робот.

— Спасибо,— сказал мальчик.

Пассажирский корабль приземлился ровно в три. Все называли его просто «пассажиром», но Гарсо подумал, что это самый большой звездолет, который он когда-нибудь в жизни видел. Даже боевые корабли по ту сторону Пояса не выдерживали с ним никакого сравнения. Его обшивка была совершенно гладкой. Не было видно ни герметически задраенного люка, ни гиперкосмических иллюминаторов, ничего. Поверхность отшлифованная, как у драгоценного камня, вся сверкающая, словно хранит память о преодоленных за двадцать веков космических пучинах. «Он с Земли,— думал Гарсо.— С планеты, где я родился». Внутри этой металлической акулы пятьсот мужчин и пятьсот женщин были погружены в сон, все их физиологические функции, деятельность внутренних органов, мозга были словно заторможены. Через минуту после посадки корабля они должны будут возвратиться к жизни.

И вот она наступила, эта минута. Президент Галахора почтенный Уотсон взошел на трибуну. Его голос ясно и отчетливо разнесся по стадиону:

— Земляне, растения, все живые существа Галахора! Мы прибыли сюда как первооткрыватели много лет назад. Не мы, а механизмы, точнее, верные друзья рода человеческого — роботы. А год назад прилетели мы, первые люди. Нам здесь также пришлось выдержать борьбу, потому что мы не сразу достигли взаимопонимания. Во всяком случае, так было поначалу. Но потом все уладилось. Во Вселенной поистине хватит места для всех. Мы готовимся к новому прыжку за пределы Великого Пояса. Нас ждут другие галактики, другие миры. Но этот прыжок нужно как следует подготовить, нам так же необходимы прочные тылы, как и передовые посты. Нам надо было торопиться, и мы привезли сюда детей раньше, чем родителей. Мы должны были это сделать, если хотели выиграть битву с временем. Сегодня на планете, которую мы зовем Земля, Первое мая... Это большой праздник... Но мне нечего больше добавить. За меня все скажет Туксо, робот первой серии, галактический исследователь, воспитатель наших детей, который скоро должен улететь за пределы Пояса...

На стадион вышел Туксо, и внезапно воздух наполнился гулом. Это включились запряженные глубоко в металлическом корпусе робота магнитные ленты. Из его динамиков, заработавших на полную мощность, понеслись звуки, извлеченные из бездонного колодца прошлого, отзвеневшие тысячелетия назад, вскоре после того, как первый человек бросил вызов космосу, в городе, который назывался Москва. Это было послание, которое спустя десятки веков планета-мать каждый год продолжала слать своим сыновьям, рассеянным во Вселенной, чтобы напомнить им о первых шагах Великого Завоевания.

«Здесь, на Первомайской Красной Площади, — гремели динамики Туксо, — в эту минуту начинается парад и демонстрация трудящихся... В колоннах демонстрантов

миллионы людей... На трибуне мы видим нашего Первого Космонавта...»

Грохот динамиков нарастал. Туксо весь словно источал звуки фантастической мощности: голос диктора разносился из края в край по всему стадиону; не прошло и нескольких минут, как все земляне встали и запели вместе с ним. Эта песнь казалась теперь древней, как мир, как первая галактика, завоеванная человеком; скоро этой песне суждено будет прозвучать по ту сторону границ неизведанного, которые вот-вот должны были преодолеть люди. Это был Интернационал.

Гарсо не заметил, что прямо за трибуной, на которой он стоял, еще ночью выросло исполинское рожковое дерево. Одна из его ветвей на мгновение легко коснулась щеки мальчика и он отчетливо услышал громкий голос леса:

— Дружок, Туксо просит, чтобы мы тебе рассказали: когда-то на Земле жил-был человек, которого звали Юрий Гагарин...

Но в эту минуту, словно по волшебству, боковые стенки звездолета раскрылись, и на голубую траву стадиона начали спускаться мужчины и женщины, покинувшие Землю две тысячи лет назад, и их сразу, словно облако, окутали со всех сторон торжественные раскаты гимна.

Гарсо понял, кто его мать, он тотчас узнал ее. Вместе с тысячей других мальчиков он, громко крича, скатился с трибуны и бросился на поле стадиона, чтобы скорее ее обнять. Когда он был уже близко от нее, она тоже кинулась ему навстречу и закричала:

— Гарсо! Гарсо!

А за ней шел мужчина, он смеялся и глаза у него блестели от радости.

— Ах, мама! — крикнул Гарсо, как можно крепче схватив ее за шею. — Скажи, поскорее, как тебя зовут?!

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Гуревич. Населенный воображением	5
Эрик Ф. Рассел. Небо, небо... <i>Перевод с английского Э. Кабалеvской</i>	25
Артур Кларк. Второй Мальмстрем. <i>Перевод с английского И. Почиталина</i>	38
Артур Сэллингс. Вступление в жизнь. <i>Перевод с английского Р. Облонской</i>	59
Дьюла Хернади. Парадокс. <i>Перевод с венгерского Т. Воронкиной</i>	80
Владимир Колин. Парчовая скала. <i>Перевод с румынского Е. Нарты</i>	83
Петер Куцка. Мишура. <i>Перевод с венгерского Т. Воронкиной</i>	98
Мюррей Лейнстер. Этические уравнения. <i>Перевод с английского Н. Галь</i>	105
Станислав Лем. Рассказ Пиркса. <i>Перевод с польского А. Громовой</i>	129
Синити Хоси. Полное взаимопонимание. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	152
Фудзиро Исихара. Планета иллюзий. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	157
Роберт Янг. Звезды зовут, Мистер Китс. <i>Перевод с английского Р. Облонской</i>	194
Уильям Моррисон. «Коровий доктор». <i>Перевод с английского Э. Кабалеvской</i>	214
Артур Кларк. Преступление на Марсе. <i>Перевод с английского Б. Канделя</i>	243
Артур Порджес. Ценный товар. <i>Перевод с английского И. Почиталина</i>	251
Эрик Ф. Рассел. Аламагуса. <i>Перевод с английского И. Почиталина</i>	265

Рэй Бредбери. Уснувший в Армагеддоне. <i>Перевод с английского Л. Сумилло</i>	288
Джордж Смит. Отверженные. <i>Перевод с английского Р. Облонской</i>	307
Роберт М. Уильямс. Полет «Утренней звезды». <i>Перевод с английского А. Иорданского</i>	327
Теодор Старджон. Искусники планеты Ксанаду. <i>Перевод с английского Н. Галь</i>	346
Микеле Лалли. Звездолет на Галахор. <i>Перевод с итальянского Г. Богемского</i>	386

ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ...

Художник *Ю. Соостер*

Художественный редактор *Ю. Максимов*

Технический редактор *Л. Кондюкова*

Корректор *Н. Матюхина*

Сдано в производство 19/VII 1968 г. Подписано к печати 28/X 1968 г. Бумага тип. № 2. 70×108¹/₃₂. 6 бум. л. 16,8 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16,74. Изд. № 12/4998. Цена 94 коп. Зак. № 1230.

(Темплан 1969 г. изд-ва «Мир», пор. № 192)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР

Ярославль, ул. Свободы, 97

